

ВЯЧЕСЛАВ
ПАЛЬМАН
КРАТЕР
ЭРШОТА

ВЯЧЕСЛАВ ПАЛЬМАН
КРАТЕР
ЭРШОТА

ДЕТГИЗ - 1958

1502

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1958

ВЯЧЕСЛАВ ПАЛЬМАН

КРАТЕР ЭРШОТА

*Фантастический
роман*

р и с у н к и
Б. КОРЖЕВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В фантастической повести «Кратер Эршота» вы прочитаете об удивительных приключениях геологической поисковой партии 14-бис, таинственно пропавшей без вести в нехоженных горных дебрях Якутского севера. Вместе с героями повести, отважным Петей Одичцовым и его друзьями, вы отправитесь в опасный путь, завершившийся необыкновенными встречами и открытиями. Вместе с ними вы полюбите суровую красоту горной Якутии и узнаете много нового об этом прекрасном крае.

Автор книги — писатель Вячеслав Иванович Пальман — многие годы работал агрономом в совхозах полярного Севера. В последнее время он живет и работает в станице Динской солнечного Краснодарского края, но, как вы увидите по этой повести, душой все еще привязан к величественным просторам Сибири.

Часть первая

БЕЛОЕ ПЯТНО НА КАРТЕ

Глава первая,

без которой читателю многое было бы неясно в дальнейшем

— А теперь дай мне ружье и смотри...

Борис взял двустволку из рук смущенного Пети и ловко вскинул ее к плечу.

— Бросай! — крикнул Борис.

Черепок взлетел в воздух и блеснул глазурью на солнце. Раздался выстрел — черепок разлетелся на мелкие куски.

— Видал? Вот как надо! В тайге некогда. Охотник бьет птицу влет и с ходу. Будешь раздумывать да водить стволами — тогда плохо твое дело... Знаешь бы-строту полета дикой утки?

— Кажется, сто километров...

— Вот именно «кажется». До двухсот!.. Не всякий самолет догонит. А ну, попробуй...

Петя перезарядил ружье и поднял стволы.

— Раз, два, три! — крикнул Борис, и второй черепок взвился вверх.

Петя весь сжался и, вода стволами вслед черепку, рывком надавил спуск. Выстрел! Дробь шурша зацепила черепок уже при падении. Стрелок покраснел.

Борис досадливо крикнул:

— Опять опоздал! Правда, это уже лучше, но еще далеко не то, что нужно. Больше подвижности, Петька! И вообще — больше уверенности. Не будь нерешительным! Верь в себя! Не вышло раз, попробуй в другой. Если опять не так, еще раз действуй, пока не добьешься своего. Упрямства в тебе маловато, Петька.

— Давай еще раз попробуем. А ну, подкинь...

— Нет уж, хватит на сегодня. Патроны все вышли. Да и домой пора.

И они пошли от речки медленным шагом людей, окончивших трудную работу.

Улицы молодого города начинались у подножия покатого склона горбатой сопки, от маленькой говорливой речки Хамаданки, по имени которой назывался и город. Он вырос за какие-нибудь десять—двенадцать лет и теперь носил высокое и обязывающее имя города не зря. Тут и там подымались заводские трубы; со стороны бухты, где раскинулись портовые строения, часто доносились волнующие басовитые гудки морских пароходов. Ровные улицы были застроены красивыми каменными домами, окрашенными в белые и сероватые тона, под стать северному небу и серым гранитным скалам, нависшим над южной частью города, где начинался суровый массив Ак-Чекана.

Если чем и уступал Хамадан другим, более старым городам востока нашей страны, так это отсутствием зелени. Не получалось тут с озеленением. Каждый год жители сажали на улицах и скверах сотни деревьев, окружали их самым любовным вниманием, а вот не хотели приживаться в городе деревья! И чего им не хватало? Растут же лиственницы и даже березки на площадке городского парка. И довольно высокие. Говорят,

там когда-то был густой таежный лес, но теперь этот чудом уцелевший кусочек леса — единственное зеленое пятно на строгом фоне северного приморского города.

Юноши шли вверх по Шоссейной улице к дому Усковых и продолжали свой разговор.

— Мало научиться бить верно в цель, — сказал Борис. — В походе все нужно: ты и радист, ты и охотник, ты и рыболов, ты и повар и ездовой, и даже брюки починить умей...

— Ну уж, и брюки... — Петя недоверчиво посмотрел на старшего товарища.

— Бывает всякое... Еще когда я был на первом курсе, послали нас на практику в поисковую партию, под Большой Невер. Я тогда рассуждал, как ты сейчас. Вот и хлебнул... Однажды ехали мы верхами. Ну, сам понимаешь, — чаща, тайга. Зазевался, сучок поддел меня за карман и выбросил из седла. Спасибо, лошадь умная попаласть, сразу остановилась. Всем было смешно. А мне и обидно и стыдно; ни иголки, ни нитки, а брюки от кармана до коленки — как ножницами... Сел в седло, одной рукой держусь за повод, другой — за остатки брюк. А они расползаются...

— Слушай, Боря, — заговорил вдруг Петя, почему-то понизив голос. — А вдруг дядя Вася откажет мне, а? Вы уедете, а я останусь...

Борис молчал.

— Он так странно мне ответил, — продолжал Петя: — не отказал, но и не обнадежил. Когда я передал ему письмо от мамы, он прочитал и почему-то вздохнул. А потом спрашивает: «Не боишься? В походе трудно».

— Нет, — перебил Борис. — Он сказал: «В походе все-таки трудно».

— Верно, — подтвердил Петя, смеясь, — ведь у него через два слова — «все-таки»... А я говорю: «Что ж, дядя Вася, раз я хочу стать геологом, надо приучить себя ко всему. Вот похожу с вами сезон, мне и учиться тогда будет легче». Он, кажется, повеселел. Поговорил со мной о наших, расспросил о Владивостоке. Ведь он там родился и жил до института с бабушкой и с сестрой, то есть с моей мамой. Ему, наверное, вообще-то

нравится, что я тоже хочу стать геологом. Но не знаю... Он все молчит, присматривается ко мне...

— Ладно, не унывай! Я с ним поговорю, — пообещал Борис. — В полевой партии тебе дело найдется. Да и силенок хватит.

Он, улыбаясь, взглянул на подтянутую фигуру подростка.

— Футболист? Защита?

— Правый нападающий! — ответил Петя и все же не без зависти посмотрел на своего старшего товарища: хорошо Борису, он — студент-геолог, приехал на практику. Когда его отец, геолог Алексей Александрович Фисунов, попросил своего друга Василия Михайловича Ускова взять Бориса в свою партию, Усков сразу согласился.

— Студизуса все-таки возьму, — сказал он. — И с превеликим удовольствием. Люди нужны, и с молодежью в походе веселей...

Так что насчет Бориса дело было, что называется, в шляпе. А вот с Петей... Усков призадумывался не раз, прежде чем решиться.

— Все-таки, — говорил он жене, — мальчик... Правда — крепыш, парень боевой, спортивный, сметливый, не неженка. Но все-таки — едва пятнадцать лет.

Усков действительно не знал, как быть. Мальчик приезжал на каникулы уже третий год в надежде, что дядя когда-нибудь возьмет его в экспедицию. Он, как говорится, спал и видел тот счастливый день, когда услышит: «Ну, Петро, давай едем!»

С каждым годом эта мечта становилась сильнее. Глаза мальчика смотрели с мольбой на дядю, на тетку, на двоюродную сестру Веру, десятиклассницу, которая почему-то всегда насмешливо называла его «кузеном».

Наконец — и, быть может, это было самое главное — мать Пети просила своего брата Василия Михайловича непременно взять мальчика в экспедицию. Она приводила доводы, мимо которых пройти было трудно. Она напоминала, что отец Пети погиб на войне, и мальчик живет в одном только женском обществе: мама, бабушка, сестры...

«А я бы хотела, — писала она, — чтобы он попал в обстановку, которая пробуждает любознательность и

воспитывает мужество. Я бы хотела, чтобы он стал геологом, как ты, как его отец, как наш отец, как все в нашей семье».

— Все-таки, — сказал Усков после долгих колебаний, — придется мальчишку взять!

— И правильно сделаешь, — поддержала его Варвара Петровна, жена Ускова.

Однако, как человек осторожный и сдержанный, Василий Михайлович не торопился объявить Пете свое решение. Да, собственнно говоря, еще и обещать было нечего: Усков пока и сам не получил назначения. Он был одним из наиболее опытных и заслуженных работников треста «Севстрой». На его счету числилось немало крупных открытий, три из них были отмечены орденами. В нынешнем году Усков ждал какое-то особенно интересное назначение, но дело почему-то затягивалось...

— Я вот тебя обнадеживаю, — вдруг сказал Борис, — а почему, скажи мне, мы до сих пор не едем?

— Не знаю. Дядя Вася мне не докладывает, — буркнул Петя.

Навстречу юношам неторопливо шел долговязый человек в сером щеголеватом костюме и модных туфлях. Сразу видно было приезжего: местные жители предпочитают сапоги и свитеры. Незнакомец часто останавливался и внимательно осматривал деревца, посаженные совсем недавно вдоль тротуара. Остановится, возьмет веточку, задумчиво ее осмотрит, потом выпустит, покачает рукой ствол. . .

— Знаешь, кто это? — шепнул Петя. — Орочко! Ученый-агроном, кандидат наук. Он у нас во Владивостоке работает, в филиале Академии наук. Его вызвали сюда по делам совхозов.

Петя шагнул к агроному:

— Здравствуйте, товарищ Орочко! Скажите, будет оно расти, это дерево?

— Расти? Гм... Если хорошенько потрудиться, тогда будет расти. И не только это простенькое деревцо, но и нечто другое...

— Например?

— Ну, скажем, яблоки. Недурно бы, а? Вечная мерзлота — и «ранет Семиренко»...

Он засмеялся, отчего лицо его сразу помолодело.

Весело хлопнув Петю по плечу, он зашагал вниз по улице.

— Фантазия какая-то... — сказал Борис, проводив его взглядом. — У нас в Томске, куда южнее, и то только недавно начали разводить кизюринские сорта яблонь. А в здешних местах об этом и думать не стоит... Вечная мерзлота, шестьдесят вторая параллель!..

Он умолк, но после небольшой паузы прибавил:

— А впрочем, кто его знает...

— То-то, что «кто его знает»! Ты не был в совхозе «Сайчан»? Недалеко отсюда. Мы как-то ездили с Верой. Какие там цветы, арбузы, дыни! Правда — под стеклом, в теплице, но все же... А занимается этим тот же Орочко.

Возле деревянного дома их встретила, усиленно работая хвостом, большая, лохматая, белая с желтыми подпалинами собака. Видно, не желая покидать своего поста, она ждала друзей у ворот и теперь вся извивалась, повизгивая, и даже приплясывала от радости.

— Вот Каву-то дядя небось в экспедицию всегда берет, а меня — дудки! — полушутливо, полусерьезно сказал Петя.

Борис и Петя вошли в дом. Там сборы были в разгаре. Варвара Петровна, хорошо знавшая, что муж не любит задерживаться и тратить время попусту, готовилась к отъезду главы семьи заблаговременно. Она чинила, штопала, укладывала белье. Вера помогала ей, просматривала инструмент, книги, ремонтировала рюкзак. Во всем доме чувствовалось волнение, обычно предшествующее дальним проводам; всюду стояли чемоданы, тюки, ружья.

— Наконец-то припожаловали, — деланно сердитым голосом сказала Варвара Петровна. — А ну-ка, за работу! Нечего тут с ружьями расхаживать!

Пока хозяйка усаживает наших юношей за дело, мы покинем дом Усковых, чтобы встретиться с самим Василием Михайловичем Усковым.

В геологический отдел треста «Севстрой», где он работал, вошел секретарь:

— Василий Михайлович, вас просит управляющий.

В приемной управляющего сидели еще несколько посетителей. С одним из них, агрономом Орочко, Усков уже встречался.

— И вы по вызову?

— Да... Кажется, нам вместе...

Они едва успели перекинуться парой слов, как их обоих пригласили в кабинет.

Управляющий встретил геолога и агронома как старых друзей и крепко пожал им руки.

— Прошу, — сказал он и указал на кресла. — Садитесь, у нас с вами серьезный разговор.

Он помолчал с минуту, затем обернулся к стене и отдернул белую занавеску. Открылась большая стенная карта всего края. Знакомые очертания! Усков стал всматриваться. Где только не побывал он за эти годы! Извилистые линии рек. Красные точки геологических баз. Черная лента дороги, на тысячу километров уходящая в глубь материка. Кружочки поселков, приисков, якутских и ороченских колхозов и стойбищ. Пунктирные линии аэроразведки...

Но вот, ближе к левому краю карты, — большое белое пятно. Ни кружков, ни точек, ни линий. Пересекая многотысячметровое пространство, темнеют горные хребты, отходящие от массива Терского. словно щупальца гигантского спрута, тянутся во все стороны горы, полные таинственности и неизвестности. Много лет назад русский путешественник Терский вместе с женой, своей верной спутницей, и с группой казаков пересек безмолвные просторы дальнего северо-востока Сибири и дал миру первую схематическую карту этого края. Давно нет в живых смелого исследователя. Многие разведчики уже прошли по его следам, дополнили и уточнили первые зарисовки хребтов, долин и речек. Воздушные трассы пролегли через темные горы. Но здесь — вот в этом левом углу карты — все так же пустынно белеет неизвестное. Ничья нога еще не ступала в пределы загадочного пятна. Даже местные жители — якуты — избегают вступать в эти дикие горы, с которыми связано много легенд. Стоит только завести разговор о массиве Терского, как якут закачает головой, зацокает языком и нахмурится: «Плохо, очень плохо, брат... Не надо туда ходить...»

Рука управляющего легла на белое пятно.

— Приказом по тресту организована поисковая партия номер 14-бис, на которую возложена очень ответственная задача: за один сезон, до наступления зимы, изучить этот горный массив. — Он открыл стол и достал какие-то бумаги. — Дело в том, что трест получил недавно интересные материалы из архива города Верхне-Алымска. Незадолго до революции политические ссылки и их друзья якуты случайно обнаружили в этом районе золотоносные руды и алмазы. Слухи передавались из уст в уста и были наконец кем-то записаны. Записи сохранились в архиве. Никаких попыток серьезных изысканий, а тем более эксплуатации месторождений не делалось. К тому же все данные окутаны таинственностью, переплетаются с суевериями, и вообще трудно сказать, насколько они достоверны. Однако они крайне заманчивы и в конце концов, может быть, правдоподобны. Надо проверить этот район. Но пройти его быстро, методом рекогносцировки, сделать геологическую схему и дать заключение. Начальником партии 14-бис назначаетесь вы, Василий Михайлович. Работа очень трудная, но вам она по плечу.

— Я готов...

— Вот и отлично.

Управляющий отошел от карты, и глаза его встретились с удивленным взглядом агронома: разговор касается чисто геологических проблем, при чем здесь агроном?

— Я понимаю вас, Александр Алексеевич. Вы сидите и недоумеваете, зачем, собственно, я вас-то побеспокоил?

— Да, признаюсь, мне не совсем ясно...

— Сейчас узнаете... Я почему-то уверен, что наши сведения верны и что Василий Михайлович найдет много интересного. Стало быть, надо думать и о будущей эксплуатации этого района. А как мы можем практически организовать разработку за триста—пятьсот километров от дорог, в глухих горах? Необходимо организовать базу продовольствия на месте. Где возникнет прииск, там должен вырасти совхоз. Так что вам надо уже сейчас определить возможности растениеводства и оленеводства в том районе, составить почвенную карту, со-

брать гербарий. Мне вас не учить... Вот, товарищи, почти всё. Прошу вас пройти к главному геологу и в деталях ознакомиться с заданием.

Глава вторая,

*в которой читатель знакомится с героями повести
и отправляется вместе с ними в путь*

Поисковая партия, с которой вышел Усков, состояла всего из шести человек.

Скажем сразу: не только Борис, но и Петя попал в их число...

Все вышло именно так, как он мечтал: дядя Вася пришел из треста в веселом настроении и не успел войти, как уже прогудел его бас:

— Ну, Петушок, собирайся, едем!

И даже подарил ему прекрасное ружье — «ижевку» шестнадцатого калибра. Если бы не было здесь насмешницы Веры, Петя, конечно, показал бы, как он умеет ходить колесом...

Кроме известных читателю геолога Василия Михайловича Ускова, агронома Александра Алексеевича Орочко, Бориса и Пети, был в экспедиции некий Лука Лукич, по фамилии Хватай-Муха, приглашенный на должность завхоза и сам о себе говоривший, что он и швец, и жнец, и на дуде игрец. Петя впервые увидел его, когда грузили экспедиционную полуторку. Коренастый, весь как будто литой, рыжеусый человек лет тридцати ловко забрасывал в кузов трехпудовые ящики и мешки. Шея этого неугомонного товарища покраснела от напряжения, со лба стекали струйки пота. Он работал жарко, ловко, весело покрывая. Окончив погрузку, он вздохнул, встал на ветерке, широко расставив ноги, вытер подолом рубахи лицо и закурил. Глубоко затянувшись, он деловито полез в кузов. Не успела машина проехать и пяти километров, как Лука Лукич уже крепко спал, положив кудрявую русую голову на локоть.

Шестым участником экспедиции был проводник. Но он подсел в машину уже в пути, довольно далеко от города.

А уж Кава, конечно, прыгнула в кузов первой. Она прекрасно понимала, что это за приготовления идут в доме и почему грузят полуторку. Не считая нужным скрывать свое нетерпение, она только ждала минуты, когда погрузка будет кончена, и сразу заняла свое место.

И вот все уселись, задернули полог брезентового кузова и постучали по кабине: трогай! Загудел стартер, чихнул мотор, и машина понеслась. Фигуры провожающих становились всё меньше, вот уже не видно голубой кофточки Веры и белого платка в руке Варвары Петровны, мелькают дома, и город остается позади. Из-под колес машины вынырнул мостик, сбоку проплыло серое здание телеграфа, и через несколько минут перед водителем стала разматываться бесконечная, вся в поворотах и подъемах каменная лента таежного шоссе...

В машине молчали. Усков с минуту поворочался в полутьме кузова на мешках и ящиках, подозвал к себе Каву и задумался. Оরочко, уставший от сборов, привалился к тюку и дремал. Борис шумно и часто вздыхал. Он тяжело переживал разлуку. С кем? Догадаться нетрудно. Всё, о чем бы он сейчас ни подумал, — о парке с тенистыми деревьями, о светлой и широкой бухте, об уютном домике Усковых, о далеком Томске, где остались друзья и товарищи, — все почему-то обязательно связывалось с образом Верочки Усковой. То он видит ее на волейбольной площадке парка, веселую и подвижную... То она бежит по шуршащей гальке по берегу бухты, и волны ласково тянутся к ее ногам... То, наконец, всплывают минуты прощания: нежный взгляд, напускное веселье и долгое рукопожатие... Борис огорченно вздыхает, благо за шумом машины это остается незамеченным.

Петя, кажется, только в машине успокоился. Теперь все страхи позади. Теперь он полноправный член экспедиции! Он не расстанется с ружьем, о котором даже Борис говорит, что это «прекрасный экземпляр».

Петя выглянул из кузова. Автомобиль мчался уже по тайге, раскинувшейся среди невысоких округлых сопок.

Много труда затратили люди, прокладывая сквозь леса и хребты эту важную для жизни края дорогу. Перед строителями то и дело вставали горы, и люди проби-

вали путь по их крутым склонам. Все вперед и выше в горы змейкой шел серый, отполированный шинами серпантин, пока не достигал очередного перевала, чтобы так же извилисто и осторожно разматываться вниз, мимо провалов, под утесами и нависшими скалами, куда-то в новую долину. А там снова начинались густые леса. Замшелые столетние лиственницы чернели внизу, подымались на террасы, заселяли склоны. На опушках, на солнышке нежились гибкие вечнозеленые стланики — стелющиеся кедры, которые ложатся на зиму под надежное укрытие снега на самую землю, чтобы весной, с первым теплом, шумно встать, распрямиться свечой, отряхивая со своей чуть помятой хвои намороженный льдистый снег.

И опять их вырубали, корчевали, стаскивали. Сыпали на обнаженный грунт гравий и песок. И так, шаг за шагом, прорубались вперед, распугивая зверей и птиц. Кончался лес, и перед строителями внезапно открывалась огромная, ровная поляна. Высокие травы по краям, пышные мхи и целые заросли брусники, клюквы, морошки. Но пойдешь сунуться в этот приветливый лужок! Гиблая трясина так и ждет неосторожного. Она зачавкает, проглотит и сразу сомкнется наверху грязным озерком маслянистой воды. Страшные места! На Севере их называют м́арями. Даже медведь их обходит, позволяя себе лишь издали полюбоваться на лакомые ягоды.

Но и болота не останавливали строителей дороги. Они смело вскрывали топи, сыпали в воду, в дурно пахнущую грязь тысячи кубометров камня, гравия, стелили гати, вбивали сваи. И вот через предательские трясины пролегло в конце концов прямое как стрела шоссе с бело-черными рядами столбиков по обеим сторонам.

Шоссе уходит все дальше от города, от океана на север, на восток и опять на север. Сотни и сотни километров в глубь материка.

По шоссе бегут машины, они везут горнякам и лесорубам, строителям и охотникам, механикам и звероловам, разведчикам и рыболовам — членам огромного коллектива севстроевцев — все, что нужно им для работы и жизни в этом трудном, но богатом крае. Медленно движутся прицепы с разобранными экскаваторами, идут самоходом бульдозеры, грузовики везут лебедки, ковши,

котлы. То там, то здесь машины сворачивают на боковые дороги и скрываются в лесных распадках. И только по указателю, прибитому где-нибудь к столбу, можно узнать, что тут недалеко лесоразработка, завод или прииск.

Резвая полуторка полевой партии Ускова шла почти без остановок два дня и две ночи. Шофер Семеныч спал в кабине час или полтора в сутки, останавливая машину где-нибудь у ручья. Просыпаясь, он выскакивал из кабины, обливался до пояса холодной водой и опять на целый день садился за руль.

К концу второго дня дорога заметно ухудшилась.

Автомобиль пошел совсем тихо. Когда машина останавливалась и Семеныч выключал мотор, удивляла странная тишина, царившая кругом. Не шумели ветвями деревья, не слышно было птиц и всего того веселого гомона жизни, который так обычен в лесах. Что-то загадочное было в глубоком молчании природы. Становилось немного жутко и хотелось говорить шепотом.

Однажды, проснувшись на рассвете, Петя почувствовал, что машина стоит. Снаружи доносились приглушенные голоса. Один — четкий и выразительный — принадлежал дяде, Ускову. Другой — густой, неторопливый и окающий, какие часто встречаются у волжан, — был незнаком.

— Лошадей хороших получил? — спрашивал Усков.

— Будто хороших... Всё больше наши, полуякутки. Маленькие, но выносливые. И до корму неприхотливые. Не знаю, будешь ругать меня, Василий Михайлович, или нет, но взял я вместе с табунком и жеребчика. Говорят, он хорошо табун держит. Норовистый, но строгий. Уж никакая лошадь не отобьется: закусает, а не пустит. Чисто фельдфебель старорежимный, дисциплину в строю держит. Хоть и беспокойно с ним, но взял.

— Что ж, взял так взял... Тебе забота, да, пожалуй, Луке Лукичу.

— Так и он с вами?

— Лука Лукич? А как же! Ты ведь с ним знаком?

— Три сезона вместе ходили. Еще когда по Балаханчану прииска ставили. Где же он?

— Спит в кузове. Отсыпается...

— А еще кто в партии?

— Агроном, еще двое парней. Ну и спутница моя, Кава...

— Агроном-то зачем? Не пшеницу, чай, сеять идем?..

— Будем смотреть земли. Трест совхозы намерен строить на новых местах.

— А-а... Дело нужное... Когда тронемся, Василий Михайлович?

— Сам решай. Одного дня, я думаю, на сборы хватит? Я познакомлю тебя с маршрутом, и, пожалуй, на заре послезавтра отправимся.

— Никогда не ходил я в ту сторону, Василий Михайлович, — все как-то стороной обходить приходилось. Слава дурная у старожилов идет об этих горах, — раздумчиво сказал незнакомый голос.

— А именно?

— Знаешь, как у них называется то плоскогорье, что правее долины Кура-лех? Салахан-Чинтай. Это значит — «Жилище злых духов»...

— Интересно... Нам как раз по пути. Зайдем и в жилище злых духов, проведем, чем они недовольны, почему злы...

Говорившие отошли в сторону, и Петя уже не слышал, о чем шла дальнейшая беседа. Он выглянул наружу. Было светло. Машина стояла на большой песчаной отмели у реки. Дороги не было видно ни позади, ни впереди. Значит, ехали прямо по берегу речки, по гравию и песку.

К берегу подступал лес. Из леса будто выбежала к реке избушка с одним оконцем, по виду нежилая, без ставен и без стекол — зимовье. Возле нее ходили, пофыркивая, лошади, тут же лежала кудлатая черная собака с маленькими стоячими ушками и смешным коротеньким носом — типичная лайка, северянка.

Петя отдернул полог и прыгнул на землю. За ним выскочила Кава и тут же принялась тряхиваться и вылизывать взлохмаченную шерсть. А через секунду около нее уже стояла и осторожно, подозрительно принюхивалась черная собака. Потом обе повиляли хвостами и вдруг сразу сорвались и, резвясь, побежали вдоль берега. Знакомство состоялось.

Усков подходил к машине. Рядом с ним шагал круп-

ного телосложения старик с небольшой, порядком поседевшей бородой. Его розовое, свежее лицо и молодые глаза как-то не вязались с седой бородой и внушительной осанкой. Одет он был в видавшую виды кожаную куртку, подпоясан охотничьим ремнем, на котором висели патронташ и сумка то ли с порохом, то ли с табаком и спичками. Простые брюки заправлены в ладные ичиги, туго перетянутые ремешками у щиколотки и под коленками.

«Настоящий таежный охотник», — определил Петя, прочитавший немало иллюстрированных книжек о тайге и ее жителях.

— Вот и наш проводник Николай Никанорович. Знакомься, Петя... Это мой племянник, самый юный наш разведчик.

Петя протянул руку и улыбнулся. Старик подтянул подростка за плечи к себе и поцеловал по-отечески ласково, в лоб.

Николай Никанорович Любимов родился здесь же, на Севере, в семье ссыльного из Нижнего Новгорода, и с детских лет привык к сумраку тайги, к холоду горных рек, к комарам и ружью, к волчьему вою и шуму обвалов. Восьми лет он уже был на весенней тяге гусей, в двенадцать ходил с охотниками на рысь и медведя, а в семнадцать начал водить по тайге людей, уходивших от бдительного ока царской полиции. Когда после революции по таежным куткам рассыпались остатки разбитых колчаковских и семеновских банд, Любимов, с куском красной ленты на ушанке, гонялся за ними вместе с сотнями таких же, как он, партизан. А когда в Хамадане создали трест, Любимов был назначен штатным проводником и стал первым другом разведчиков-геологов.

Вскоре все поднялись, и Усков объявил:

— Через сутки двинемся дальше!

В лесном уголке у безымянной речки, вероятно, впервые раздавалось столько шумов человеческой жизни. Разгружали машину, готовили вычужные узлы, подбирали и сортировали грузы, стараясь переложить их поудобнее и поладней в брезентовые мешки для конных укладок.

Солнце поднялось, стало припекать.

— Пора и поесть. Как, друзья? Петя, ну-ка, организуй костер да походный котелок, — сказал Усков.

Петя бросился в лес. Он живо срубил две первые попавшиеся жерди, очистил их от коры, вбил в песок, положил на них поперечину и побежал за дровами. Выбирать было некогда, хотелось выполнить поручение как можно быстрее. Он срубил тонкую лиственницу, подтащил к своему сооружению, живо изрубил в щепки и сложил в кучу. Свежие дрова приятно пахли смолой. На руках у дровосека налипла живица, и они сразу стали такими грязными, что нечего было и думать отмыть их в воде. Но, кажется, дело сделано! Петя чиркнул спичкой. Кора задымила, затлела и... погасла. Петя поджег еще раз, потом еще. Коробок уже почти пустой, а успех все тот же. Мальчик покраснел и украдкой поглядывал на старших. Все были заняты каждый своим делом, никто не обращал на него внимания. Тогда он подошел к грузовику и тихонько попросил шофера:

— Семеныч, дайте немного бензинчику...

— Пожалуй... Смотри, только осторожно.

Бензин вспыхнул, и весь костер охватило веселым пламенем. Дрова затрещали, закоптили, зашипели и... погасли. Какая досада! У Пети даже уши покраснели.

Николай Никанорович неторопливо подошел к нему, взял топор и тихо сказал:

— А ну, пошли со мной...

Они углубились в лес. Проводник огляделся. Недалеко белела сухая лесина. Он внимательно осмотрел ее, выбрал ровный, без сучков, бок и, не срубая дерева, настругал со ствола длинных, выходящих стружек. А уж потом срубил все дерево и, разделив его на поленья, сам взялся за тяжелый комель. Петя ухватил вершину. У черного от копоти Петиного «костра» проводник еще наколот длинных щепок, поставил их шалашиком над пучком стружек, обложил шалашиком толстыми чурками стоймя, так, что теперь все дрова стояли наклонно к центру, и поджег в середине шалашика стружку и кору. Пламя побежало по растопке, по щепкам, вынырнуло вверх, как в трубе, охватило поленья — и ну гудеть между чурочками, будто в хорошей печке! И все это без слов, без объяснений. Петя глядел во все глаза.

— Ясно?

— Ясно!.. Спасибо, Николай Никанорович.

— Приглядывайся. Май кругом, деревья хоть и смолистые, однако еще сыроваты, не хотят гореть. Вот и палки твои, что на рогачок поставлены, не годятся. Сырые. Сейчас нагреются, погнутся, и чайник бухнется в костер... Принеси-ка сухих...

Скоро над костром бурлил чайник, а сбоку, на углях, стоял котелок, в котором побулькивали аппетитно

пахнувшие мясные консервы. Кава и ее новый приятель Туй лежали рядом, жмурясь от удовольствия.

Чаевали тут же, у костра, присев на ящиках. Вокруг, куда только хватал глаз, нежилась под ярким солнцем последних дней мая темно-зеленая тайга. Рядом негромко говорила о чем-то с камушками река, и ее неторопливый, приглушенный говорок чутко слушал молчаливый лес, склонивший к воде свои мохнатые уши. Солнце грело все сильнее. В такую погоду от лиственниц и розовых цветов багульника к полудню начинает исходить густой аромат смолы и скипидара. Вдоль реки тянет легким ветерком, который разгоняет надоедливых комаров. Как хрусталь чиста и прозрачна, как лед холодна вода в горном ручье. Такую воду любит хариус, игривая красавица рыбка...

Весь день прошел в хлопотах. Лука Лукич привел на базу лошадей. Туй помог ему собрать табун очень быстро. Лошадей осмотрели, примерили выюки и снова пустили пастись.

После обеда Усков попросил всех присесть и вынул карту.

— Значит, так! — сказал он. — Выходим на заре. Все-таки путь многодневный и трудный — километров семьсот, если считать в оба конца. Пойдем на северо-восток, пересечем три боковых отрога Главного хребта и

выйдем к основным высотам, на плато Салахан-Чинтай... Знаменитое плато! Обследуем горные породы в верховьях рек и посмотрим, что растет и может расти в долинах. Все-таки, обратите внимание, эти места — одно из последних «белых пятен» на Земле. Я надеюсь, что мы здесь найдем и редкие металлы, и пастбища, и место, чтобы капуста могла расти, и, скажем, все-таки картофель, и прочее. Теперь вот что: времени у нас мало, к середине октября мы должны сюда вернуться, и, надеюсь, Семеныч...

Шофер тряхнул головой:

— Непременно буду ждать, Василий Михайлович. Будьте без сомнения... Только подайте радиограмму, и я сразу выеду.

— Отлично! Еще два слова: все заботы о лошадях, о пропитании, все хозяйство ложится на Луку Лукича. Однако мы должны ему помогать. У нас есть ружья, стало быть, питаться надо дичью. А консервы приберегать для крайних случаев.

«Вот это правильно! — подумал Петя, сжимая свою «ижевку». — Какие там консервы! Медвежатина, гусятина — вот она, пища таежника!..»

— Итак, — продолжал геолог, — отдыхайте, друзья, а завтра с рассветом в дорогу.

День подходил к концу. Сумерки подкрались незаметно. Над долиной сгустились тени, стало слышно, как шуршит по камням вода. Лесная даль затуманилась, и наступила короткая северная ночь, молчаливая и странно прозрачная.

Кажется, ты только что уснул, а вот уже и подъем...

Борис подтолкнул Петю, встал, потянулся и без промедления пошел к реке расслабленной походкой невыспавшегося человека. Вяло опустившись на колени, он набрал полные пригоршни холодной воды и плеснул себе на лицо, на грудь. Возвратился он порозовевший, бодрый и с азартом и жадностью взялся за работу.

В предутренней дымке молча седлали лошадей. Они фыркали, лягались и обмахивались хвостами, когда Лука Лукич и Любимов слишком туго подтягивали вьючные подпруги.

Наконец приготовления окончились. Вьючных лошадей связали на одном длинном поводке, верховых расставили в заранее определенном порядке. Впереди — Любимов и Усков. За ними — на некотором расстоянии — Борис. Лука Лукич ехал в середине каравана. В конце — Петя и замыкающий Орочко. Так распорядился Любимов.

— Ну, — сказал Усков, пожимая руку Семенычу. — Нам пора. До скорой встречи, друг..

Они обнялись. За геологом подошли прощаться остальные. Семеныч растроганно заморгал. Петя застенчиво прощался последним. Семеныч крепко обнял его и зашептал:

— Береги себя, парень! Дело-то ведь нешуточное... И отвернулся.

Длинной цепочкой резво тронулись вверх по реке стоявшие лошади. Уже когда въезжали в тайгу, Петя в последний раз обернулся, и сердце его почему-то тревожно сжалось. На опустевшем берегу стояла одинокая фигура шофера.

— Прощай, Семеныч!.. — громко крикнул мальчик, и голос его сорвался.

Шофер поднял над головой руки и в знак приветствия сжал ладони.

Поворот, другой — и стоянка скрылась. Караван углубился в тайгу.

Глава третья

повествует о первых приключениях экспедиции. — Странные озера. — Рысь готовится к прыжку

Даже представить трудно, как велика, как бесконечно просторна наша страна!

Идет геологический отряд день, другой, третий. Забегутся люди на какую-нибудь вершину и оглянутся кругом: куда только хватает взгляд, лежат застывшими волнами мертвого моря округлые невысокие сопки, — то в россыпях серого щебня, то одетые в редкую темно-серую чешую мелкого леса, то старательно укутанные в ярко-зеленые заросли кедрового стланика. Природа не

любит однообразия. То там, то здесь подымаются горные хребты. Черными скалистыми массивами разделяют они мелкогорье и горделиво уходят за горизонт, кутая свои альпийские вершины в белые облака.

Спускаются люди с гор и снова идут неторопливым шагом искателей по распадкам и склонам сопок, идут день, другой, третий. . . И снова подымутся на очередную гору, переведут дух, зорко осмотрятся кругом. И снова развернется перед ними знакомая картина: бесконечный, от горизонта до горизонта, сопочный разлив и грозные каменные хребты среди мелкогорья.

Редко-редко увидят перед собой люди неширокие равнины. Это — долины горных рек. Титаническим трудом пробили себе путь среди гор быстрые воды, они разрушили каменные стены, натащили в низины валунов, гравия и песку и кое-как выровняли свое ложе. Долины заросли душистым тополем, лиловым кипреем и целыми рощами кустов-ягодников. Качаются на песчаных островах высокие травы, шныряют меж кочек лисы и зайцы, бормочут на опушках глухари. В долинах сосредоточена жизнь обитателей Севера. Здесь как-то веселее и привольнее, чем в сопках.

Но долин мало. Реки не часто встречаются в высокогорной стране, где даже весенний паводок и тот шумит всего лишь какую-нибудь неделю, не больше.

Чем дальше, тем суровее и неприветливее становилась природа, все труднее путь и опаснее переходы.

Где-то неподалеку находился мировой полюс холода. Живая природа становилась беднее, тайга реже и ниже, травы непригляднее. Все чаще и чаще под ногами шуршал голый щебень, а для ночного костра приходилось довольствоваться хилой кустарниковой березкой или замшелыми тонкими стволами столетних лиственниц, диаметр которых не превышал и десяти сантиметров.

Вся горная страна, по которой продвигались разведчики, заметно подымалась: сопки потеряли округлость и щерились теперь в небо остроконечными останцами и скалами. В ущельях людей встречал каменный хаос, россыпи щебня и острых глыб камня. Звери и птицы покинули эти неприветливые места, и бывало, что за целый день люди не слышали даже карканья вороны — вездесущей, зловещей птицы каменных пустынь.

Так проходили дни. Отряд углублялся все дальше в горную страну, куда не проникал еще ни один исследователь.

Любимов ехал впереди. Время от времени он слезал с лошади и уходил вперед пешком, по каким-то только ему одному понятным признакам отыскивая верный и безопасный путь. Он часто вытаскивал из-за ремня маленький топорик и делал засечки на деревьях или ставил высокие вехи на каменистых гольцах. Эти нехитрые знаки должны были пригодиться и самой экспедиции на обратном пути, и другим людям, которым еще предстояло пройти в этих нехоженных местах.

Нашим молодым друзьям уже давно хотелось поохотиться, но не видно было никакой дичи. Правда, раза два или три они замечали вдалеке стада горных баранов: пугливые животные паслись в широких распадках под охраной чутких вожakov, недвижно стоявших на часах на какой-нибудь высокой скале. Стоило только людям появиться в виду стада, как все бараны по сигналу вожака срывались с места и в мгновение ока исчезали в ущельях.

Остановки иногда делали среди дня. Хватай-Муха в таких случаях осведомлялся:

— Плановая?

— Местная разведка, плановая, — следовал ответ.

Это означало, что надо только снять вьюки с лошадей, пустить их недалеко пастись и на скорую руку приготовить у костра пищу. Разведчики немедленно расходились по сторонам. Усков с Борисом вооружались геологическими молотками и брезентовыми сумками для образцов и отправлялись в ближайшие ущелья, к обнажениям горных пород или на берег ручья; агроном с Петей, закинув за спину ружья, уходили в редкий прозрачный лес или в долину, где собирали гербарий, исследовали почву, измеряли температуру воды в ручье и делали зарисовку местности.

Но иногда Усков объявлял «особый» привал.

Тогда Хватай-Муха вместе с проводником раскрывали и раскатывали основные вьюки, быстро ставили палатку из серого брезента, натягивали растяжки, и у партии номер 14-бис появлялся свой дом. К палатке незамедлительно приносили два толстых сухостойных

бревна и устраивали рядом с жилищем «вечный огонь». Загоревшись от маленького костра, два сухих бревна могут тлеть очень долго. И стоит только подбросить в этот очаг несколько сухих щепок, как костер ярко разгорается в несколько минут.

— Не иначе, як той примус, — любил говорить по этому поводу Лука Лукич Хватай-Муха.

На длительных остановках он отпускал лошадей без пут, поручая их охрану Каве, Тую и жеребцу Гордому. Надо сказать, что Гордый вполне оправдывал оказываемое ему доверие. Он ревностно, даже, пожалуй, чересчур ревностно, оберегал своих подопечных. Нередко то одна, то другая лошадь приносила на своем крупе следы его острых зубов. Лука Лукич огорченно разглядывал раны, смазывал их березовым дегтем и ругал Гордого:

— Шо ж ты киняку кусаешь, бис твоему батьке! Може, це твой ридний дядько або брат, а ты его зубами! З-заноza!

И давал Гордому кнута — впрочем, добродушно. А в душе и сам завхоз и проводник Любимов уважали Гордого и были ему благодарны: верный жеребчик не потеряет ни одной лошади, можно быть спокойными.

«Особые» остановки означали, что геолог «нашупал» интересные месторождения и хочет их изучить детальнее. Объявлялся аврал. К поисковым работам привлекались все разведчики. Рыли узенькие шурфы, делали пробную промывку песка и толченой руды. Усков часто прибегал к микроскопу, проводил несложный химический анализ руд, подбирал коллекционный материал. Работали целый день не разгибая спины. А вечером перед сном кто-нибудь спрашивал:

— Что вы там нашли на дне лотка, Василий Михайлович?

— Так, небольшое месторождение, — отвечал геолог. — Есть золото. Но вряд ли оно имеет промышленное значение. Опять «кочки», то есть не сплошное залегание песков, а так... Это все не то...

Разведчики вздыхали. «Не то»... Как хотелось, чтобы было «то», чего они ждут, чего ждут от них! А вот не дается золото в руки, и только!

Ничего не поделаешь... Отправляли очередную радиogramму в трест о том, что работа продолжается, все живы-здоровы и шлют приветы. И группа снималась с места.

Однажды отряду пришлось долго и трудно подниматься в горы по совершенно голым, каменистым сопкам. Почти целый день шли по ущелью, которое становилось все уже и уже.

Любимов забеспокоился и, остановив караван, уехал вперед один на своем резвом коньке. Вернувшись через час, проводник с озабоченным видом доложил Ускову:

— Какая-то западня... Дальше никакого хода нет. Придется или возвращаться, или вылезать вот по той узкой тропке... — Он показал на боковой карниз, отлого поднимавшийся вверх.

— Что советуешь, Николай Никанорович?

— Конечно, подниматься. Правда, опасно, но не идти же нам назад. Это больше двадцати километров! Разве мыслимо? Ничего, лошади у нас привычные ходить по скалам. Людям придется слезть, идти за лошадьми и держаться за хвосты. Левые выюки подтянуть выше!

Скоро цепочка людей и лошадей втянулась на горную тропинку и медленно тронулась по ней, выбираясь из ущелья. Кони похрапывали, но шли уверенно, низко нагнув головы и обнюхивая дорожные камни. Все молчали. Шли десять, пятнадцать минут. Тропинка все подымалась. Вот уже Гордый победно заржал наверху. Вышел!.. За ним поднялись вторая и третья лошади.

И тут случилось нечто непредвиденное. Откуда-то из темной щели, прямо перед пятой лошадей камнем вылетела ослепшая на дневном свете сова. Лошадь от неожиданности шарахнулась, дернула за повод, которым была привязана к другой лошади, и натянула его как струну; ремень больно ударил Бориса. Тот пошатнулся, оступился и, не удержавшись, соскользнул вниз.

— Ох!.. — вырвалось у Пети, и он от ужаса закрыл лицо руками.

Но студент не растерялся. Падая, он все же не выпустил из рук хвоста лошади и повис над пропастью на руках. Умное животное присело на задние ноги. Еще секунда-другая, Борис сорвется и полетит вниз. А Петя,

растерявшийся и испуганный, стоял рядом и не знал что делать.

Любимов, шедший чуть сзади, быстро крикнул: «Держись!», прополз под ногами остановившихся лошадей, мимо дрожавшего Пети, нагнулся к Борису и быстро схватил его за плечи. Силы проводнику не занимать было! Через мгновение побледневший Борис стоял на тропинке, тяжело дыша и растерянно озираясь.

Усков этого не видел, но почувствовал, что случилось что-то неладное, и в тревоге крикнул сверху:

— В чем дело?

— Ничего, все в порядке... — откликнулся Любимов.

Спокойным голосом, как будто ничего не произошло, он командовал: «Пошел!» Все гуськом потянулись вперед.

Выйдя из ущелья и сверившись с маршрутом, пошли быстро, чтобы засветло добраться до какого-нибудь лес-

ного ручья, где можно будет сделать остановку. По ровному каменистому валу лошади шли бойко, и через час отряд достиг вершины водораздела.

Но что это?

Люди увидели перед собой совершенно неожиданную картину. Прямо перед ними, в красноватом свете заката, в глубокой зелени берегов, далеко внизу, в долине, неслась стремительная, широкая и сильная река. Однако, достигнув подножия горы, на вершине которой стоял отряд, река... исчезала. Да, исчезала! Сколько ни всматривались люди в просторную котловину у себя под ногами — вправо, влево, — нигде больше реки не было видно. Она исчезала каким-то таинственным образом. Прислушавшись, разведчики уловили глухой шум, напоминающий рев водопада.

— Что это может быть? — задумчиво обронил геолог. — Река падает вниз? Но куда?..

Уже накапливались вечерние тени и медленно ползли вперед, все больше закрывая этот непередаваемый северный пейзаж, как закрывает ревностный художник свою картину перед равнодушным глазом профана.

— Вперед! — командовал Усков, очнувшись, и караван тронулся дальше.

Гора покато спускалась в долину. Чем ниже, тем сильней становился шум, идущий словно из-под земли. Проводник с геологом прошли метров сто пешком и позвали к себе остальных:

— Сюда!..

Внизу, метрах в двухстах, кипела и пенилась истине сумасшедшая река. Ударившись всей своей силой о каменную грудь горы, вода, буйно ревя и грохоча, отскакивала назад и опять падала в русло, создавая гигантскую воронку, над которой кипела клочковатая белая пена и висели мириады блестящих брызг. В центре воронки вода кружилась с ужасающей быстротой: ее втягивало вниз с каким-то гудящим и всхлипывающим звуком.

— Поток уходит в пропасть?! Вот это настоящее чудо природы! Какая-то аномалия, товарищи! — воскликнул Усков. — Невероятно! Если это так, то мы имеем здесь дело с вулканическим провалом. Пласты, поднятые вверх... Древние эры, выставленные природой для об-

шего обозрения... Вот где нам предстоит серьезная работа, друзья! Не будем все-таки терять дорогого времени. Давайте скорее спускаться...

Они спустились в долину и с азартом взялись за дело. Скоро возле густых черемух выросла палатка. Задымил костер.

Петя не пожелал терять даром ни минуты, пока еще было светло. Он закинул ружье за спину и пошел. У одинокой скалы он остановился и прислушался. Впереди что-то зашуршало: на ветке лиственницы сидел большой черно-красный глухарь и, склонив голову набок, глупо смотрел на охотника своими круглыми, чуть удивленными глазами, что-то бормоча и приседая, как они это всегда делают, собираясь взлететь.

Грохнул выстрел. Черная птица, цепляясь за ветви и теряя перья, шлепнулась на землю. Эхо подхватило звук выстрела, и он понесся во все концы, перекачываясь и замирая. Вся огромная долина прислушалась к этому незнакомому звуку.

— Эге-ге-ге!.. — слышалось от лагеря. — Кто стрелял? В чем дело?

Вместо ответа взволнованный и радостный Петя через минуту положил перед Хватай-Мухой свой трофей.

На следующий день утром Орочко, взобравшись на высокую скалу, зарисовал реку и всю долину и определил, что долина имеет километров сорок в длину и не менее тридцати в ширину.

— Салахан-Чинтай! — пояснил Любимов. — В этой стороне где-то есть большое горное плато. Дурная слава ходит о нем. Оттуда часто срывается ураганный ветер, и уж как сорвется — жди беды! Бывает, среди лета все поморозит, даже ледок на воде появляется, а лиственница сразу чернеет и осыпается.

— Занятое место, — откликнулся агроном. — Такие места называют «кухней погоды». Именно здесь «готовятся» ураганы, снегопады и прочая подобная прелесть.

— Этих мест никто не посещал. Страшновато... А может, они и есть самые богатые? Кто их знает! — задумчиво произнес Любимов.

Днем долина выглядела веселой и нарядной. В лесу Петя обнаружил озеро. Оно блестело, голубизной своей соревнуясь с небом.

При первой же разведке Усков набрел еще на несколько озер размером поменьше и установил, что некоторые очень глубоки. В довершение ко всему оказалось, что вода в них совсем теплая. Это уж было совершенно удивительным для такого края, где грунты всегда проморожены на много десятков метров вглубь. В озерах водилось много рыбы.

Лука Лукич пригласил Петю:

— Айда, хлопче, на рыбалку!

— С удовольствием!

Не успел Петя забросить крючок с наживкой, как поплавок сразу ушел в воду, а через секунду на берегу уже плескалась порядочная рыбешка.

— Попалась! — крикнул рыболов и с радостью схватил добычу. — Хариус! Ого!..

За какие-нибудь полчаса наловили их чуть ли не с полсотни. Жадные стайки темных хариусов и серебристой красноперой мальмы сгрудились около крючков и шли на них с какой-то веселой жадностью; они брали даже голый крючок, просто из любопытства. А когда солнце стало садиться, над тихой гладью воды начались акробатические номера. Рыба, как выразился Лука Лукич, «прямо сошла с ума». Она веселилась и играла. Ловкие хариусы десятками выпрыгивали из воды и, красиво изгибаясь в воздухе, ныряли в озеро, чтобы снова и снова взметнуться вверх.

— Танцуют! — воскликнул Петя. — Смотрите, смотрите, Лука Лукич, они и вправду танцуют...

— Побачишь, як они у меня на сковородке затанцують...

Когда за ужином Петя рассказал о рыбной ловле, Усков улыбнулся и хлопнул себя по лбу:

— Ну вот, а мы гадали-придумывали здесь без вас, какое имя дать самому большому озеру. Петя, тебе, как первооткрывателю, предоставлено право... Как ты думаешь?

— Озеро Танцующих хариусов. Подойдет?

— Красиво... Ну, как? Возражений нет? Тогда решено... А долину?

Все задумались. Борис поднял голову:

— Долина Бешеной реки. Ведь нигде такой речки нет, как эта. Она имеет начало, но никуда не впадает...

— Удачно! Примем? Пусть будет долина Бешеной реки. Река в самом деле бешеная. Да и судьба ее очень необычна. Она собирает воду с гор и тут же пропадает, прячет воду в земных глубинах, а потом вновь выходит на поверхность в виде источников или родников... Но не это все-таки самое интересное, дорогие вы мои друзья. Вы посмотрите, сколько здесь кварца! А среди кварцевого песка нашлось кое-что... Придется разобраться в происхождении металла. Откуда он, где взяла его река? Надеюсь, труд наш на этот раз не будет напрасным.

— И у меня есть слабые вести, — вставил Орочко. — Я сегодня определял, глубоко ли оттаивает здесь вечная мерзлота. Представьте — в одном месте более чем на два метра прорыл и не встретил мерзлого слоя. А ведь по ту сторону перевала мерзлота везде лежит на сорок — сорок пять сантиметров от поверхности. А вот что дало измерение температуры почвы: почти пятнадцать градусов тепла! Вода в озере — семнадцать градусов! Невроятно, но это так! Похоже, что мы попали на своеобразный оазис в приполярных горах. Как вы думаете, Василий Михайлович, чем все это можно объяснить?

— Я уже и сам задавал себе такой вопрос, — ответил геолог. — И, кажется, нашел ответ. Если Бешеная река проложила себе ход в глубины земные и уносится туда, то почему не может быть обратного явления: выходов глубинной воды на поверхность? Вы видели, сколько здесь щелей и разломов горных пород? Это позволяет предположить, что в некоторых местах теплая вода из больших глубин подымается вверх и нагревает почву. Она же, глубинная вода, в течение веков, возможно, сумела растопить вечную мерзлоту в долине и превратила мерзлые грунты в сплошной талик. Вот вам и теплые озера и теплая земля на шестьдесят шестой параллели...

— Но это же находка! Вы представляете? В такой большой долине можно создать прекрасную пашню, выращивать овощи, картофель, травы. Все, что нужно! Кругом мрачные голые горы, а в центре — этакое богатство!

— Огромное поле деятельности для агронома. Исследуйте, проверяйте, намечайте, Александр Алексеевич! Нет ничего удивительного, если именно здесь — ваши будущие поля и огороды.

Любимов сидел молча и с усердием разбирал и смазывал свой старенький карабин. Петя внимательно следил за его работой. Борис, намаявшись за день, уснул. Хватай-Муха возился с посудой.

— Николай Никанорович, — тихо спросил Петя. — Вы так тщательно смазываете оружие... Думаете, карабин пригодится вам здесь?

Любимов улыбнулся:

— А что же... Пожалуй, может и пригодиться.

— Вы что-нибудь видели? — насторожился Петя. — Сегодня на песчаной отмели я нашел чьи-то свежие следы. Пять пальцев, с круглой пяткой. Это медведь?

— Следы медведя и я видел. И еще кое-что. Если бы Борис Андреевич не предложил раньше меня название для нашей реки, я дал бы ей другое имя. Ну, скажем, Волчья река. Сегодня мне пришлось видеть сразу две пары волков. Они сейчас больше парами ходят, а к зиме пойдут стаями. Так-то вот...

— Лошадей беречь надо.

— За лошадей-то как раз можно не беспокоиться. Сейчас волки их не тронут. Да и охрана хорошая: Гордый на обиду своих коней не даст. А вот нам всем нелишне будет иметь на всякий случай добрую картечь в стволах.

Долину окутала ночь. Разговоры у костра утихли. Усталость брала свое. Разведчики улеглись и скоро уснули. Тлея слабым огоньком костер, кругом было спокойно и не то чтобы светло, но как-то прозрачно, как бывает погожей белой ночью на Севере, когда вечерняя заря почти сразу же сменяется яркой утренней зарей.

Перед самым рассветом тревожно заржал жеребец. Весь табун в одно мгновение пронесся через луг и сбился в кучу у самого костра. Лошади теснились к палатке, всхрапывали и дрожали всем телом. Кава и Туй вскочили и, грозно ошестинившись, с загоревшимися глазами усталились на ближние кусты. Но броситься туда не решились: видно, зверь был им не по силам. Люди проснулись почти в ту же секунду и схватились за ружья.

В прибрежных кустах осторожно треснула ветка. Кто-то тяжелый наступил на нее... Шесть ружей поднялись. Еще раз треснул валежник, теперь уже ближе. Собаки, рыча, попятались. Зоркий глаз проводника нащупал в зарослях две черные тени. Он зашептал:

— Смотрите... Вон в кустах. Держать на прицеле... Огонь!..

Разом грянули выстрелы. Кава и Туй, преодолевая страх, кинулись в кусты. Оттуда послышался глухой и грозный рев зверя, потом дикая возня и победное рычание Туя. Разведчики вошли в заросли.

Огромный бурый медведь бился в предсмертных судорогах. В горло ему впился Туй. Умный пес был неузнаваем. Дикие инстинкты вспыхнули в нем при виде крови. Он рвал свою жертву и свирепо рычал. Его с трудом отогнали и насилу успокоили. Когда осветили примятые кусты, то увидели, что в лес уходила кровавая дорожка: второй медведь, несомненно тоже ужаленный пулей, ушел в заросли.

Преследовать раненого зверя ночью Любимов запретил, да это, собственно, и не нужно было. Покой был восстановлен, нарушители наказаны, а мяса теперь хватит надолго. Медведь весил не меньше трех центнеров.

Пока все обсуждали происшествие, Лука Лукич явился на место с ножом и веревкой.

— Мне окорочек треба... — заявил он и стал быстро и ловко разделявать тушу. — Утром будут «свинные отбивные» из медвежатины! Идите спать.

Прошла еще неделя. Палатку перенесли дальше от берега. Разведчики били глубокие ямы-шурфы среди песчаных отложений долины, лазили по склонам террас, промывали пробы. Усков ходил возбужденный и радостный:

— Будем двигаться вверх по реке. Если уже и здесь кое-что имеется, то, надо думать, у истоков реки природа припасла для нас солидные запасы, а может, и какой-нибудь серьезный сюрприз...

Однажды вечером агроном со своим помощником Петей возвращался с очередной рекогносцировки. Оба они порядком устали и потому говорили мало. Недалеко от лагеря Петя вдруг остановился и потянул спутника за рукав.

— Что ты? — шепотом спросил агроном.

— Там кто-то...

Впереди, попав под прямой луч солнца, мелькнула чья-то тень. Вот опять... Петя схватился за ружье. Орочко еще ничего не видел, но тоже снял ружье с плеча. Тень появилась еще раз. Нет, это уже не тень... Гибкий и сильный зверь быстро переползал с ветки на ветку. Вот он неслышно скатился на землю, перебежал по

траве к другому дереву и стал красться вперед.

— Тихо... — прошептал Петя. — Она кого-то выслеживает...

— Кто — она? — также шепотом спросил агроном.

— Вон та... большая кошка.

Теперь и Орочко увидел зверя. Темно-рыжее тело с чуть приплюснутой маленькой головой. Прижатые уши с длинными кисточками на концах. Небольшой пушистый хвост, движения вкрадчивые и мягкие.

— Рысь, — тихо сказал Орочко.

Зверь не мог их ни видеть, ни слышать: ветер дул в сторону охотников, стоявших в тени большого дерева, а рысь проделывала свои перебежки по редколесью, освещенному солнцем. Вот она легла на ветку и словно слилась с ней. Медленно подобрала тело, поджала уши, прижалась мордой к ветке и вся напружинилась. Сейчас прыгнет... На кого?!

И тут Петя увидел Бориса. Тот сидел под деревом на большом пне. Рядом, на разостланном мешке, лежали куски камня. Студент брал один за другим образцы, рассматривал их в лупу и делал пометки в тетради. Борис был поглощен работой.

И Петя не стал раздумывать.

Лес вздрогнул от двойного выстрела. Мальчик ударил сразу из обоих стволов. Рысь словно пружиной подбросило вверх, но она тут же шлепнулась на землю тяжелым мешком, немного проползла по траве, шипя и

злобно царапая землю, и затихла. Картечь, пущенная с расстояния каких-нибудь пятидесяти метров, пробила ей грудь.

Кто охотился в лесу хоть раз, тот знает, как сильно действует на человека усиленный эхом внезапный выстрел в тишине мирной, покойной природы. Поэтому неудивительно, что Борис от неожиданности

и испуга свалился с пенька на свои коллекции. Потом он вскочил и, не поняв, в чем дело, рассерженный и негодующий, бросился с кулаками к Пете:

— Что за глупые шутки, черт возьми!

Но Орочко остановил его и молча протянул руку в сторону неподвижной рыси. Борис заморгал глазами. Вот как?! Он теперь понял, какой опасности подвергался и кому обязан своим спасением. На взволнованном лице студента появилась робкая и виноватая улыбка. Он кинулся к товарищу и схватил его в охапку.

— Петька!.. Молодчина!.. И надо же было тебе оказаться рядом!.. А я ведь даже ружья не взял! Думал, лишний груз. Да она бы меня... Спасибо, дружище! И не растерялся, а? Хоть бы крикнул мне, что ли...

Петя, взволнованный не меньше его, возбужденно рассказывал:

— Понимаешь, даже не успел подумать, что и как... Ружье словно само выстрелило из двух стволов. И я не целился как будто.

— Навскид?

— Ага, навскид! И смотри, как здорово получилось...

— Значит, уроки с черепками пошли тебе на пользу?

— Как видишь!

Глава четвертая,

*в которой даются кое-какие сведения о вечной мерзлоте,
а также описывается загадочная находка Пети*

Усков и Борис нащупали интересную россыпь, и теперь вся партия продвигалась по ее следам, вверх по течению Бешеной реки.

Орочко и Петя отдалялись от стоянки на пять, а то и на десять километров и проводили в тайге целые дни. Агроном отмечал общий подъем долины. С высотой менялся и окружающий мир. Лес заметно редел. Исчезли многие представители лиственных пород, реже встречались черемуха, рябина и тополи. То тут, то там среди леса попадались болотистые места с растительностью, присущей тундре. Толстые мхи-сфагнумы сплошным ковром покрывали хлюпающую торфяную почву на этих тундровых пятнах и почти полностью вытесняли веселую шелковистую траву вейник. Лиственницы редко и печально стояли кое-где среди болот; на их стволах висели лохмотья лишайников; искривленные сучья говорили о трудной жизни деревьев. Вокруг них гнездились редкие кустики карликовой березки, совсем уже не напоминавшие обычную березу, какую разведчики видели в низовьях реки.

— Вот, Петя, что значит Север! Мы отошли всего каких-нибудь километров двадцать от устья реки, и какая перемена! В начале долины растительность напоминает Подмоскovie, а здесь уже тундровая марь. Интересно, как глубоко залегает здесь вечная мерзлота?

С этими словами Орочко вонзил в почву острый железный шуп. Метровый стержень мягко ушел во влажную землю почти на две трети. Дальше вдавить его, однако, никак не удавалось. Пробовали в другом, в третьем месте — результат все тот же. Всюду на глубине шестидесяти—семидесяти сантиметров начиналась непроницаемая, вечномерзлая толща.

— Вот, пожалуйста! Слой оттаивания здесь очень невелик. Если верить гипотезе Ускова, долина в этом месте уже не согревается внутренним теплом земли и поэтому грунты здесь не оттаивают, должно быть, с не-

запамятных геологических времен. Все та же мерзлота, лишенная всякой жизни...

— Объясните мне, Александр Алексеевич, в двух словах, — попросил Петя, — почему это вдруг вечная мерзлота? Откуда она взялась?

— Этого в двух словах не объяснишь, — ответил агроном. — Есть целая наука — мерзловедение. Она родилась у нас, в Советском Союзе, что, впрочем, вполне понятно. Под огромными площадями земли, главным образом в Азиатской части СССР, за Уральским хребтом, лежит слой вечной мерзлоты. Ученые считают, что в пределах нашей страны вечная мерзлота занимает больше десяти миллионов квадратных километров, почти половину территории.

— Ого!

— А насчет причин возникновения геологической мерзлоты надо сказать, что они еще не совсем установлены... Покойный Сумгин — создатель науки мерзловедения — высказывал на сей счет несколько предположений. Одно из самых достоверных, на мой взгляд, это — постепенное накапливание наружной оболочкой земного шара холода из межпланетных пространств. Начало замерзания грунтов восходит к ледниковому периоду. В те времена почва в течение всей геологической эпохи круглый год оставалась скованной льдом. Заметь, в северных широтах, а в Сибири и в более низких, отрицательные температуры еще и теперь преобладают над положительными. Так что и по сей день происходит накапливание холода в почве. Она является огромным аккумулятором холода и заряжается непрерывно. Вот почему такого рода мерзлота и называется «вечной».

— А как глубоко земля промерзла?

— В разных широтах по-разному. Есть места, где вечномерзлый слой превышает двести метров. Глубина шергинской шахты в Якутске сто шестнадцать метров. И всё — мерзлота. По-моему, и здесь лежит такой же, если не больший, слой. В других местах он тоньше: метр, полметра... Бывает, что мерзлота лежит не сплошным пластом, а островами, которые окружены тальми грунтами. Иногда, наоборот, сплошную толщу мерзлоты прорезает лента «талика» — например, по руслу какой-нибудь крупной реки, вроде Лены или Енисея. В нашей

долине тоже, видимо, существует постоянный талик, но на ограниченном пространстве. Вода — вот кто злейший враг мерзлоты. Где много воды, мерзлота всегда отступает. Вообще говоря, явление это интересное, но для нас, агрономов, весьма и весьма неудобное. Видишь ли, холод выстуживает почву, а корни культурных растений не могут работать в почве, если ее температура близка к нулю. Понимаешь? Представь себе: надземная часть растения находится в теплом слое воздуха, нежится под солнцем. Июль, жара, кажется, все хорошо, жди урожая. А смотришь, растения начинают хиреть. Почему? Сухо слишком, что ли? Проверяешь — нет, не сухо: воды в почве много. И пища есть. А растения вянут на глазах. Оказывается — холодно в земле. Корни бастуют, они прекратили свою деятельность, не подают растениям воду. Что тут делать?

— Как парник, только наоборот, — заметил Петя. — Там земля теплее воздуха, а тут она холоднее воздуха...

— Совершенно точно! И вот мы, агрономы, всё ищем, как бы в таких местах примирить растение с вечной мерзлотой.

— Ого! Разве это возможно? Ведь природа... — пытался рассуждать Петя.

Но агроном перебил его:

— Природа подсказывает путь для «примирения». Местные растения, или, как их называют, «аборигены севера», сами вырабатывают в себе привычку брать воду и пищу в почве почти при нуле градусов и только из верхних слоев. Например, та же лиственница, или клюкwa, или морошка живут себе и беды не знают. Вот над чем надо поработать нашим селекционерам. Растения с холодостойкими корнями... Как это помогло бы продвинуть на Север чудесную флору юга! Но пока что надо совершенствовать агротехнику. Надо так обрабатывать землю, чтобы верхний слой почвы оттаивал как можно более быстро и глубоко. Вот почему я так рад нашей находке. Ведь долина Бешеной реки — приятное исключение для Севера. Теплая почва! Что еще нужно растениюводу?

Петя задумался. Вспомнив что-то, он улыбнулся:

— А помните, в Хамадане вы так грустно рассматривали маленькие деревца на улицах? Вам их жалко было,

да? Посадили, ухаживали, старались, а они не могут жить и засыхают! Что же, и там мерзлота мешает?

— Правильно! И там мерзлота мешает. Я тогда как раз об этом и думал, но не находил выхода. А вот теперь...

— Что теперь?

— Теперь нашел.

— Какой же выход?

— А вот какой. Для озеленения нашего города и вообще для посадки деревьев в суровых местах не годятся саженцы, выращенные в питомниках, потому что в питомниках они изнежены. Эта перемена условий — от лучшего к худшему, — особенно в области температуры почвы, сказывается на растениях губительно. Они чахнут, перестают расти. Нужно брать саженцы, которые воспитывались в самых суровых условиях, в тайге, в маленьких долинах; с первого дня жизни деревцо приучается там переносить всяческие невзгоды, привыкает к холодной почве, накапливает в своем организме навыки, приучается противостоять морозам и резким переменам температуры. Пересади такого юнца в другие, благоприятные условия, увидишь, как он развернется, как быстро начнет расти...

— В чем же дело? Давайте именно так и делать.

— Так и сделаем... Вот увидишь, город мы озеленим!

— Еще как!...

Этак беседуя, они дошли до небольшого, но очень прозрачного озера. В озере спокойно плавали два гуся. Оরочко и Петя выстрелили почти одновременно. Один гусь перевернулся. Но другой, подранок, выскочил на берег и понесся по болоту, помогая себе крыльями.

— Не уйдешь!... — закричал Петя и, быстро сбросив рюкзак, бегом бросился за ним.

Орочко остался. Раненый гусь добежал до реки и бросился в воду. Река делала в этом месте широкий полукруг, и течение било прямо в берег. Петя подбежал и вовремя остановился. Опасное место! Берег невысокий, но крутой и обрывистый.

Гусь, подхваченный течением, плыл уже далеко, тревожно гогоча и оглядываясь. Вот неудача! Но не плыть же за ним! Петя вздохнул, постоял немного и повернул

обратно. И тут он увидел то, чего не заметил сразу в азарте погони. В двадцати метрах от берега стояло какое-то сооружение, похожее на каркас большого шалаша. Просто несколько легких жердей, вбитых конусом в землю и скрепленных наверху обручем из ивняка. Жерди почернели от времени, покрылись серым мхом. Давненько, видно, стоят они тут...

— Сюда, Александр Алексеевич! Сюда! — закричал Петя.

— Иду-у... — откликнулся агроном и скоро показался сам. Широко улыбаясь, он тащил за лапы тяжелого гуменника — темно-серого крупного гуся.

— Смотрите, Александр Алексеевич! Что это? Выходит, тут и до нас были люди?!

Орочко внимательно осмотрел место. Да, сомнения не могло быть! Они находились на стоянке, давным-давно покинутой людьми. Вот чистое пятно обожженной земли: здесь когда-то горел очаг. Сохранились еще камни от камелька. Вокруг торчали полусгнившие пни — остатки порубок, валялись короткие бревна со следами топора.

— Старое стойбище якута или ороча, — уверенно сказал Александр Алексеевич. — Остов из жердей — бывшая яранга. Значит, долина давно известна местным жителям. Гм... Это меняет дело. Выходит, мы здесь не первые. Однако люди ушли отсюда и больше как будто не возвращались. Что же заставило их уйти? Ведь здесь есть все для охоты, да и пастбище какое! Лучшей долины не найти во всем крае. Да! Интересно... Очень интересно!

Петя носком сапога разгребал пепел, камни, битые черепки.

— А хорошее стойбище было. С толком выбрано, — продолжал размышлять вслух агроном. — Гляди, ведь мы стоим как бы на кургане. Вон та возвышенность вся покрыта мхом-ягельником. Замечательное пастбище для оленей, к тому же близко и на виду. Справа лес, в нем много сухостоя на дрова. И река под боком.

— Она сильно размывает берег, — напомнил Петя. — Вода бьет прямо сюда и отрывает большие куски дерна...

— Ну, это не причина для того, чтобы бросить такое место. Кочующие роды хоть и часто меняют места кочевий, но возвращаются на старые пепелища куда более худшие, чем это.

— А вот еще стойбище, — воскликнул Петя, отошедший чуть в сторону. — И еще одно, нет — два...

Действительно, на опушке леса виднелось еще несколько полуразрушенных жердевых конусов, окруженных высокими травами и фиолетовым цветом кипрея — растения, которое любит селиться на бросовых пустырях. Целый поселок. И не маленький...

— О, тут надо поработать, — сказал озадаченный агроном.

А Петя обрадовался.

— Может, наткнемся еще на какую-нибудь находку! — воскликнул он. — Ведь они тоже могли знать о нашей россыпи?

— Вряд ли. Якуты довольно равнодушны к золоту. По крайней мере, были равнодушны до встречи с хищниками-искателями...

Наши разведчики обошли всю возвышенность, нашли несколько крупных оленьих костей, медвежьей лопатку, заточенную с одного конца, видно служившую каким-то инструментом, постояли, подумали и вернулись к берегу. Агроном с интересом осмотрел свежий крутой откос и показал Пете границу вечной мерзлоты.

— Видишь, до каких пор пробиваются корни деревьев и трав? Ниже этой линии ты остатков корней не найдешь. В зоне мерзлоты жизни нет. По концам корней, по их загибам нетрудно определить глубину сезонного оттаивания земли.

— А это что? — удивленно спросил Петя и показал на странный темный предмет, выглядывающий из серого песка обрыва.

— Посмотрим... — Орочко быстро зашагал вдоль берега.

Из осыпи торчал угол какого-то ящика. Сколоченный из широких, но тонких полубревен-горбылей, почерневший от времени, ящик больше чем на треть висел сейчас над водой, готовый вот-вот сорваться в речку. Видно, немало пролежал он в мерзлой земле, пока вода не добралась к нему.

Орочко был крайне озадачен. Что за ящик? Кто его здесь зарыл? Что в нем содержится?

Однако самого беглого осмотра было достаточно, чтобы отказаться от мысли найти ответ на этот вопрос. Мерзлота крепко держала свою добычу и не собиралась отдавать ее без боя.

— Вот что, Петя, — сказал Александр Алексеевич, — ты дорогу в лагерь найдешь, не заблудишься?

Петя даже обиделся:

— Ну, что вы, ведь мы зарубки делаем! Да тут и не так уж далеко — километров, я думаю, не больше пяти...

— Верно, — согласился Орочко. Он понял хитрость мальчика и, улыбаясь себе в усы, сказал: — Не больше пяти... Или дважды по пяти... Все равно, бери, как говорится, «ноги на плечи» и единым духом — в лагерь! Зови всех сюда! И пусть принесут кирки и лопаты. Живо!

Петя не заставил повторять это приказание. Он сорвался с места, и минуты не прошло, как его уже не было видно.

Вернулся он вечером. Увидев издали костер, который развел Орочко, Петя на радостях вложил два пальца в рот, и тайга вздрогнула от молодецкого посвиста.

— Идем, идем! — кричал мальчик.

Кава и Туй с лаем бежали впереди него.

Вскоре подошли Любимов, Усков, Борис и Хватай-Муха, вооруженные лопатами, кирками, веревками и фонарями. Но в эту минуту, как бы торопя их, от берега отвалилась и сползла подмытая водой глыба.

— Спешите, товарищи, берег осыпается! — тревожно закричал агроном.

Дружными усилиями они освободили ящик и осторожно перенесли ближе к костру, к свету.

— На гроб, однако, похоже, — сказал Любимов.

— И по-моему тоже все-таки гроб, — согласился Усков.

— Домовина, домовина, тут и гадать нечего! — уверенно заключил Хватай-Муха.

Проводник вынул из-за пояса топорик и осторожно поддел крышку. Пластины легко оторвались: они держались на деревянных шипах. Проводник не спеша снял их, и все обнажили головы: да, это был гроб. На сухой

Проводник вынул из-за пояса топорик и осторожно поддел крышку.

моховой подстилке лежал человек. Лицо его спокойно, глаза закрыты, чуть потемневшие щеки ввалились. Темная с сильной проседью большая борода закрывала грудь. Аккуратно расчесаны длинные, седые волосы. Как будто человек спит, сложив на груди натруженные руки. Вечная мерзлота оказалась надежной защитой от тления. Под головой еще зеленел пучок свежего, будто только что сорванного мха. На покойнике была широкая суконная рубаха, аккуратно застегнутая на все пуговицы, простые брюки и якутские ичиги.

Кто был этот русский человек, гость якутских кочевников? Какой злой недуг уложил его в последнюю постель из мягкого сухого мха, сорванного руками друзей? Как долго пролежал он здесь?

Ничего не расскажет молчаливый прах...

Разведчики долго и молча рассматривали покойника. Потом Любимов, видимо заметив что-то неожиданное, осторожно приподнял замороженные руки старика и вынул из-под них тонкую тетрадку... Он сдунул с нее соринки мха и передал Ускову:

— Смотрите, Василий Михайлович, может, тут что-нибудь интересное написано...

Глава пятая,

в которой читатель ознакомится с содержанием найденной тетради

Бумага порядочно отсырела, и читать было довольно трудно. К тому же писано было карандашом. Некоторые слова, даже целые страницы в начале тетради так и остались неразобранными.

Но дата была выведена ясно:

1917 год, октябрь (если я не ошибаюсь).

Потом можно было прочитать:

«... справедливо говорили, что риск слишком велик, но мы всё же ушли. Так начался наш поход, и вот уже десять месяцев мы бродим по гайге... Мы — это двое политических ссыльных, членов Российской социал-демократической партии большевиков, бежавшие в декабре 1916 года из поселения Крест-Альжан, куда нас по приговору военного суда сослали осенью 1914 года».

Далее шли две неразборчивые страницы, а после них следовало:

«... повстречали купца-промышленника, который держал путь на Колыму. Он сначала испугался нас, думал, мы его ограбим, а когда узнал, что мы политические и бежали из ссылки, а теперь пробираемся в Россию, он рассмеялся нам прямо в лицо и сказал:

— Эх, хватились! В России уже полгода, как царя свалили!

Мы думали, он дразнит нас просто со зла, чтобы поиздеваться над людьми, которые находятся в беде. Купцы это любят. Но он ткнул нам в руки обрывок старой газеты, и мы прочитали, что в России кипит революция и что в Петрограде ожидают приезда Ленина. Тогда мы оба расплакались, как дети, — я и мой товарищ Владимир Иванович Сперанский (партийная кличка «Березов»). Сбылось великое дело, за которое боролся русский пролетариат! Нет царя, ненавистного угнетателя России! Да здравствует Революция! Да здравствует товарищ Ленин! Еще сильнее захотелось нам в Россию! Но подумать только, мы бежали в конце декабря 1916 года, и вот сколько месяцев блуждаем по тайге, обходим всякое жилье, боимся встретить живого человека, выбиваемся из последних сил, — а сейчас, когда в России революция, когда все политические открыто возвращаются домой, нам этого видеть не суждено.

Я лежу в яранге моего друга якута Гаврилы Протодьяконова с отмороженными ногами и опустошенной душой. Моего товарища, моего друга Владимира Ивановича Сперанского, уже нет в живых. Недолго осталось жить и мне. Это я знаю точно. Напрасно добрый мой спаситель призывал ко мне самого знаменитого шамана из далекого Оймякона и почтительно стоял в углу, ожидая, пока старая бестия выгонит из меня злых духов. Беспользны и твои заклинания, о древнейший и умнейший из якутов, Тарсалын, прибывший в Золотую долину по просьбе Гаврилы с берегов Омолона. Ничто уже не сможет поднять меня... Это я понимаю отлично и по-сему спешу записать, что Владимир случайно сделал открытие, которое может оказаться весьма ценным для освобожденной России. Я прошу Гаврилу сделать так, чтобы эти записи попали в руки нового правительства.

Но Гаврила не понимает меня, и я не знаю, какая судьба ждет эту тетрадку».

Усков закрывает тетрадь и молча смотрит на своих спутников задумчивыми грустными глазами. А спутники тоже молчат, точно боясь развеять странное оцепенение, вызванное чтением записки.

Геолог перелистывает тетрадь и заглядывает в конец, где выведена подпись:

Никита Петрович Иванов, житель города Петрограда. Кузнец завода Путилова. Член РСДРП(б) с 1903 г. Родился в 1876 г., умер. . .

Любимов сидит напротив Ускова. Он оперся локтем в колено, задумчиво поглаживает свою бороду.

— Понять нетрудно. Когда Иванов умер. — говорит он, — якут смастерил, как умел, гроб, отогрел кострами мерзлую землю и вырыл могилу. Что в тетрадке, он не знал, присвоить себе не посмел — якуты народ честный. Вот он и положил ее покойнику в руки. . .

Все с нетерпением ждали продолжения чтения. Что же дальше? И о каких открытиях пишет Иванов?

— Читайте, пожалуйста, Василий Михайлович, — попросил Борис. — Куда же исчез второй? Ведь их было двое?!

Усков открыл тетрадь и медленно, с трудом разбирая расплывающиеся строки, снова начал читать.

Несколько строчек были совсем неразборчивы, далее следовало:

«... Тогда мы стали просить этого купца Ведерникова подвезти нас до ближайшего города. Но тут он опять рассмеялся нам в лицо, говоря, что ближайший город — Киренск, а до Киренска две тысячи верст, к тому же он, Ведерников, едет на Колыму, то есть в противоположную сторону. . . Вот мы опять были предоставлены судьбе. Правда, у нас появились свежие силы, у нас крылья выросли, когда мы узнали о революции, и теперь мы уже не боялись встреч с людьми, но все же. . . Две тысячи километров пешком, зимой, по тайге, без карты, без компаса. . . Однако Сперанский все повторял: «Не сдадимся! Победим! Пойдем!»

О, что это был за поход! Мы спускались на веревках в ущелья, карабкались со скалы на скалу, срывались,

падали, но одолевали гору за горой, поднялись куда-то в поднебесье, где стало трудно дышать, не хватало воздуха, и мы садились отдыхать каждые десять минут. Затем начали не менее трудный спуск. Дни и ночи путались в моем сознании...

Запасы наши кончались, а вместе с ними падали и силы. Я видел, как пошатывается мой друг, чувствовал сам головокружение и дрожь в ногах. Владимир по ночам стонал в своем мешке, метался. Мы как могли старались приободрить друг друга. Иногда он заставлял себя смеяться в ответ на мои шутки. Но что это был за смех! Ели по две — три сырых картофелины в день.

Сырая картошка хорошо помогает от цинги, это я знаю по себе. Кажется, что в ранце Володи были еще и кое-какие семена. Все годы ссылки он дружил со стариком селекционером, который пытался создать или уже создал свои сорта овощей и злаков...

Шли каменными горами, лишенными всякой растительности. Скоро не стало дров. Мы теперь уже не имели возможности погреться у костра, отдохнуть на постели из свежих хвойных веток. Приходилось проводить ночи в своих спальных мешках у подножия каких-нибудь каменных глыб. Прижавшись друг к другу, мы засыпали. А после нескольких часов тяжелого полусна подымались и брели в предутренней темноте. Но, подымаясь на очередной перевал, мы видели впереди себя все те же голые, угрюмые горы, одна выше другой. Завывал среди камней злой ветер, мела метелица...

И вот, когда уже казалось, что мы обречены, далеко внизу в ясный морозный день мы увидели лес. Да, черный лес, заполнивший огромную долину, конца которой мы видеть не могли. Лес!.. Ведь это огонь, тепло, жизнь... Ведь это возможность охоты!

Из последних сил нарубили мы сусняку и разожгли огромнейший костер, такой костер, возле которого могла бы, кажется, нагреться целая рота. Тепло нежило нас, сразу же захотелось спать. Но мы не поддались соблазну. Когда костер прогорел, напились горячего чая, потом сгребли жаркие угли в сторону, наложили на горячую землю веток стланика и только тогда легли в своих мешках на теплую, распаренную, душистую хвою...

Сколько мы спали, не знаю. Проснулся я от звука

близкого выстрела. Оглянулся, удивленный, и вижу: мой Володя бежит и тащит глухаря. Свежее мясо! От одного запаха бульона подымались силы...

Отдых наш длился два дня. Хорошая охота, питание, сон и вновь обретенная надежда на благополучный исход путешествия подняли наши силы, и мы двинулись на юг, столь же быстро, как и тогда, из Крест-Альжана. Еще день, другой, еще неделя похода...

Мы зашагали вперед, взявшись за руки, и даже, помнится, запели «Варшавянку»: «...Вихри враждебные веют над нами...» Самое страшное уже позади. Прощай, суровый, но побежденный хребет! Началось выздоровление. Теперь мы останемся живыми!..

Ночь не заставила нас прервать путь. Увязая в снегу, брели мы вниз и вниз. Вот уже начался мелкий подлесок, пошли заросли багульника. Еще и еще вперед. С каждой верстой лиственницы становятся выше и выше, лес гуще и гуще. Но он не пугал нас...

Старая, как мир, поговорка «друг познается в беде» полностью оправдалась в приложении к моему товарищу. Сперанский — человек высокой души. Неунывающий, негибнемый, Владимир Иванович всегда горел светлым огнем, как горьковский Данко, и если бы не нелепый случай... Но об этом дальше...

Однажды мы переходили ручей по льду, и вдруг Сперанский остановился и стал прислушиваться. Я не слышал ничего, только под ногами гудело, но это-то, оказывается, и заинтересовало моего товарища. Он вытащил топор и стал рубить лед. Прорубил. А там была пустота. Заглянул Сперанский под лед и сразу полез в реку. Я за ним. И что я вижу — между льдом и дном ручья почти три аршина пустоты и совершенно сухо. Сперанский сказал, что на Севере это бывает. Осенью воды много, а когда ударят морозы, она быстро замерзает сверху, а потом, когда в верховьях источник, который питает речку, вымерзнет, вода больше не поступает, и ледяная крыша висит над пустотой. Подо льдом было тихо и не так холодно. Мы залезли в свои мешки.

Ночь прошла спокойно. Утром Сперанский взял горсть песка с земли, то есть со дна речки, и ахнул. Я посмотрел — золото. Мы спали на золоте. Сперанский обрадовался и сказал, что если власть перешла в руки на-

рода, то мы привезем неплохой подарок: пригодится золото народной власти.

Надо было заметить место. Мы решили подняться на ближайшую гору и на вершине сложить из камней знак. Легче будет потом найти... И вот мы стали подыматься на гору. Сперанский шел впереди меня и все время что-то высматривал. Вдруг он поднял камень, потом другой и стал называть по-научному разные минералы и все повторял: «Это алмазы! Будь я дважды дурень, если это не алмазы! Слышишь, Никита, режь меня на куски, если это не алмазы!»

Тут я должен сказать, что Сперанский был шутник и любил выражаться крепко, но человек он был образованный. Так что к его словам надо отнестись серьезно.

Наконец мы добрались до вершины и сложили здесь большой каменный столб. Узкая часть его, в виде указки, повернута в сторону Золотого ущелья, где находятся алмазы.

Потом мы снова пошли на юг.

В тот же день мы увидели горных баранов. Ветер дул в нашу сторону. Сперанский выстрелил и ранил одного барана. Стадо умчалось, а раненый отстал. Он бежал все тише и тише, а потом спрыгнул в ущелье и исчез. Мы тоже спустились в ущелье, но барана уже не было, он словно в воду канул. Мы обыскали все укромные уголки, заглянули во все щели. Ушел! Внезапно Сперанский показал мне пятно крови: баран ушел в пещеру. Сперанский пошел за ним туда. Я остался у входа. Но скоро он вернулся:

— Проход довольно глубокий. Нужен какой-нибудь факел, очень темно...

Я срезал пучок стланика, связал его и зажег. Сперанский вошел в пещеру, и больше я его не видел. И не увижу, потому что вскоре из пещеры донесся выстрел, а потом грохот обвала. Случилось что-то страшное, непоправимое. Но что? Я сделал себе факел и вошел в пещеру. Через триста—триста пятьдесят сажен она заканчивалась. Ее загораживала каменная стена без единой трещинки или щели. Дальше хода не было. Мой друг остался по ту сторону. Я понял все: произошел подземный обвал. Видно, Сперанский настиг барана, выстре-

лил и звука выстрела оказалось достаточно, чтобы рухнул свод...

Сперанский погиб или погребен заживо. У меня похолодели ноги, в голове все смешалось, и я потерял сознание...

Но смерть еще не пришла ко мне в тот ужасный день. Я остался жив. Выбиваясь из сил, облазил я горы, все ища второй выход из пещеры. И ничего не нашел.

Не стану описывать всего моего отчаяния. Наконец пришлось уйти.

Внезапно горы кончились. Я вышел в большую долину, набрел на широкую реку, не замерзающую в стремнине даже зимой, и пошел по течению вниз, уже ни на что не надеясь. В довершение ко всему, я попал в наледь, провалился с лыжами по колена в воду и скоро почувствовал, что ноги мои замерзают. Конец... Я сел на снег и, кажется, заплакал...

И тут я сквозь слезы увидел доброе, участливое лицо старого якута. Это был Гаврила Протодьяконов, в яранге которого я дописываю последние строки... Гаврила много сделал, чтобы спасти меня, но воля к жизни у меня сломлена, ноги отморожены и гангрена не оставляет мне надежды.

Может быть, моя записка дойдет когда-нибудь до товарищей. Мне хочется, чтобы наша гибель все же не оказалась бесплодной. Ведь мы вырвали у природы какую-то важную тайну. Пусть наше открытие пойдет на благо революционному народу, свободной социалистической России.

Ищите каменный столб на горе, к северу от Золотой долины. Ищите пещеру Сперанского... Прощайте, товарищи! Да здравствует дело рабочего класса!

Окончено 30 октября 1917 года.

Никита Иванов».

Усков умолк. Все молчали. Всех взволновала история двух большевиков, трагически погибших вдали от людей в те самые дни, когда над страной всходило солнце революции. Не довелось им своими глазами увидеть победу народа, за освобождение которого положили они свои жизни. Костер догорал. Он оброс серым пеплом и вскоре погас.

— Ну, что ж, похороним его,— негромко сказал кто-то.

— Да! Пусть спит...

Борис и Петя нарвали свежей травы, обложили тело. Любимов закрыл гроб крышкой, взял свою лопату и, отойдя немного в сторону, стал рыть могилу. К нему присоединились остальные. Сменяя друг друга, они быстро вырыли яму, осторожно перенесли гроб на новое место, спустили на веревках и, по русскому обычаю, кинули по горсти земли. Застучали лопаты. Скоро на месте покинутого стойбища вырос свежий холмик. Из нескольких лежащих поблизости бревен соорудили памятник в форме пирамиды. Одно бревно Любимов обтесал, на торцовой стороне вырезали надпись:

Никита Петрович Иванов, рабочий Путиловского завода в Петербурге, верный сын рабочего класса, член партии большевиков с 1903 года. Родился в 1876 году, умер в октябре 1917 года, погребен здесь 20 июля 1947 года. Спи с миром, дорогой товарищ! Геологическая поисковая партия 14-бис треста «Севстрой».

Все сняли шапки. Не сговариваясь, запели «Вы жертвою пали», потом «Варшавянку». Любимов приложил ружье к плечу и поднял стволы вверх. Все последовали его примеру. Загремел прощальный залп, и эхо его прокатилось среди диких гор.

Постояли немного, бросили последний взгляд и пошли. Шли молча, каждый со своими мыслями.

Глава шестая

Экспедиция идет по новому маршруту

Молчал лес, облитый неярким северным солнцем. Рядом с лагерем дышала и струилась сильная своей затаенной мощью река. Вокруг стояли не шелохнувшиеся высокие травы. Курились на горизонте и таяли в голубой дымке снежные, таинственно притихшие горные хребты. Торжественная, задумчивая природа окружала людей, палатку, костер.

Усков сидел глубоко задумавшись и глядел куда-то вдаль — на дымчатые горы, на облака, медленно плывущие в голубой вышине.

Начальник партии ничего не говорил о своих планах.

Он долго не спал, ворочался на своей постели, вставал и ходил взад-вперед за палаткой, что-то обдумывая. Не спал и Любимов. Он еще раз, уже сам, перечитал записку Иванова, сопоставляя отдельные факты, и тоже задумался, взвешивая каждое прочитанное слово.

Вот геолог и проводник уселись перед палаткой на траве и посмотрели друг на друга.

— Ну? — спросил Усков.

— Не меньше ста—ста двадцати километров отсюда, — ответил Любимов, без слов понимавший начальника экспедиции.

— Ты думаешь?..

— Он шел от пещеры на юг четыре или пять дней. Как бы ни был физически надорван человек, а в зимнюю стужу, только чтобы не замерзнуть, он на лыжах пройдет за день не меньше двадцати—двадцати пяти километров. В горах снег мельче. Значит, Иванов шел быстрее. А вот в долине снегу стало больше, идти труднее. Да он и был уже без сил. Вероятно, от гор до реки расстояние в пятнадцать—двадцать километров он прошел в два, а может быть, и в три дня и где-то тут упал...

— Значит, твой совет — искать?

— Конечно, искать.

— И я так думаю. В низовьях Бешеной реки мы нашли металлы, и притом в значительном количестве. Повидимому, где-то выше по течению есть места, откуда водяные потоки брали в свое время эти тяжелые металлы и тащили их сюда, вниз. Обрати внимание... Вот... — Усков вытащил из кармана и положил на ладонь три кусочка тускло желтеющего золота, — небольшие самородки. Они уже достаточно обкатаны водой, песком, камнями. Но из глубины земли они вышли не здесь. Коренная жила находится где-то поблизости.

— То-то и оно. Надо менять маршрут и податься дальше на север.

— Так и сделаем. Но мне хочется уточнить еще одно обстоятельство. Река течет с северо-запада на юго-восток. Иванов же прямо говорит: «Ищите каменный столб на север отсюда». Означает ли это, что нам надо уходить из долины по какому-нибудь притоку, который впадает с севера, или идти до верховьев самой реки, отклоняясь на северо-запад? Сто километров — это огром-

ное расстояние. Нам и года не хватит, чтобы исследовать такую площадь.

— Слушай... Иванов нигде не пишет, что его перевозили через реку. Он оказался на этом берегу и сам реки не переходил. Видно, он провалился в наледь, переходя через какой-нибудь приток. Мне думается, надо идти вверх по реке, пересечь один—два притока и затем поворачивать прямо на север, в горы.

— Важно не ошибиться. Стоит нам сделать лишних десять — двадцать километров или столько же не дойти, и мы будем блуждать по горам вслепую. Тогда цели нам не видать, как своих ушей.

— А мы попробуем определить приток. Не все речки и ручьи дают наледь...

Чуть загорелся алым пламенем восток, когда геолог и проводник забылись в коротком сне. Солнце, еще скрытое горами, позолотило сперва снежные щипы, потом свет спустился ниже, поиграл на гранях гор и вот уже залил красноватыми лучами всю темно-зеленую чашу долины.

Хмурый лиственный лес встречает солнце молчаливо и сдержанно. Утреннюю тишину нарушит развесойка, считающая себя северным соловьем. Ей все надо, до всего есть дело. Она сидит где-нибудь на вершине сухого дерева и пристально наблюдает. Непоседливая птица не любит тишины. Ни с того ни с сего она встрепенется и вдруг неожиданно резко вскрикнет, словно испугавшись чего-то, истерически проскрипит и снова настороженно затихнет, чтобы перелететь в другое место и опять вспугнуть на минуту своими выкриками мертвую лесную тишину... А гам, глядишь, забормочет на глухой полянке глухарь, пробурчит что-то свое, угрюмое, недовольное, и тут же юркнет в кусты, чтобы там, укрыв голову под черное крыло, доспать эти беспокойные светлые часы... Осторожно треснет под тяжелой лапой медведя сухая веточка, бурый медведь высунется из валежника, поведет носом по сторонам и пойдет вразвалку гулять по полянам, выискивать сладкие ягоды прошлогоднего шиповника и брусники.

Лагерь проснулся, как всегда, вместе с солнцем. Хватай Муха загремел ведром и, протирая глаза, пошел к речке. Вскоре поднялся легкий дымок от костра, запахло

жареной рыбой, голоса стали веселей и громче, залаяли собаки, и вот уже все ожило. Разведчики пошутили над невыспавшимся завхозом и сели за стол.

После завтрака Усков попросил внимания.

— Мы меняем курс, — объявил он. — За сорок — пятьдесят дней, какие остаются в нашем распоряжении до холодов, мы должны разыскать ущелье, открытое Сперанским и Ивановым. Берем курс на север, по пути Никиты Петровича Иванова. Выступаем завтра. Сегодня мы с Александром Алексеевичем завершим свои работы здесь; Петя и Борис займутся охотой и рыбной ловлей: провиант нужно готовить в запас; Лука Лукич и Николай Никанорович подготовят лошадей и имущество. Нам предстоит долгий — возможно, трудный путь по горам. Лошади должны быть в хорошем состоянии.

Через час лагерь опустел, все разошлись по своим делам.

Как только затих в отдалении лай Туя и Кавы, побежавших за своими друзьями на охоту, в траве около палатки что-то зашелестело и у костра высунулась настороженная мордочка зверька. Он быстро-быстро огляделся по сторонам своими большими круглыми глазами, пошевелил смешными усиками, моргнул раз, другой и ловко вспрыгнул на мешок с овсом. Помогая себе лап-

ками, полосатый бурундук поспешно набил свои зашечные мешки зерном. С заметно пополнившейся, раздувшейся мордочкой он спрыгнул вниз и исчез в траве. Воришку видела сойка, и он пришелся ей, должно быть, не по душе. Сойка присмотрелась к бурундуку и камнем свалилась вниз, спланировала над травой и громко вскрикнула над самой головой зверька. Бурундук растерялся, встал на задние лапки, в одно мгновение выплюнул весь запас овса и, обидчиво пискнув, скрылся в густой траве.

Хитрой птице только этого и хотелось. Важно усевшись с видом победителя возле кучки брошенного овса, она долго что-то трещала, видно порицая вора на своем птичьем языке, а потом клюнула одно зернышко, другое и опасно отскочила. Через минуту, осмелев, она бочком опять подвинулась к овсу и, уже не отрываясь, съела всё до зернышка.

... Мелкий осенний дождик сыплется так густо, словно его просеивают сквозь сито. Темные рваные облака несутся низко, обгоняют друг друга и, пролетев над лесами, клубятся тучами на гребнях гор, обильно орошая водой черные камни круч. Кажется, нет конца и края этому злему ненастью. С зеленых лиственниц нет-нет, да и сорвутся уже пожелтевшие иголки хвои. Их еще мало, первых предвестников осени, но для всех ясно, что это начало... Скоро тронется желтизной вся тайга, на землю полетят стайки иголок и оголятся деревья, поредеет и почернеет лес. Ляжет на землю стелющийся кедр, который с первыми холодами становится очень гибким и податливым, а там, глядишь, и нагрянет неожиданная, скорая на расправу зима.

По грустным лесам бродит под дождем мокрый медведь. Скучно ему в такие дни. Ленивой походкой неслышно проходит он по своим тропам, обнюхивает траву, кусты, редко срывает переспелые, пахнущие вином ягоды и тогда останавливается и лениво чавкает, склонив голову набок. Медведь сыт и потому нерасторопен. Под бурой, свалившейся шерстью он накопил за лето добрый слой сала, и ему теперь не до охоты. Осенний дождь и холодный ветер загоняют зверя в укромные места. Торопят с зимним логовом.

Около выворота — огромной поваленной лиственницы с поднятыми вверх разлапыми корнями, на кото-

рых повисла земля и дерн, медведь останавливается и внимательно обнюхивает еще сухую землю; от нее исходят запахи лета. Это именно то, что ему надо. Приловчившись, медведь разгребает под корнями песчаную глину, выворачивает камни и, кряхтя, начинает отбрасывать их в сторону. Передними лапами он проворно разгребает землю, углубляясь под выворот. Здесь сухо и тепло...

Темнеет. Дождь не перестает. Тогда медведь залезает в сырое логово и, повозившись немного, успокаивается. Желтые глаза лесного отшельника еще раз оглядывают темноту и закрываются. Только влажный нос с чуткими, подрагивающими ноздрями контролирует лесные запахи. Но в промозглом воздухе не слышно ничего страшного, все знакомо и привычно. Пахнет мокрой хвоей, прелью земли; вот ветер донес острый, скипидарный запах размоченного багульника, грибов, гниющего пня. Можно спать спокойно. Уединенная долина уже уснула под монотонный шум дождя.

Но вот вздрогнули ноздри зверя, зашевелились. Порыв ветра вдруг принес странные, чуждые запахи. Медведь сразу открыл глаза и настороженно поднял голову. Новый порыв принес уже тревогу.

...Шли вдоль Бешеной реки почти целый день и только к вечеру увидели первый крупный приток.

— Здесь? — неуверенно спросил Усков и поглядел на Любимова.

Проводник не спешил с ответом. Приток, несомненно, был глубокий. Даже в прозрачной воде не было видно дна. Берега крутые, отвесные. Не здесь ли упал Иванов в воду тридцать лет тому назад? И как быть дальше — идти на северо-запад? Или круто свернуть по этому притоку на север?

— Зимние наледи!.. — в раздумье сказал Любимов. — Не на каждой реке они бывают. Больше всего их на мелководье. А тут...

— Тут глубокая вода и к тому же в крутых берегах. Она долго не промерзает. Но уж когда замерзнет, то прочно. Ты это хочешь сказать, Николай Никанорович? — перебил его Усков.

— Именно. По-моему, здесь наледь образоваться не может. Вот в чем дело.

— Все реки в районе вечной мерзлоты способны давать зимой наледи. Так, по крайней мере, говорят учебники, — вступил в разговор Борис и выжидательно поглядывал в лицо Любимову.

— Так, да не совсем так... Если река мелкая и течение спокойное, тогда промерзание воды идет быстро. Лед нарастает сверху и смыкается с вечномерзлой подпочвой. Река промерзает целиком. А где-нибудь выше, от источника, часто еще продолжает поступать вода. Она ищет себе проход, течет вниз, выходит наверх, покрывает лед и снова замерзает и опять льется сверху. В результате получается многослойный лед с тонкими корочками и водой между ними. Это и есть наледи. Очень опасные для путника места. Но если река глубокая, а берега крутые, то полного промерзания, по крайней мере, до середины зимы не будет. Наледей на таком месте нет, или они возникают только в марте, в конце зимы, когда мороз прохватит и глубокие слои воды. Так-то вот... Иванов шел осенью. Нет, это не та речка... Могу уверенно сказать: не та.

— Тогда вперед!.. — скомандовал геолог, и разведчики пошли дальше.

К вечеру второго дня они снова подошли к ручью, бурному и капризному. Он бежал сломя голову откуда-то с гор, словно спешил броситься в спокойные воды большой реки и найти себе долгожданный покой. Ручей растекался по множеству русел, огибал острова, заросшие тальником и тополями, петлял, возвращался назад, создавал по отлогим берегам заводи, озера и заливы, шумел на каменистых перекатах.

Остановились. Проводник тщательно обошел все устье. Да! Вот здесь зимой, конечно, будет неразбериха: и лед, и вода, и запруды, и озера... Перейти зимой этукую причудливую и веселую долину нелегко. Она вся окажется в предательских лужах. Русло тут несомненно промерзает в первый же месяц зимы, а сверху наступает вода и создает огромные наледи.

— Хлопотливая речка, — усмехнулся геолог. — Такая к весне способна наморозить не одну ледяную плотину на своем пути. А потом обязательно разольется.

Я встречал настолько толстые наледи вот в подобных долинах, что они не могли растаять даже к июлю месяцу. Лето, жара — а в долине лежит толстенный пласт льда. И все-таки не тает...

— Тут мы повернем, Василий Михайлович, и пойдем на север. — Любимов вытянул руку к горам, близкие контуры которых четко вырисовывались на вечернем небе.

— Она?

— Она. Именно в этой речке Иванов и мог провалиться.

— Да, это близко к истине. Идем на север. А сейчас привал и ночлег.

Уже в темноте разведчики стали на отдых. Под дождем натянули палатку, отпустили лошадей и зажгли костер.

Дым от этого костра и спугнул медведя, хозяина долины Шаловливого ручья...

Утром Лука Лукич достал из тюков жесткие, стоящие колом брезентовые плащи и резиновые сапоги с четкими рубчиками на толстой подошве.

— А ну, хлопчики, скидайте летнюю форму. Приказом по нашей части с сего числа для рядовых и командного состава вводится зимняя форма одежды. Нехай нам будет хуже. А летние курточки поховаем — сгодятся весной.

В плащах и резиновых сапогах все выглядели неуклюжими. Усков походил на богатыря. А Пете новая форма определенно понравилась. Главное, в ней сухо. А что тяжеловато, так и привыкнуть можно.

Утром разведчики вышли в путь. Местность заметно повышалась. Облака проносились низко над головами.

Скоро река круто повернула на запад, а потом и на юго-запад. Отряд остановился. Любимов подъехал к Ускову:

— Пора уходить из долины на север. Склон здесь не особенно крутой, можно начать подъем.

Через час отряд стоял на высоком взгорье. Перед людьми возвышались совсем близкие теперь скалистые

горы. Внизу оставалась долина, леса, сверкающие разводя. Почему-то не хотелось уходить из этих, казалось, обжитых мест.

Черные горы впереди навевали непонятную тревогу.

Глава седьмая,

*из которой видно, что дерево может иногда служить
источником важной информации*

Проходили дни, партия 14-бис шла вперед.

Плоскогорье... Высоко поднятая, огромная, в несколько десятков квадратных километров, относительно ровная площадь, заваленная камнями и обломками разрушенных скал. Растительности никакой. Ни деревьев, ни травы. Куда ни бросишь взгляд — всюду по краям высокие темные горы. Скалистые цепи поднимаются амфитеатром с трех сторон. Отряд идет строго на север, на сближение с мрачными каменными громадами.

Орочко поглядывал вокруг и сокрушенно покачивал головой.

— Создается впечатление, — сказал он, — что первобытный хаос сохранился здесь в полной неприкосновенности. Обратите внимание — скалы из гранита и базальта едва только тронуты разрушением. Никакого намека на почву. Да что говорить о почве, когда нет даже мелкозема. А ведь начальной ступенью к созданию почвы в великой лаборатории природы является образование песка и глины. Так, вероятно, выглядела наша прекрасная планета в первые дни мироздания.

— Возможно, возможно!.. — рассеянно откликнулся Усков и, вскинув бинокль, стал всматриваться в какую-то заинтересовавшую его точку. — Возможно, — повторил он еще раз, подал бинокль агроному и показал рукой вперед.

Орочко увидел впадину, словно высохшее мелкое озеро среди каменных россыпей. Там что-то темнело. Агроном удивленно опустил бинокль и, не веря себе, проговорил:

— Там что-то зеленое... Представьте себе, кусты. Среди диких камней — и вдруг такая прихотливая растительности!

Подъехали ближе. На плоской равнине, в чуть заметном понижении, росла мелкая полярная березка, тут же багульник с плотными, будто кожаными листочками и — о чудо! — смородина! Настоящая смородина!..

— Ягоды! Спелые! — воскликнул Петя и бросился к кусту. — А вкусные какие!..

Он обеими руками стал обрывать ягоды.

Борис последовал его примеру. Но что это? Руки у него вдруг стали грязными и липкими.

— Вот это здорово! Смола... Интересное дело, товарищи! Смолистая смородина. Честное слово! Как лиственница или кедр. Смотрите! Что это, Александр Алексеевич? Гибрид смородины с елкой?..

Орочко сорвал лист, потер, понюхал. Резкий, приятный запах, так напоминающий родные сады Подмосковья. Сомнения нет, это была настоящая черная смородина.

— Но почему смола? — не унимался юноша.

— А потому, что смола — защитное приспособление. Смородина выработала ее здесь сама, в течение многих поколений. Зимой в этих местах почва промерзает быстро и полностью, так что корни не могут подать в стемель ни грамма воды. Но некоторые многолетние растения Севера нашли способ обезопасить себя: они запасают воду в клетках в виде смол. Смола — коллоидное вещество, она трудно отдает связанную воду и сберегает ее до первых дней лета. Как только потеплеет, растение спешно распустит листья и начнется жизнь, хотя корни еще некоторое время будут спать в мерзлой почве. Все многолетние растения на Севере смолисты: кедр, тополь, лиственница, багульник...

Короткие дни. Вереница трудных дней...

Лошади идут длинной цепочкой, одна за другой. Горные кряжи обступают плоскогорье все плотнее и ближе. Темные каменные стены словно расходятся перед людьми, пропускают их вперед в свои таинственные недра и тут же смыкаются.

Вечером в высоком темном небе замерцали крупные, чистые звезды. Потянуло холодным ветром. У людей сразу замерзли уши.

Проводник с тревогой оглядел товарищей и вздохнул:
— Первый мороз! Зима на разведку вышла.

На ночь разбили палатку, на случай ветра укрепили края ее камнями и собрались внутри. Тесно, зато тепло.

Утром все ахнули: каменная площадка, дальние и близкие горы, вьюки и даже палатка — все побелело. На землю лег обильный иней.

— Надо спешить! — угрюмо сказал Усков, увидев эту феерическую картину, и задумался: геологу нужны открытые места, голые сбросы, свежие изломы камней. А теперь что? Отгребай снег, добивайся до почвы. — Поработаем не более трех дней, — объявил начальник партии, — и назад. В этом сезоне мы, должно быть, ничего не добьемся. Конец сентября. До основной базы не меньше двадцати дней пути. Итак, считаем эти три дня решающими. . . Куда ты сегодня? — обратился он к Любимову. — Мы с Борисом обойдем еще две вершины к востоку. Там огромное плоскогорье на высоте восьмисот метров, дальше понижение. Осмотрим его.

. . . Они ушли еще до света. Уже к полудню Усков и Борис стояли на краю крутого, почти отвесного обрыва. Ниже, метрах в ста, текла быстрая речка, уже прихваченная на краях первым ледком.

Борис наморщил лоб.

— Дайте-ка, Василий Михайлович, тетрадку Иванова. Что-то мне кажется. . .

Усков живо обернулся и с минуту глядел на юношу широко открытыми глазами.

— Река Иванова? Точно, Боря! Мне тоже кажется, что мы на верном пути.

Они спустились вниз, прошли вдоль берега и оказались у небольшого леска. Усков остановился. Прямо перед ним в окружении молодых тонких лиственниц стоял пенек. Что тут удивительного? Мало ли пней в тайге? Но этот был особенный. Дерево уже полусгни-

ло. Но еще можно было видеть, что оно не упало от старости и не свалено ветром, а срублено. Да, срублено топором, и чисто по-русски: со стороны, куда его хотели свалить, — надруб, а с противоположной — широкая рана от топора.

— Интересно! Крайне интересно все-таки! — сказал Усков. — Ну-ка, узнаем, когда тут были лесорубы.

Он быстро вытащил из-за пояса топор. Ловко, в два удара, срубил верхушку пня и стал рассматривать свежий срез.

— Тридцать восемь колец! Ты понимаешь, Борис, тридцать восемь!..

Он улыбнулся, глаза его заблестели.

— Это сделали они. Только они! Ты прав. Именно по этой долине пролегал путь Иванова и Сперанского. Все ясно! Сегодня же переведем сюда лагерь. Работы продолжаютсЯ...

Той же ночью, когда маленький лагерь уснул, над горами поплыли серые тучи. Они опускались всё ниже и ниже. Холодный ветер пронесся над землей. Медленно, как парашют, спустилась на землю одинокая снежинка, покружилась, легла и растаяла. За ней упали еще и еще. Снег закрутился быстрее, снежинок становилось все больше и больше. Теперь, уже осмелев, несметным роем вместе с ветром понеслись они из серых низких туч. Дохнуло настоящей зимой, а через какой-нибудь час на камни, на горы и долины повалил настоящий, густой и пышный снег.

Глубокий снег — значит, новые трудности, новые препятствия.

Глава восьмая

Золотое ущелье найдено. — Пещера Сперанского

Рано утром разведчики, не удаляясь от ручья, пошли на юго-восток.

Василий Михайлович шел по самому берегу. Время от времени он входил в воду, нетерпеливо зачерпывал со дна песок, а Борис быстро промывал пробу.

— Следы! Несколько крупинок!..

— Пошли дальше! — разочарованно говорил Усков.

Через несколько минут опять остановка.

— Снова следы. Один самородок. Горошина...

— Покажи... Гм... Обкатан слабо: видно, очень недавно сброшен... Пошли дальше!

Любимов уехал верхом далеко вперед. Распадок петлял, сворачивал то вправо, то влево, все время заметно подымаясь вверх. Но с какого-то места высота перестала возрастать. Долина расширилась, горы слегка отступили и стояли теперь в сторонке, хмурые и настороженные. Ручей уже не скакал. Он тек медленно, вода словно остановилась.

И опять пробы и пробы... Сидя на корточках, Борис осторожно поворачивал лоток вправо, влево, вниз; вправо, влево, вниз. Деревянное корытце наполняется породой, в него зачерпывают воду, встряхивают лоток: тяжелое оседает на дно, что полегче — смывается водой. Постепенно вода уносит из лотка песок, мелкие камни, на дне остаются только крупинки тяжелого металла...

И вдруг Борис ахнул:

— Василий Михайлович, смотрите!..

Он передал лоток геологу и растерянно умолк, сам не веря своим глазам. Во все днище лотка лежал ровный слой матово-желтых крупин! Золото тускло поблескивало, отливая слабой зеленью.

Геолог достал платок и вытер сразу вспотевший лоб. Ему даже жарко стало...

— Вот он, советский Клондайк!.. — торжественно проговорил Усков. — Ты только посмотри, ведь на дне ручья песок местами чуть не на десятую часть с металлом. Помнишь — «мы спали на золоте»!.. Теперь все ясно. Это именно и есть тот ручей, подо льдом которого некогда провели ночь Сперанский и Иванов.

Глаза геолога влажно блеснули. Он поднял вверх руку и заявил:

— Здесь мы постоим! Надо очень внимательно изучить эту россыпь и всю местность. Возможно, удастся найти и те алмазонасные породы, которые видел Сперанский. Во всяком случае, Золотое ущелье, о котором упоминает Иванов, рядом с нами.

Пока разбивали палатку, пока готовили дрова и возились с лошадьми, Борис успел закончить работу по описанию проб. Он сидел на большом камне и рассеянно

наблюдал игру света на вершинах сопки. Одна из них казалась не совсем обычной. Борис взял бинокль. На самой вершине сопки в беспорядке валялись огромные каменные глыбы, а среди них возвышался каменный столб.

И тут Борис вспомнил: «...Мы добрались до вершины и сложили каменный столб. Узкая часть его повернута в сторону Золотого ущелья...»

— Василий Михайлович! Товарищи!.. — закричал Борис. — Каменный столб! Воа, на сопке, прямо на юг! Смотрите, да смотрите же в бинокль! Это их столб!

Все бинокли устремились в сторону сопки. Сомнения быть не могло. Природа вряд ли создаст такое сооружение.

— Значит, где-то здесь и Золотое ущелье. Кто пойдет? — спросил Усков.

— Я! Я! — воскликнули Петя и Борис одновременно.

— Отлично! Но не пойдете ли и вы, Александр Алексеевич? — предложил Усков. — Здесь километров пять — шесть. Захватите Туя.

У самого подножия горы трое разведчиков увидели странное пятно. На большой площади в десять или пятнадцать гектаров снега не было. Как ни в чем не бывало зеленела брусника, серый мох покрывал землю. Тут же рос мелкий, но довольно густой стелющийся кедр, полный зрелых шишек с орехами.

— Странно!.. — пробормотал Орочко. — Очень странно. Был бы это южный склон, тогда бы еще понятно. Но северный?! Почему же здесь стоял снег? И нет зимы...

Маленький ручеек стекал в этом месте со склона. Когда разведчики поднялись чуть выше, ручеек исчез. И сразу началась граница снега.

— Где же вода? — недоуменно спросил Петя. — Вот только была и вдруг ее нет?!

Группа остановилась. Да, ручеек пропал. Агроном спустился чуть ниже. Внезапно он услышал из-под камней слабое журчание. Тогда он сорвал пласт мха, разгреб камни и обнаружил, что ручей выбирается из глубины горы. Вода оказалась теплой. Недоумение рассеялось.

— Теплый ключ! Вот в чем дело! Видите, друзья, здесь повторяется та же история, какую мы наблюдали

в долине Бешеной реки. Еще раз подтверждается правота Ускова: мы находимся в центре какого-то вулканического очага. И этот очаг далеко еще не остыл. Теплые ручьи — первое подтверждение. Где-то под гигантской толщей гранитов и всегда мерзлых грунтов живет и бодрствует Вечный Огонь. То ли это подземное море

неостывшей лавы, то ли непрерывное выделение тепла каким-нибудь распадающимся радиоактивным веществом — сказать трудно. Но стоит такому ничтожному ручейку пробиться наружу, и зима сразу отступает. Смотрите: теплая вода смыла снег и дала жизнь растениям. Какие чудеса может сделать энергия подземного тепла! Но мы еще вернемся сюда, я не сомневаюсь. Мы придем и в Золотое ущелье, и к первой нашей стоянке у Бешеной реки. Придем с машинами, с людьми, не ограниченные временем. И мы построим поселок, откроем прииски и всерьез займемся этой тайной северной природы.

Через час или полтора люди достигли наконец цели своего путешествия: они увидели столб.

Да, каждому было вполне очевидно, что он создан руками человека. Камни подбирались небольшие, но ровные, кладка правильная, с перекрытиями. Столб имел около трех метров в высоту и сужался кверху.

— Все ясно, — проговорил Орочко. — Это и есть столб Сперанского и Иванова! Отсюда они пошли дальше, вон туда...

Он указал на юго-запад. Все невольно повернулись в этом направлении. Острые шпили вершин, словно древние готические храмы, упирались в облака, которые медленно кружились и кучились среди этого хаотического нагромождения.

— Где-то там Сперанский и погиб! — тихо проговорил Петя.

— Василий Михайлович говорит, что мы обязательно

сделаем разведку в пещере, — сказал Борис. — Помните, в дневнике Иванова? Рудное ущелье...

— Не это ли оно? — спросил Петя, указывая вниз, чуть в сторону.

Действительно, там темнело довольно глубокое ущелье.

— А если мы пойдем обратно не по прежней дороге, а по этому ущелью, Александр Алексеевич?

— Можно и так. Кажется, заблудиться негде. Пошли...

В ущелье стены были почти отвесные: словно гору разрубили гигантским топором. Но спуск был найден. Трое разведчиков осторожно пошли по камням, опасливо косясь на хмурые стены.

Борис все чаще и чаще клал себе в рюкзак образцы обнаженных пород.

— Это руды! Стой!.. Вот опять золото, прямо в камне. Ого! Есть и крупницы. Бери, Петя...

Приближались сумерки, когда разведчики вернулись.

— С добычей! — доложил Орошко. — Целая груда образцов. Главное, столб на вершине сопки поставлен людьми. Никаких сомнений! Кроме того, мы прошли Золотым ущельем. Ничего сверхъестественного, если не считать несметных богатств. Но к ним мы, кажется, начинаем привыкать.

На другой день на поиски пещеры вышли Любимов и Петя. За ними увязался Туй.

— Если не вернемся к ночи, не волнуйтесь, — предупредил Любимов. — Значит, заночевали в пещере.

Они довольно быстро вышли на ровное плато, которое Петя видел с горы.

Ущелье уводило их все дальше и дальше, куда-то в самое сердце гор. Было жутко в этой глубокой, необыкновенно тихой каменной щели.

Любимов шел медленно. Он все время молчал и напряженно приглядывался к камням. Петя, наоборот, напевал, играл с Туем и много говорил. Но вот он неосторожно зацепил стволами ружья за куст, который прилепился на отвесном откосе, и тотчас же угрожающе загромыхали посыпавшиеся камни.

— Скорей!

Любимов дернул Петю к себе, и они отскочили в сторону. И как раз вовремя. Вот ударил о дно ущелья первый крупный камень, второй, третий, потом они посыпались целым ручьем. Поперек ущелья за какие-нибудь две минуты вырос холм щебня и камней.

— Видишь, что может случиться с неосторожными? Стены ущелья круты и очень опасны. Здесь всюду подстерегает опасность. Выстрели — и сейчас же посыплются и зашумят обвалы и осыпи. Осторожность и еще раз осторожность, мальчик!

Они присели на камни. Любимов достал кисет и закурил.

И внезапно они увидели пещеру!

Любимов быстро поднялся. Вот она... Вход зиял не на дне ущелья, а примерно на высоте двух метров.

— Она! — почему-то шепотом сказал Петя. — Другой такой, наверное, нет! Она, Николай Никанорович. Его пещера!

Разведчики быстро вскарабкались во входной лаз. Зажгли фонари. Когда глаза привыкли и желтый круг света стал расширяться, они увидели серые стены и высокий потолок.

Вдруг Любимов остановился и поднял что-то с пола:

— Смотри, Петя. Обгоревшая ветка... А что, как эту ветку держал Иванов, когда он ходил искать здесь Сперанского?! А вот и следы...

Скоро пещера стала понижаться. Вот она сузилась и — стоп! Дальше хода нет. Впереди — огромная массивная глыба гранита.

— Все! Все ясно, Петя! За стеной — могила Сперанского. И ничего мы больше о нем не узнаем. Страшный конец!...

Петя помолчал, снял шапку и постоял перед немой стеной, как перед могилой.

Когда выходили, ветер выл злобно и натужно. Снег бешено кружился и застилал ущелье так, что даже противоположной стены не было видно. Метель... Дикая октябрьская метель... Она разразилась внезапно и сейчас только набирала силу.

О возвращении в лагерь нельзя было и думать.

— Ночуем здесь, Петя. А там, как говорится, утро вечера мудренее. Что-нибудь придумаем...

Глава девятая,

*с которой начинаются главные события этой повести. —
Табун исчез. — Волки. — Начало катастрофы.*

Утром ничего придумать, однако, не удалось. Снежный вихрь не утихал. Выйти из пещеры нельзя было и думать. По счастью, в ней было довольно тепло. Сквозняков не чувствовалось, и это лишнее доказывало, что пещера глухая и другого выхода не имеет.

День тянулся медленно, долго. Любимов курил почти не переставая.

Стало темнеть. Метель продолжалась с прежней силой.

— На покой, Петя?..

Но вернемся в лагерь.

Первым обратил внимание на надвигающийся буран Гордый. Жеребец поднял голову, покосился на горы и тревожно всхрапнул.

Полотнище палатки внезапно затрепетало. Тогда завхоз тоже понял: идет буран.

И действительно, через каких-нибудь десять минут началось светопреставление. Буран бушевал день. И еще один день. И еще одну ночь.

— Где они могут быть? — вырвалось у Бориса. — Что с ними?

— Я надеюсь на Любимова, — тихо ответил Усков.

В тревоге за Любимова и Петю прошел еще день. Спать легли рано, под завывание ветра и хлопанье палаточного верха.

Лука Лукич изредка выбирался из мешка, застегивал плащ на все пуговицы и, не отрываясь от веревочных оттяжек палатки, выходил наружу посмотреть на лошадей. Они спокойно лежали, полузасыпанные снегом.

Спокойно ли?

Глубокой ночью далеко от лагеря слышались новые звуки.

Если бы кто-нибудь из разведчиков мог видеть, как вдруг поднялись торчком уши у сторожевого жеребца, как Гордый вдруг тревожно всхрапнул, дико косясь по

сторонам, они бы насторожились и, вероятно, предотвратили бы несчастье, которое явилось причиной многих дальнейших злоключений... Но люди спали, утомленные долгой непогодой.

А жеребец не спал. Он поднял запорошенную снегом голову и предупреждающе заржал — тихо, но тревожно. Весь табунок проснулся; настороженно зашевелились уши. Головы пришли в движение — темные, еле видимые в снежном смерче. Трепетали чуткие ноздри животных.

Что случилось?

Все так же выл обезумевший ветер, неслась пурга, было темно и жутко.

Но жеребец продолжал настороженно вслушиваться.

Чул!.. Вот опять сквозь вой ветра донесся до него протяжный, за душу берущий звук; он возник и тут же потонул в шуме метели. Через некоторое время такой же, но словно сдвоенный звук донесся снова. В нем слышались злоба, тоска, кроважадные желания и еще что-то такое, от чего стынет кровь, что заставляет животных испуганно дрожать всем телом и бежать, бежать без оглядки прочь, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого зловещего воя.

Это волки ходили вокруг лагеря, постепенно сжимая кольцо...

Жеребец храпя поднялся, и весь табун послушно встал вслед за ним. Вот завывания голодной стаи снова прорезали злобный голос метели. Тут Гордый, не надеясь на помощь людей, не выдержал и пошел прочь от ужасных звуков, от спящего полузасыпанного снегом лагеря. За ним, всё ускоряя и ускоряя шаг, потянулся весь табун. Вой ветра и завывания волков подстегивали обезумевших животных. Теперь жеребец шел уже сзади. Разметав по ветру широкую гриву и распутив хвост, он бежал позади лошадей, подгоняя отстающих нетерпеливым сердитым ржанием, иногда пуская в ход свои острые зубы.

И черная ночь скоро поглотила весь табун.

Любимов не смыкал глаз. Он прислушивался к голосу метели, слушал посапывание спящего Пети.

Вот уже две ночи, как они заперты в пещере. Плохо с едой. Осталось немного консервов и с полкилограмма галет. Мальчик не догадывался, что проводник уже не ел днем и не ужинал вечером. Кто знает, сколько еще таких дней и ночей впереди?!

Но буран улегся так же внезапно, как и начался. Мягко засветил молодой месяц. Крупные, словно вычищенные звезды мерцали на темном небе ярко-голубым светом.

— Петя, Петя! — тихо окликнул Любимов.

— Что? Уже утро?

— Нет, пока еще ночь. Но буран утих, можно идти...

— Ах да, идти!.. Куда идти?

— Вставай, вставай, Петя! Идем в лагерь. Как-то они там?..

— Сейчас, сейчас!..

Петя наконец проснулся.

Скоро они выбрались на плато. Вот и поворот, отмеченный Любимовым, за ним второй, и перед путниками открылась чистая белая долина, на другом конце которой где-то стояла их засыпанная снегом палатка.

— Ну, почти дома...

В ту же минуту яростно залаял Туй. Шерсть поднялась на нем дыбом, глаза злобно засверкали. Любимов быстро схватился за карабин.

В каких-нибудь восьмидесяти — ста метрах от них отсвечивали красноватым светом восемь пар глаз.

— Волки!..

Во взаимных наблюдениях прошла минута. Потом четыре волка отделились и парама, не спеша, пошли вправо и влево, в обход. Излюбленный прием! Остальные топтались на месте. Туй рычал все более грозно. Он узнал своих древних братьев, а теперь злейших врагов.

Любимов огляделся. Влево от них стояла одинокая скала.

— К камню, живо!.. — тихо скомандовал он.

В три прыжка они очутились у прикрытия.

— Становись с той стороны. Бей по выбору, не спеши.

Волки сжимали кольцо. Любимов поймал на мушку серое туловище. Грянул выстрел. Зверь подпрыгнул и свалился на бок. Три других с глухим рычанием кинулись на убитого.

— Бей, Петя! — спокойно приказал проводник.

Два выстрела: сухой — винтовочный и гулкий — ружейный, грянули почти одновременно. Петя увидел, как его картечь сорвала у волка клоч шерsti со спины. Хищник взвыл, но бросился вперед. Навстречу ему, как развернувшаяся пружина, вылетел Туй и схватился с раненым зверем. Еще выстрел — и еще один зверь завертелся на снегу. Передние волки, бросив убитого, рванулись к скале, лязгая зубами. Петя два раза выстрелил почти в упор. Сверкание огня, ожог картечи заставили волков прижаться к земле. Сейчас они бросятся...

Но тут послышались выстрелы со стороны снежного плато. Один, другой, третий... Четыре человека бежали по белой равнине, размахивая ружьями и стреляя на ходу. Пятерка волков, оставшихся в живых, вдруг исчезла, словно их и не было. Бой утих так же внезапно, как начался.

— Эге-ге-ге!.. У-лю-лю-лю!.. неслось от лагеря. —

Кава огромными прыжками летела впереди. Еще несколько мгновений — и разведчики, смеясь и радуясь, обнимали своих пропавших друзей.

— Пещера Сперанского найдена, Василий Михайлович! В ней мы и переждали непогоду.

— Ну?.. И как она?

— Следы там имеются. Нашли остатки факела. И всё... В конце пещеры обвал. Ясно, что человек был замурован.

Занималась заря. Побледнел юго-восток, померкли звезды, и луна будто увяла, застенчиво сливаясь с побелевшим небосводом. Брызнул во все стороны красноватый свет, заиграли в его лучах верхушки гор, и день сразу, словно боясь опоздать, вступил на короткое время в свои права.

Переговариваясь и шутя, разведчики пошли к лагерю.

— Теперь один день на обследование ущелья и пещеры, и завтра же тронемся обратно, — сказал Усков. — Не будем еще раз испытывать судьбу в такой буран. Лошади отдохнули, и, я думаю, мы дней за двадцать сумеем добраться до конечного пункта трассы. Семеныч, должно быть, уже ждет нашего вызова.

Усков широко улыбнулся, глаза его сияли.

— А весной придем сюда с машинами, с тракторами и с аммоналом!

Они были уже недалеко от палатки, как вдруг Любимов, шагавший впереди, побледнел.

— Где лошади, Лука Лукич?..

Лошади исчезли.

Глава десятая

Ураган. — Партию 14-бис уносит в бездну

Ускова словно громом сразило.

В сумрачном молчании стояли и остальные разведчики. Туй кружился около палатки, обнюхивая все уголки и пофыркивая, и вдруг с громким лаем побежал по снегу. Метрах в ста он остановился, разгреб снег и опять залаял: он нашел под снегом разорванную в куски уздечку.

— Вот куда ушел табун, — сказал Любимов. — Гордый почуял волков и увел лошадей. Теперь он их, по всей вероятности, гонит обратно по той дороге, по которой мы пришли.

Хватай-Муха стоял, молча опустив голову. Что мог он сказать в свое оправдание? Он никогда не привязы-

вал лошадей, потому что надеялся на Гордого. И не было случая, чтобы хоть одна лошадь отбилась от табуна. И вот, не угодно ли?! У начальника партии имеются все основания обвинять завхоза в халатности.

Однако начальник партии ничего завхозу не сказал. Начальник партии слышал сквозь сон, как Лука Лукич, презирая чертовский холод, несколько раз выходил ночью из палатки проверять лошадей. Видимо, табун ушел уже на рассвете. Он не мог уйти особенно далеко.

— Немедленно на розыски! Сделаем так: Любимов, Хватай-Муха и Орочко сейчас же выступят с собаками по следу табуна. Даю вам сутки. Если за это время лошадей не встретите — возвращайтесь обратно без задержки. А мы тем временем перенесем базу в пещеру Сперанского. Петя укажет нам дорогу.

— Ну, а если... — неуверенно начал Орочко.

— Повторяю: через сутки возвращайтесь на базу. Если табун обнаружить не удастся, все грузы перенесем в пещеру Сперанского и подадим радиогамму: пусть все-таки пришлют других лошадей. Что еще мы можем сделать? Ведь на себе мы всего не унесем!..

Когда ушел по следам табуна Любимов со своими спутниками, когда имущество было укрыто в пещере и, покончив с этой утомительной работой, Усков, Борис и Петя смогли наконец отдохнуть, пещера показалась им такой уютной — хоть поселяйся здесь навсегда.

— Как в гранитном дворце на Таинственном острове, — сказал Борис. — Не хватает только капитана Немо...

— Разница невелика, — с усмешкой откликнулся Усков. — Остров Жюль Верна находился, кажется, на тридцать пятой параллели, а мы на шестьдесят шестой... Однако здесь очень тепло. Петя, достань-ка термометр. Так...

Усков даже присвистнул от удивления: ртуть поднялась до четырнадцати градусов тепла.

— Пожалуйста!.. Интересная пещера, все-таки! Вечномерзлые грунты на больших глубинах обычно показывают от двух до шести градусов мороза, а тут четырнадцать градусов тепла. Снова подземные реакции!..

— Какие реакции вы сказали, дядя Вася? — переспросил Петя.

— Помнишь долину Бешеной реки? Теплые озера? Вот и тут то же самое. Видимо, где-то здесь в глубинах земли идет вулканическая деятельность или...

Он не договорил. Борис поднял с земли кусок камня. В белом кварце поблескивали желтые нити золота. Но теперь золото уже никого не удивляло.

— Ну-с, и тут рудное золото. Вот что... Пока у нас есть время, давайте-ка зажжем все три фонаря и пройдемся в глубь пещеры. Чем она нас порадует?

В желтом свете фонарей стены пещеры тускло поблескивали гранями камня. Рудные тела, хорошо заметные на изломах, попадались очень часто. Чем дальше, тем становилось теплее. Вот шестнадцать градусов, девятнадцать! В глубине пещеры каменные стены стали теплыми уже на ощупь. Но вот и тупик. Разведчики внимательно осмотрели огромную монолитную глыбу, закрывавшую ход вперед. Там, где-то за ней, в душном склепе, лежат останки Сперанского...

Петя взглянул под ноги: на ссохшейся глине пола он ясно увидел в свете фонарей четкие следы человеческих ног...

Жеребец уверенно гнал табун. Две лошади, которым удалось сорвать уздечки, бежали впереди, остальные восемь, спутанные одной веревкой, шли кучей, а жеребец сзади подгонял отстававших. Он хорошо помнил дорогу, и на поворотах, когда передние начинали неуверенно топтаться на месте, забегал вперед и некоторое время вел табун, чтобы затем снова занять место сзади. Табун не останавливался. Перевал, за ним — горная долина, а дальше — широкая река, высокие и густые травы, теплые озера. Уставшие лошади, повинувшись вожажу, шли из последних сил и попали наконец на первое бесснежное пастбище. Здесь они отдохнули, походили по сухой траве и затем неторопливо направились вдоль реки, к знакомому им месту первой стоянки.

Вечером, когда табун, успокоившись, проходил по лесу, из чащи рывкнул потревоженный медведь. Лошади кинулись на голый берег реки. Бойкая серая кобылица, хо-

дившаяся отдельно от табуна, с разбегу бросилась в воду и, призывно заржав, поплыла. Табун сгрудился на берегу. Жеребец тревожно заржал, чуя опасность, но лошадь все плыла и плыла, вытянув морду. Скоро ее стало относить течением вниз. И тогда жеребец не выдержал. Он загнал в реку весь табун и сам поплыл на выручку кобылицы. Кони плыли, дико храпя и отфыркиваясь. На середине реки их подхватило быстрое течение и неудержимо понесло. Передняя лошадь поняла наконец опасность. Она испуганно и дико заржала и печально оглянулась назад; ей ответил такой же тревожный, но полный еще силы и веры в жизнь голос жожака. А течение уносило табун все быстрее и быстрее. Бешеная река словно спешила совершить свое мрачное дело. Лошадей кружило, вертело. В последний раз, покрывая шум близкого подземного водопада, над долиной, над рекой, над притихшими горами тревожно и жалобно, с предсмертной тоской в голосе заржали лошади.

Пенистые буруны огромной силы легко подхватили коней, вынесли на гребень, ударили о мокрые скалы, закружили и с ревом умчали в глубь земли...

Лошади полевой партии 14-бис погибли все до одной.

И снова несется над долиной несмолкаемый шум водопада, уходящего в бездну, плещутся о берега мутные волны беспокойной и коварной реки и редко-редко вскрикивают в лесу, чего-то испугавшись, сумасшедшая сойка...

На исходе второго дня сидящие в пещере слышали повизгивание собак, голоса, а через несколько минут Любимов, Орочко и Лука Лукич сидели у костра и пили горячий чай. Вся полевая партия была снова в сборе. Решалась судьба похода.

— Итак, мы остались без лошадей. До базы не меньше трехсот километров, — в раздумье говорил Усков. — До нашей стоянки у Бешеной реки — чуть меньше ста. В лучшем случае лошадки там, а возможно, что они и погибли. Вы, товарищи, представляете себе?.. Кстати, как у нас с продуктами, Лука Лукич?

Завхоз, все время сидевший с опущенными глазами, вздохнул и поглядел на Ускова. Начальник партии улыбнулся:

— Ну, будет, не расстраивайся. Теперь уж не помо-
жешь. Как с продуктами?

Продукты еще имелись. Выходило, что каждому при-
дется нести на себе около десяти килограммов провианта,
топор, ружье, боеприпасы, спальный мешок и разные ме-
лочли, в том числе рацию и питание для нее. Все осталь-
ное должно остаться в пещере — вся геологическая кол-
лекция, плащи, сапоги, седла, выюки и даже... книги.

— Мы можем только тем себя утешить, товарищи, —
сказал Усков, — что привезем точные сведения о новых
месторождениях и безошибочно укажем места будущих
богатейших приисков. Весной приедем и развернем ра-
боты.

После небольшого размышления он прибавил:

— Есть возможность сократить путь километров на
двадцать, а то и на все тридцать. Я смотрел по своей кар-
те. Если мы пойдем не по прежнему следу, а пересечем
горы напрямик, то выйдем сразу к Бешеной реке. Как вы
смотрите? Прошу учесть, что горы довольно высокие.
Верхняя точка, по моим расчетам, две тысячи триста
пятьдесят метров.

— Идем! Все равно идем! — подхватил Борис.

— Твое мнение, Николай Никанорович?

Проводник задумался. Предложение, конечно, заман-
чиво, но...

— Здесь когда-то проходил путешественник Тер-
ский, — сказал он. — Лет сто назад. Он составил карту.
Самой высокой горе он дал имя Эршот. Других карт нет.
И вообще места неисследованные. Можно нарваться на
препятствия и неожиданности.

— А стоит ли отказываться от возможности исследо-
вать белое пятно? — возразил Усков. — Все-таки инте-
ресно поближе познакомиться с этими горами. Если мы
только на подступах к ним нашли так много интересного,
то воображаю, что там может оказаться, в глубине гор.

— Что ж!..

— Значит, решено. Идем через горы. Выступаем ут-
ром и по ущелью поднимаемся на Эршот.

Вышли рано утром и к вечеру поднялись на две ты-
сячи сто метров. Вершина Эршота была рядом, но ее
скрывали туман и снег.

— Ничего не разберешь, — сказал Усков. — Только

на компас и надежда. А он, как назло, шалит. Видно, где-то близко большие залежи магнитного железяка.

Прошли еще немного по ровной площадке. Начало темнеть. Любимов указал на скалы:

— Здесь, пожалуй...

— Привал! Отдохнем, а утром свяжемся с Хамаданом, с трестом... — решил Усков.

Разгребли снег. Между трех больших камней укрепили брезент. Из снега сделали нечто вроде невысоких стен. Развели экономный костер: дрова приходилось беречь, их несли на себе. Согрели консервы, чай, быстро поели и залезли в спальные мешки, приладив в них и все свое небольшое имущество. Сон сразу навалился на уставших путников. Даже собаки и те, пристроившись к Борису и Пете, для которых спальные мешки были слишком просторны, сладко уснули и только подрагивали во сне, переживая впечатления дня.

Глубокой ночью, уже близко к рассвету, поднялась метель. Ветер усилился, в воздухе гудело. Липкий снег сначала не поддавался ветру. Но скоро сила ветра стала такой, что снег отваливался от камня буквально пластами и летел вперед, куда-то под уклон в черную ночь.

Разведчики проснулись. Они сидели в своих спальных мешках, прижавшись к камням. Брезент давно унесло ветром, снежные барьеры сбило и разметало. Любимов наклонился к Ускову:

— Прикажи людям связаться. Не ровен час, понесет...

— Связаться всем за пояса! — последовала команда.

А ветер крепчал. Уже трудно было сидеть даже под защитой скал. Весь снег вокруг них как языком слизало. Камни обледенели. Все молчали и только теснее прижимались друг к другу.

Орочко, который сидел под большим камнем, привалившись к нему спиной, внезапно почувствовал, что камень дрогнул и чуть тронулся с места. Вот еще...

— Камень качается! — крикнул агроном и вскочил.

И тут же его сбило с ног порывом ветра и поволокло под уклон. За ним покатились все остальные, один за другим.

Цепочка людей, привязавших себя друг к другу, скользила по обледеневшей каменной плоскости вниз.

Люди хватались за выступления, но удержаться не могли. Ускова завертело. В какую-то секунду ему показалось, что горы обрываются и впереди зияет черная пустота.

Мальчишеский голос кричал:

— А-а-а!..

«Что я наделал?» — успел только подумать геолог.

Еще секунда, и перед ним разверзлась бездна.

«Конец!.. — мелькнуло у него в голове. — Две тысячи сто метров... Конец!..»

Глава одиннадцатая

*переносит читателя в город Хамадан. —
Партия 14-бис исчезла бесследно. — Поиски начаты*

Секретарь вошел в кабинет управляющего трестом, держа в руке синий бланк.

— Ну что? — с тревогой и нетерпением спросил управляющий.

— Плохо, Федор Павлович!

Глаза у секретаря были грустные, он говорил тихо.

Управляющий схватил бланк. Это была радиограмма с промежуточной базы номер восемь, через которую группа Ускова поддерживала связь по радио. База сообщила, что за истекшие сутки от Ускова никаких сведений не поступало.

— Седьмые сутки! — сказал управляющий. — Что же это такое?

Он посмотрел в окно. Тусклый зимний день. Все полевые работы закончены. Все партии уже вернулись, и изыскатели занимаются камеральными работами. А Усков... Неужели что-нибудь серьезное?

— Соедините меня с аэропортом.

— Есть.

Через две минуты раздался телефонный звонок.

— Аэропорт слушает. Начальника? Одну минуту...

— ...Шесть человек, одиннадцать лошадей. Направление — от восьмой базы в квадрат С-4 в сторону хребта Терского и дальше на север. Как? Одного самолета мало. Условия полета очень тяжелые, высота гор превышает две тысячи метров. Я понимаю, что в такое время

трудно... Трех, пожалуй, будет достаточно. Дополнительные сведения? Никаких. Впрочем, я пошлю к вам шофера, который отвез партию летом на исходный пункт. Действуйте и, по возможности, оперативно.

Он обратился к секретарю:

— Пишите начальнику базы восемь: «По вверенной вам базе объявляется чрезвычайное положение. Отрядите на поиски Ускова все наличные упряжки собак, необходимое количество людей, опытных проводников. Радиус действия до ста километров в северном направлении. Дальше будут работать самолеты. Приготовьте посадочные площадки. Шофера Вострикова направьте в аэропорт для дачи дополнительных сведений».

— Всё?

— Передайте по рации сейчас же.

Секретарь вышел и вернулся через минуту:

— Жена и дочь Ускова. Примете?

— Разумеется!

Управляющий сам вышел в приемную. Он привел в кабинет Варвару Петровну и Верочку и усадил их:

— Пока рано волноваться, дорогие мои. Рано. Уверю вас...

— Федор Павлович, а сами-то вы уверены, что они живы? По глазам вижу, что не очень уверены, — сказала Варвара Петровна, и голос ее дрожал от волнения.

— Безусловно уверен. Не было случая, чтобы изыскательская партия пропала вся целиком и совершенно бесследно. Ведь не могли же они погибнуть внезапно и все сразу. Конечно, напрашивается простой вопрос: почему же они молчат? Ведь у них есть рация! И полный комплект питания! И из шести членов группы — трое радисты. Я имею в виду студента-практиканта, и вашего племянника, и, наконец, сам Василий Михайлович — радист первой руки. Тогда почему же они молчат? Ведь все тревоги из-за этого: почему они молчат?

— Совершенно верно, Федор Павлович, — сказала Ускова. — Почему молчат три радиста, если у них есть рация?

— Есть рация! А вы уверены, что она есть, эта рация? А что, если она разбилась, поломалась, упала в речку, свалилась со скалы и рассыпалась? Я, например, уверен, что это именно так и случилось.

— Ах, Федор Павлович!.. Вы меня все-таки немножко обнадежили...

После небольшой паузы она прибавила:

— Я хочу сказать, что умом я все понимаю. Возможно, что ваши предположения правильны... Но душа у меня все-таки не на месте. Чует сердце, что там какая-то беда.

— А вы, дорогая Варвара Петровна, не сердцу верьте, а верьте мне. Во всяком случае, мы не сидим сложа руки. Предпринимаются поиски в самом широком масштабе. Три самолета, собачьи упряжки, охотники... Мы всё делаем, чтобы помочь им, если они в беде. Подчеркиваю, *если* они в беде. Хотя я уверен, что никакой беды нет.

Но едва Усковы ушли, управляющий вызвал главного геолога. С ним он говорил иначе:

— Что ты думаешь об Ускове? Придет? Люди у него надежные, проводник хороший. Да и сам он человек опытный. Правда, зашли-то они очень уж далеко, дальше, чем полагается...

Но геолог был хмур.

— Одна беда, — выжал он из себя после паузы, — район каверзный. Прямо скажем, пакостный район. Большие высоты. А тут еще и ранняя зима.

— В том-то все и дело! — подхватил управляющий. — Район богомерзкий! Большие высоты, и ранняя зима. Свалиться в какую-нибудь пропасть — нет легче. Приходила Варвара Петровна с Верочкой. Их-то я кое-как успокоил, а сам беспокоюсь отчаянно... Ох, чует мое сердце...

...Поиски начались. Много раз пролетали самолеты и над странной исчезающей рекой, и над ущельями около Эршота, и над белыми долинами с блестящими лентами ручьев. Только над самой вершиной Эршота не пролетел ни один самолет. Высокая, огромная гора, во все стороны, на десятки километров, как лапы, раскинувшая отроги, надежно охраняла свою чернокаменную голову, почти всегда закрытую в это время года плотным облаком тумана.

Одна за другой возвращались собачьи упряжки. Люди докладывали: следов не обнаружено. Рация на базе три раза в сутки вспыхивала неоновыми лампами, передавая в трест безрадостные сводки.

Пошла вторая неделя поисков. Уходят в тайгу новые партии, снаряжаются свежие упряжки. Бороздят долины лыжники, несутся оленье нарт, идут в поиск добровольцы и охотники. Они взбираются на сопки, переходят через болота и реки, спускаются в ущелья. Результат все тот же. Никаких следов. Партия 14-бис исчезла бесследно.

И наконец прибыло распоряжение: поиски временно приостановить.

Часть вторая

КРАТЕР ЭРШОТА

Глава двенадцатая,

*в которой начинается правдивое описание того,
что случилось с разведчиками, когда они свалились в пропасть*

Когда в последнюю минуту перед катастрофой Усков увидел перед собой пустоту, он не ошибся в предположении: перед ним действительно зияла черная пропасть, куда стремительно неслись по воле ветра связанные между собой люди. Наклонная, гладкая как стекло, заледеневшая каменная грудь Эршота вдруг обрывалась совершенно отвесно. Гора не имела вершины. Вместо вершины тут была пропасть.

После того как раздался приказ: «Связаться всем!..» — Петя ухватил конец веревки и крепко обмо-

тал ее вокруг себя. В его спальном мешке чуть подрагивала то ли от холода, то ли от страха Кава. Рядом с Петей оказался Любимов. Проводник потянулся к юноше и обшарил руками крепление. Петя подумал: «Проверяет, хорошо ли привязался». И в ту же секунду раздался предупредительный крик агронома: «Камень качается!» Вслед за криком Петю выбросило с места и понесло вниз. Он только успел кое-как высвободить из мешка руки. Кава завозилась в ногах, пытаясь вырваться из мешка, но ей это не удалось. Их вместе несло вперед, переворачивая с боку на бок. Новый рывок на очень короткое время остановил Петю на месте. Это Любимов крепко уцепился за выступ какого-то камня, пытаясь удержаться. Петю больно стянуло веревкой, и он не сдержался, закричал.

Этот крик и слышал Усков в последнюю минуту перед падением.

Веревка лопнула. Ее конец хлестнул по воздуху. Цепочка людей развалилась.

В следующее мгновение Петя уже летел, валился куда-то в массу липкого снега, в вое ветра, в темноту ночи. Теряя сознание, он чувствовал, что погружается в какое-то вязкое месиво.

И все пропало...

Буря бушевала еще долго. Ветер гнал тучи снега, каменную пыль, мелкие осколки скал.

Но всему приходит конец. К утру, когда на востоке чуть-чуть забрезжил рассвет, сразу наступила такая тишина, словно природе стало стыдно и она решила испить свое ночное буйство.

Первым очнулся Туй. Как глубоко ни засыпало его снегом, все же, энергично работая лапами и мордой, он быстро разрыл сугроб. Где-то в вышине еще выл ветер, но сюда, вниз, долетали только редкие порывы. Туй побежал в одно, в другое место, всюду проваливаясь в рыхлом снегу. Ни одного знакомого запаха. Собака жалобно взывала, прислушалась, повертелась, улеглась на снегу, и уже через минуту ее снова накрыло теплым снежным одеялом.

Но недолог был сон Туя. Внезапная потеря хозяина и одиночество сильно тяготили собаку. Она вскочила, ста-

ла бродить в темноте, изредка полаявая и повизгивая. Внезапно влажного носа собаки коснулся слабый, но знакомый запах. Туй понюхал и вдруг с бешеной энергией кинулся разгребать снег.

Северные собаки умеют за пять минут вырыть глубокую яму даже в обледеневшем снегу. Так они делают, когда охотятся за мышами. А тут дело шло о самом значительном в жизни четвероногого — о друзьях. Можете представить себе, с каким подъемом и энергией Туй раскидывал снег, как он визжал от нетерпения. Но чем дальше, тем радостнее становился его голос.

Еще, еще усилие... Из-под снега показался меховой мешок, какие-то веревки. И вот уже слышен приглушенный, тихий и жалобный визг полузадушенной Кавы. Совсем рядом показалось теплое и мокрое от снега лицо Пети. Туй лизнул его раз, другой. Веки мальчика вздрогнули, он открыл глаза:

— Где я?

Никто ему не ответил. Над ним вертелась мохнатая морда, и прямо в упор он увидел глаза Туя, полные преданности и немой мольбы о ласке.

— Туй, это ты? Ох!.. — застонал мальчик. Левую руку прорезала жгучая боль, и в памяти отчетливо всплыли все события ужасной ночи. — Но где же остальные? Где дядя, Борис, Любимов?

В ногах, запутавшись в спальном мешке, все энергичнее ворочалась Кава. Вот она высунула морду и, перебирая передними лапами, быстро выползла, встряхнулась и весело завиляла хвостом. Ее встретил радостный лай Туя.

— Ищи, Туй! Кава, ищи!.. — приказал мальчик.

Собаки зарылись в снег. В двух метрах от Пети, под снегом, они нашли Любимова.

Быстро очнувшись, опытный проводник сразу сообразил, что остался жив только благодаря тому, что упал на рыхлую снеговую подушку.

— Петя! Жив? Ранен? Остальные где?

— Я только что вылез... Меня Туй вытащил. Никого больше не вижу. Рука вот что-то...

— Покажи! — Любимов осторожно снял с Пети полшубок и осмотрел руку. — Ну да, вывих.

Раз!..

Петя вскрикнул.

— Э!.. Поздно кричать! Всѣ! Выхих был, голубчик. Был, да сплыл. В таких-то делах мы и без врача обойдемся. Завтра будешь здоров. А теперь одевайся и за дело... Туй! Кава! Искать...

Собаки забегали по снегу, роясь мордами в белом пуху. Стоп! Вот Туй остановился метрах в двадцати и залаял. Здесь!..

Три руки и восемь лап подняли вихрь снега. Метр, полтора метра... Есть! Вот они! Тревожно забились сердца у мальчика и у Николая Никаноровича, когда одного за другим выволокли из-под снега Орочко, Ускова, Хватай-Муху и Бориса. Все они были без сознания. Любимов не терял ни секунды, расстегивал мешки, освобождал людей и тревожно вглядывался в бледные лица. Живы ли?..

— Быстро, Петя, костер! Нужна теплая вода, чай...

Пока Любимов растирал и приводил спасенных в чувство, Петя сложил костер. Кора, щепки, ровные тонкие поленца — все нашлось в мешке у предусмотрительного проводника. Петя набрал в котелок снегу, сложил из каменной очаг и поставил посуду на огонь.

Первым пришел в себя Хватай-Муха. Он вздохнул, удивленно заморгал глазами, нахмурился — видно, вспоминая минуты падения, и вдруг заплакал.

— Живеньки!.. А где же хлопчики?..

Затем он встал сперва на колени, потом поднялся на ноги, со вкусом высморкался и, опустившись опять на четвереньки, так как, видно, не надеялся еще на свои ноги, подполз к Орочко, который неподвижно лежал на своем мешке. Отбросив полушубок в сторону, Лука Лукич быстро и ловко стал приводить агронома в чувство. Бориса, почему-то особенно сильно застывшего, энергично растерли. Он глубоко задышал, открыл глаза и долго лежал на спине, молча и удивленно вглядываясь в посеревшее утреннее небо. Скоро очнулся Орочко. Ему пришлось перевязать бок, так как он сильно ушибся при падении. Агронома подтащили к костру на спальном мешке, как на салазках.

Усков лежал насупившись и не спускал глаз с грозной, нависшей над ними стены. Верхний край ее все еще терялся высоко в тумане. Значит, они на дне про-

пасти... Ну что ж, это еще не так страшно. Главное, все живы.

— Не беспокойся, Василий Михайлович, — как будто угадывая его мысли, сказал Любимов, — все благополучно. Правда, маленько ушиблись, но ничего. Петя руку вывихнул, но я уже вправил, завтра будет как новая. Вот только Александр Алексеевич... Но надо думать, тоже оправится. В общем, скажу: легко отделались. Ведь с какой высоты сиганули! Метров шестьдесят! Если бы не попали в этот сугроб, не собрать бы нам костей...

— Який чай заварить, плиточный, чи той?.. — будничным голосом, словно он находился в столовой геологического поселка, спросил вдруг Лука Лукич, выгребая какие-то свертки из своего бездонного мешка.

И это всех как-то успокоило.

— Выходит, Эршот не имеет вершины? Редкостное явление, когда на вершине высокой горы — пропасть. Гм... Пропать?! Просто необъяснимо. Интересно знать, какова ширина этого ущелья. А может быть, это просто уступ на крутом спуске?

Так вслух размышлял Усков, когда все пили чай, сидя у костра.

Рассвело. Но в ущелье воздух был неподвижен и насыщен таким густым туманом, что в двадцати метрах ничего не было видно. Тишина, неизвестность и непроницаемый туман придавали ущелью особую таинственность.

— Если бы не сугроб, — тихо продолжал разговор Любимов, — то нас всех пришлось бы собирать кусками и склеивать... Мы свалились с высоты в два приема, двумя группами. Веревка не выдержала...

— Вот вам и «новый маршрут», друзья! — сказал Усков и оглядел товарищей. — А все я... Виноват. Seriously виноват... В таких случаях риск никогда не оправдывается. Это хорошо, что обошлось так. Могло быть и хуже...

Усков помолчал, оглядел товарищей.

— Но что же это мы сидим? — продолжал он. — Время-то ведь дорого. Надо действовать. Надо скорее выбираться отсюда. Как вы себя чувствуете, Александр Алексеевич?

— Попробую встать...

С помощью товарищей агроном поднялся на ноги и насильно улыбнулся:

— Живем...

Но он мгновенно охнул и схватился за бок. Ушиб был серьезнее, чем казалось.

— Ложитесь, ложитесь, Александр Алексеевич. Отдыхайте пока. Вот здесь... Кажется, уютное местечко, — приговаривал Усков, укладывая агронома на спальные мешки возле догорающего костра. — А мы с вами, товарищи, все-таки пойдемте в разведку. Здесь останется Лука Лукич. Николай Никанорович с Петей пойдут вправо, мы с Борисом — влево, вдоль стены. Посмотрим, что за чудо природы стало на нашем пути.

— Василий Михайлович, — перебил его Любимов, — только прошу, пока не пройдет туман, от стены не отходить... Мне кажется, мы совсем еще не на дне.

— То есть, это как?

— А так. Возможно, мы не на дне пропасти, а на каком-то уступе. А что это пропасть, провал — у меня сомнения нет. Смотри, воздух какой неподвижный! Да и туман... Если бы это был склон, туман давно ушел бы... Так что рисковать не следует и далеко ходить не надо. Кто его знает, что там может быть, в этом мареве.

— Хорошо, — согласился Усков, — от стены отходить не будем. Ставим пока одну цель: найти ход наверх, изучить стену.

Через минуту обе группы растаяли в тумане.

Петя шагал позади Любимова. Снег был глубокий, идти было трудно. Стена на всем протяжении оставалась почти отвесной. Никакого выхода... Они прошли с километр, как вдруг Туй, старательно обнюхивавший дорогу впереди проводника, остановился и растерянно обернулся.

— Что с тобой? — ласково спросил Любимов. — Ну, иди, иди...

Но Туй не трогался с места. Тогда Любимов снял ружье и медленно, прощупывая ногой каждый метр, двинулся вперед. Два, пять, семь метров и... конец! Снежная дорога обрывалась. Перед ними зияла пустота. Глубока ли была эта пропасть и что там, на дне, — ответа

на эти вопросы не было и быть не могло, пока не рассеется туман.

— Ну и дела! — проговорил Любимов и повернул назад. — Пошли, Петя! Мы, оказывается, сидим где-то между небом и землей. Вот оказия!..

Вернувшись, они застали интересную картину. Оро-чо лежал навзничь на меховых мешках и довольно

громко кричал. А Лука Лукич натирал ему спину, вкладывая в массаж всю свою энергию. Пот лил с лица завхоза, но он только приговаривал:

— Ще? Ще? Ще? Ось так!.. Ось так!..

Агроном охал, вздыхал, кричал, молил своего «доктора», но тот будто оглох. Только закончив свою работу, Лука Лукич наложил агроному какую-то припарку, запеленал его и сказал:

— Годи! Будь здоров, не кашляй! — Затем вытер лоб и весело перемигнулся с Любимовым: вот, мол, как у нас...

Усков с Борисом пришли примерно через час, усталые, осунувшиеся. По лицам было видно, что ничего хорошего они не нашли. Геолог сел на камни, снял ружье и сумку и мрачно вздохнул.

— Попали, называется... А ведь верно, Николай Никанорович, мы на уступе. В двух километрах отсюда он

сужается до десятка метров и обрывается. Дальше — бездна... А у вас что?

— Один километр. И тоже обрыв...

— И никакого хода наверх?

— Нет. Стена! Отвесная и очень высокая! В тумане полной высоты не определишь, но, думаю, не один десяток метров.

— Ну вот!.. Все ясно! Остается один путь — дальше вниз. Как только сойдет туман, начнем разведку в этом направлении. А пока приведем в порядок веревки.

— Надеюсь, мы не будем спускаться дальше по тому же способу, по которому попали сюда? — тихо спросил Орочко и улыбнулся.

Все рассмеялись.

— Ну, раз вы уже шутите, — значит, дело идет на поправку, — сказал Усков. — Очень хорошо! Постараемся обойтись без лишних прыжков. Но что же это все-таки за каверзный провал? Интересно! Очень интересно!

Он задумался. Догадка, мелькавшая у него в голове, начинала все больше и больше походить на истину. Эршот... Вулкан? Похоже, что давно потухший вулкан. Всякий вулкан, как бы стар он ни был, имеет кратер. Да, кратер... Очень похоже. А что, если Эршот — вулкан? Да-да... И даже не потухший, не безмолвный вулкан. Вспомнилась долина Бешеной реки, теплые озера, талики, обнаруженные агрономом. Не есть ли все это признаки деятельности вулканических сил, пусть слабых, но еще живых? Но в таком случае... В таком случае они в кратере! И если стены кратера со всех сторон такие же отвесные, как эта... Тогда они в западне! И выхода из нее нет.

Геолог нахмурился и сильно потер руками лоб. Все ждали слов ободрения. Но Усков молчал.

Уже далеко за полдень заколыхался наконец застоявшийся воздух. Подхваченный легким ветерком, туман поплыл в сторону. Сразу, будто кто-то отдернул белый занавес, блеснуло чистое голубое небо, и на его ясном фоне четко вырисовался верхний обрез крутой стены, откуда они упали. Еще минута, и над таинственной бездной, окружавшей уступ, поплыли кучные молочно-белые облака, и тут же перед взором притихших людей зачер-

нел второй, противоположный берег провала. Он был угрюм и черен. На каменных отвесах там и здесь пиками торчали останцы, похожие на шпили древних замков. Под скалами лежала густая, темная тень.

Усков поворачивался во все стороны, напряженно рассматривая открывшуюся панораму, и все больше и больше убеждался в том, что они находятся в кольце высоких и отвесных стен. Только теперь решился он сказать товарищам правду:

— Мы находимся в древнем кратере потухшего вулкана Эршот...

Глава тринадцатая

*Каменная западня — У пленников Эршота один путь —
на дно кратера!*

Когда засияло солнце, туман над вершиной исчез бесследно. Только ниже уступа, над центром кратера, все еще лежала непроницаемая белая пелена и ревниво скрывала его тайну. Но верхняя часть провала была теперь видна как на ладони.

Кратер имел форму широкой восьмерки. В длину он тянулся на шесть — семь километров, в ширину — на три — четыре километра. В середине кратер заметно сужался. Собственно, похоже было, что это два рядом лежащих кратера, перемычка между которыми оказалась полуразрушенной временем.

Разведчики были удивлены и подавлены. Куда ни достигал их взгляд, всюду они видели отвесные стены, угрюмые, недоступные скалы, подымавшиеся местами вверх почти на полукилометровую высоту. Особенно высокими и массивными были стены северной стороны кратера, противоположной той, где находились разведчики. От верхнего обреза стены до низу, верней — до белого тумана, все еще державшегося далеко внизу, было не меньше пятисот метров. Ясно была видна — сверху и почти донизу — гигантская стена из темно-серого гранита. Сотни тысяч лет, прошедших с тех пор, когда земная оболочка содрогалась здесь от подземных толчков, не изменили этот вздыбленный мир дикого камня. Все так

же остро торчали в небо зубцы гранита, все так же блестя на солнце изломы пластов. То был хаос первых дней мироздания...

Сколько же они могут протянуть на своем узком карнизе, имея за спиной отвесную стену, уходящую ввысь, а перед собой — бездну, обрывающуюся на глубину в триста метров, а может быть, и больше? Неделью, другую? А потом? Надеяться на помощь извне? Конечно, их будут искать, в этом не могло быть сомнения. Пошлют самолеты, людей, собак, обшарят долины, горы и реки. Но разве можно увидеть маленькую горсточку людей, упавших в глубокую пропасть? Вряд ли даже самый смелый, отчаянный летчик рискнет летать среди зимы над этими острыми скалами. Наконец, что он увидит с высоты под нависшей каменной стеной? Ведь у них нет сейчас даже полена дров, чтобы разжечь костер и дать о себе знать дымом. А главное — у них нет радиации, они не могут сблизиться с базой. От передатчика остались только обломки.

У всех было мрачно на душе. Но никто не выдал своего отчаяния ни единым звуком. Мягкосердечный Хватай-Муха больше всего тревожился за самого младшего, за Петю, или, как он называл его, за «хлопца».

— А чи тобі не страшно, Петро? — спросил он.

На что «хлопец» ответил хотя и косвенно, но с достоинством:

— А когда те двое — Иванов и Сперанский — бежали из царской ссылки и попали сюда, в эту тайгу, им разве не было страшно? А свое дело они делали! Шли!..

Напоминание о двух мужественных людях, которые заплатили жизнью за свою свободу, за свою революционную борьбу, приободрило разведчиков.

А ветер все вырывал и вырывал из-под ног людей белую вату тумана и постепенно обнажал кратер вулкана во всю его глубину. Вот туда скользнули солнечные лучи, и светлые зайчики заиграли на глади озер и блестя в узком ручейке.

— Внизу лес! — закричал Петя.

Все устремили глаза вниз. Усков и Любимов взялись за бинокли. Да, в кратере — лес! Это было чем-то фантастическим! Лес в кратере вулкана!..

Когда ветер развеял наконец последние ключья тумана, удивительная картина представилась во всей полноте.

Они находились на уступе, ширина которого была не более шестидесяти метров. Уступ был густо занесен снегом. Дальше площадка обрывалась довольно круто. До дна кратера, по определению Любимова, оставалось метров триста — триста пятьдесят, причем стена ниже уступа не была отвесной, а состояла из шести или семи дружных уступов, и это обеспечивало возможность трудного, но довольно безопасного спуска.

— Дорога вниз есть, товарищи! — воскликнул Усков. — А внизу лес. Это не мираж. Нет! Это настоящий лес! Явление непостижимое, но по крайней мере мы будем какое-то время с огнем и в тепле. Медлить некогда. Готовимся к спуску...

Опять пошла в ход веревка. Решили спускаться все вместе. Любимов и Усков, связавшись парой, осторожно пододвинулись к краю уступа и начали сбивать снег, козырьком нависший над обрывом. Это удалось без особого труда. Тяжелая снежная глыба с шумом рухнула вниз после нескольких ударов ногой. Усков, стоявший впереди, не удержался и тоже скользнул вниз, но тут же повис на веревках, которые крепко держали три человека.

— Держись, тянем вверх! — крикнули ему.

— Не надо, — послышалось снизу. — Опускайте осторожно. Осталось метров семь до второго карниза.

Его опустили. Усков крепко встал на второй уступ, от которого шла вниз пологая каменная осыпь. По ней можно было опускаться дальше, уже не применяя приемов альпинистского скалолазания.

Меньше чем за час спустились все, а Оরочко съехал прямо-таки с комфортом. Любимов соорудил для него люльку из спального мешка, и агроном был доставлен вниз с такой осторожностью, как если бы это был динамит.

Все повеселели. Хватай-Муха был озадачен, он оглядывался вправо и влево и, пожимая плечами, хмыкал.

— Тю! — вдруг сказал он. — Василий Михайлович, где же тая зима? Снега немає, мороза тоже не чую...

И в самом деле! Усков и все остальные только сей-

час обратили внимание, что снега в кратере не было. Он лежал только на верхних уступах стены.

Орочко вдруг вспомнил талики в долине Бешеной реки:

— Помните озера? Может быть, и здесь родственное явление: глубинные теплые воды?

— В кратере этого вполне можно ожидать, — отозвался Усков. — Уж если мы встречали теплую воду вдали от Эршота, то здесь, ближе к источнику тепла, это и подавно возможно.

Между тем солнце скрылось за верхними скалами западной стены и на кратер легли синие вечерние тени. Лес впереди казался мирным и спокойным. Все заспешили к нему.

Перед разведчиками стояли настоящие деревья и кусты. под ногами шуршал опавший лист, увядшая трава устилала землю. Суший рай после стольких дней скитаний среди голых скал!

Здесь и был разбит первый привал.

— Что теперь будем делать, Николай Никанорович? — тихо спросил Усков у проводника.

Они сидели рядом у большого и яркого костра. Кедровые поленья, наложенные щедрой рукой людей, соскучившихся по теплу, горели почти бесшумно и бездымно.

Лес... Удивителен был этот лес, выросший в глубоком древнем провале Эршота. Прямо над бивуаком вздымались вверх на добрых два десятка метров оголенные ветки огромных, в три обхвата, лиственниц-гигантов, каких вообще нельзя встретить в высоких широтах.

Под защитой деревьев стояли, вперемежку с березой, вереском и багульником, желтые твердые папоротники с боль-

шими, почти в два метра длиной, листьями, на которых виднелись ряды бурых пуговиц — созревших и разлетевшихся спор. То здесь, то там с ветвей и кустарников свисали длинные, желтые и пушистые плети плауна; в траве, среди густого и высокого вейника Лансдорфа, широко известного по всему Северу, островками зеленели высокие членистые хвощи, значительно бóльшие по размеру, чем обычно встречающиеся и поныне в средней полосе страны на кислых землях. Вперемежку с лиственнымицами, которые составляли, пожалуй, основную массу леса, величественно стояли зеленые кедры, придавая лесу особо торжественный, монументальный вид. Много ползучих кустарников обвивали и перепутывали лесную чащу.

Еще когда отряд спускался с осыпи вниз, люди могли окинуть взглядом всю заросшую лесом чашу кратера. Почти в центре первого кратера, чуть ближе к его северному краю, куда теперь спустился отряд, была замечена большая поляна. В середине ее, в окружении буро-зеленой травы, вероятно осоки, поблескивало озеро; из озера, по направлению к перемычке между двумя кратерами, уходил узкий ручей, светлую воду которого можно было проследить среди деревьев.

С севера, над лесом, как мы уже говорили, нависала высокая стена, совершенно отвесно падавшая вниз. Самые огромные деревья рядом с ней казались ничтожными карликами.

Если бы все четыре стены этого удивительного провала были так высоки и обрывисты, как северная, солнце светило бы на дне кратера самое большее два—три часа в день, когда находилось в зените, и в кратере всегда царил бы полумрак глубокого колодца. Но этого не наблюдалось. Даже в предвечерний час, когда разведчики достигли леса, тень от южной, более отлогой стены накрывала только небольшую площадь кратера; солнечный свет освещал всю северную стену и значительную часть леса на дне. В эти короткие зимние дни солнце освещало почти весь кратер.

— Что же нам теперь предпринять? — повторил свой вопрос геолог.

— Давай с утра займемся, — предложил Любимов. — Не может быть, чтобы не нашлось отсюда вы-

хода. Обойдем всё кругом, тогда увидим. Заметил озеро? И ручей? Вода куда-то течет? Течет. Значит, она нашла выход из кратера? Ну, и мы найдем.

— Сколько потеряно времени! Ведь мы давно уже должны были бы быть на базе. Нас ждут, волнуются. А мы молчим! Скоро, вероятно, начнутся поиски, полеты... А дома-то как тревожатся!..

Усков тяжело вздохнул.

— Вот что, — сказал Любимов. — Не разделяться ли нам опять на две группы? Одна пойдет по ходу часовой стрелки, другая — против. Экономия времени. Как ты думаешь? В кратере мы не заблудимся. Хватай-Муха останется с Орочко.

Но Усков почему-то не согласился:

— Место новое, необычное. Мало ли что... Уж лучше всем вместе...

— Ладно, вместе так вместе, — согласился Любимов. — Ты, я вижу, стал очень осторожным. Ожегшись на молоке, дуешь на воду. Так, что ли?

Начальник партии и проводник перекинулись еще несколькими словами, подложили сухих дров в костер и замолчали.

Тихая ночь окутывала лес. На небе по-зимнему сияли крупные и яркие звезды. На вершинах скал белели шапки снега, искрился синий лед в распадах головы Эршота, но здесь, у опушки леса, зимы не чувствовалось. От земли исходило тепло, пахло осенней сыростью, тем грустным запахом осени, прелых листьев и намокшей земли, какой присущ нашим лесам в октябре или ноябре.

Лагерь спал. Люди расположились на хвойной подстилке вокруг костра и укрылись полушубками — этой незаменимой в походе одеждой, которая служит и постелью и палаткой. Чуть похрапывал Лука Лукич. Борис что-то пробормотал во сне, поднял голову, посмотрел, не видя, на Ускова и тут же снова заснул. Орочко редко-редко постанывал — видно, бок все еще болел. Обе собаки лежали рядом, свернувшись в кольцо. Уши Туя стояли торчком. Он и во сне прислушивался, не очень-то доверяя этому теплому лесному уголку.

Один Усков не мог заснуть. Он лежал на спине и смотрел на холодное звездное небо. Где-то прошуршали

падающие с кручи камни. Треснула ветка в лесу — видно, ее придавил сорвавшийся сверху обломок. И опять тихо-тихо... Великая северная тишина.

Геолог посмотрел на часы. Три. До утра еще далеко. Он поправил костер и снова лег поближе к огню. Усков уже засыпал, когда в тихом воздухе возник какой-то новый звук, будто где-то далеко-далеко протрубили в большой рог. Звук был низкий, грубый и сильный. Но геолог уже не услышал его. Зато Туй сразу проснулся, поднял голову и повел мокрым носом. Все было по-прежнему тихо, ничего подозрительного. Туй поворочался немного и улегся. Неизъяснимая тревога заставила его подвигаться ближе к людям.

Ранним утром Лука Лукич небрежно перекинул за плечо ружье, крутнул вверх усы, свистнул Каву и ушел в лес, по направлению к озеру. Через час, когда остальные разведчики только что проснулись, завхоз уже вернулся с уловом.

— Те же прыгунцы, — сказал он Пете, показывая ему брезентовое ведро, в котором лениво шевелились десятка три хариусов. — Дюже их там богато! Хоть руками бери, прямо так и лезут...

— Далеко это?

— Ни... километра не будет.

— Глубокое озеро, Лука Лукич? — поинтересовался Усков.

— Дна не бачил. Мабуть глубокое, потому как вода дюже черная... А теплая, ну прямо молочко. Умел бы плавать, так искупался бы!

После завтрака Усков, Любимов и Борис с Петей налегке, захватив только ружья, тронулись в лес, решив за день тщательно исследовать стены первого кратера. Весь путь, по расчетам Любимова, составлял километров девять—десять. На прощание Усков сказал завхозу:

— Оরочко на твоём попечении, смотри в оба! Сумеешь подстрелить что-нибудь на обед — будет недурно. Мы вернемся до заката.

Двое остались у костра. Четверо скрылись в лесу. Собаки ушли с разведчиками.

Глава четырнадцатая

*Удивительные открытия. — Гостеприимный медведь. —
Доисторический лес. — Таинственный грубный глас*

Вот что потом произошло в лагере.

Лука Лукич почистил свое ружье, опоясался патрон-ташем и, наказав агроному лежать спокойно и не подыматься, отправился на охоту.

Орочко остался один. Он лежал около костра, наслаждаясь покоем и теплом, но вскоре ему сделалось не по себе. Что же это получается? Все заняты делом, у каждого какие-то обязанности, а он лежит сущим бездельником и не приносит никакой пользы, когда весь их маленький коллектив терпит бедствие?! Эта мысль не давала ему покоя. Ну хорошо, он пока не может быть полезен — разведка требует сил, выносливости. Не удастся ему и поохотиться — это тоже очевидно. Но кто сказал, что партия прекратила свою научную работу? Разве он не может заняться, например, своим гербарием и сделать рекогносцировку если не в глубь кратера, то хотя бы по опушке леса? Ведь какая здесь своеобразная природа!..

С этими думами, высказанными для убедительности вслух, агроном сперва сел на своей постели, потом, передохнув, встал, но принужден был лечь снова. Буркнув что-то насчет того, что привычка лежать пагубна, Орочко вытащил из костра надежный сук и повторил попытку. Теперь она удалась. Он оправил полушубок, прошелся, опираясь на палку, вокруг костра и, почувствовав себя достаточно крепко, заковылял вдоль опушки, чтобы хоть «вприглядку» ознакомиться с местной флорой. А если повезет — добыть несколько интересных экземпляров для пустующей гербарной сетки, с которой он не расставался. Ружье агроном с собой не взял — оно было бы еще тяжеловатым для него.

Пройдя две—три сотни метров, Орочко утомился и присел у подножия высокого толстого дерева. При других обстоятельствах он пытливо обследовал бы и дерево, и всю растительность вокруг него, но в теперешнем своем состоянии даже не обратил на него внимания.

Хорошо отдыхать вот так, в лесу... Смолистый запах насыщает тихий застойный воздух; земля покрыта толстым слоем старой хвои, сквозь которую пробивается

трава. Багряные широкие листья рябины скрывают тяжелые гроздья крупной северной ягоды, румяной, полной, уже тронутый морозом и потому, наверное, необыкновенно вкусней. А вот совсем рядом стоят широкие кусты сизо-зеленого можжевельника. Его мелкие веточки усыпаны матово-черными ягодками. Чуть поодаль свесила уже оголившиеся веточки невысокая, печально поникшая березка. Одна, другая, третья... Ого, да их тут целая семейка! Стройные белые красавицы четко выделяются на темно-зеленом фоне хвойного леса.

Орочко закрыл глаза, чувствуя приятную истому. Спать, что ли, хочется? И где он сейчас? Такие знакомые места... Но ведь он на шестьдесят шестой параллели! Орочко широко раскрыл глаза, надеясь, что видение исчезнет. Нет, все стоит на своем месте! Это не бред и не галлюцинация. Вот он — огромный кедр, раскинувший над ним свои длинные ветви, на которых сидит масса лиловых, крупных фонариков-шишек. И березки, и можжевельник... Да может ли это быть?

Агроном встал и недоуменно оглянулся. Как же он до сих пор не заметил, что его окружает? Непростительная рассеянность! Да, он находится в смешанном лесу! Рядом с ним стоит могучий кедр — не стелющийся, тоненький и гибкий стланик севера, а настоящий красавец кедр высотой не менее чем в пятнадцать—двадцать метров широко раскинул над ним свои ветви. Вот и шишки, настоящие большие шишки лежат на земле, и в их полуоткрытых чешуйках он видит сотни спелых орешков — лакомство сибиряков. Нет, это не сон...

Все еще замороженный тишиной и странной картиной леса, Орочко потрянул головой и, чтобы убедиться в реальности зримого, громко произнес, обращаясь к самому себе:

— Александр Алексеевич, ты не спишь?

Эхо не ответило. Он еще раз громко спросил:

— Не спишь, я говорю? Нет? Ну, тогда думай, думай, в чем тут дело. Как и почему в глубине Дальнего Севера появился и существует такой оазис?

Сказав это, он сделал несколько шагов вперед, подошел к рябине, нагнул ветку, сорвал несколько ягод и раскусил их. Терпкий, кисло-сладкий сок окончательно привел его в чувство.

— Скажите пожалуйста! — только и мог он произнести. — Бывают же чудеса на белом свете! А впрочем, что же тут чудесного? Оазис? Да! Впадина, защищенная со всех сторон стенами, в том числе с севера. Вон какая громадина возвышается! — Орочко кивнул на темную северную стену. — Ветров здесь не бывает. Охлажденные массы воздуха идут только сверху. Чтобы противостоять атмосферному холоду, достаточно иметь хорошо подогреваемую почву. А это возможно. Даже вполне возможно. Кратер старого вулкана! Теплые источники или что-нибудь в этом роде. Температура приземного слоя воздуха, стало быть, уравнивается двумя факторами — теплоиспусканием земли и охлаждением атмосферы. Ясно. . . Такое сочетание дает поправку в климате и даже в условиях высокой широты приближает его к умеренному. Микроклимат!

Построив вслух такую гипотезу, Орочко даже присвистнул. Заметно повеселев и забыв про больной бок, он пошел по лесу, все больше и больше увлекаясь чудесными картинками милой и странно знакомой природы, сочетающей в себе одновременно и растительность юга, и растительность северной тайги.

Лиственницы, кедры и ели стояли довольно редко, группами. Меж этих темно-зеленых гигантов теснились береза, осина, тополь, рябина, черемуха, лещина и можжевельник. Их переплетали длинные и тонкие плети дикого винограда. Мелкие черные ягоды еще не осыпались. Плотные гроздья висели повсюду, и трудно было понять, растут ли они на лозах, скромные плети которых обвивали ветки деревьев-сожителей, или же принадлежат кедрово-березовому разнолесью. На полянках серым шестистящим морем подымался большой, в рост человека, вейник. Кислые травы щетиной покрывали землю. Здесь был настоящий разнотравный луг, крепко почитаемый всеми сельскими жителями за прекрасные кормовые качества и веселый вид в пору цветения.

Но самое неожиданное ждало его впереди.

Орочко вышел к озеру. Должно быть, это было то самое озеро, куда ходил рыбачить Лука Лукич. Агроном удивился не тому, что так легко нашел озеро, а виду берегов: уж очень много травы по берегам истоптал рыболов. В прибрежных осоках виднелись через каждые де-

сять шагов примятые травы, поваленные растения, целые тропки, будто Лука Лукич, прежде чем усесться с удочкой, исходил весь берег кругом.

На берегу озера, в тени широких елей, рыжей стеной стояли папоротники. В свое время агроному приходилось видеть в Сухуми редкостные для нас бананы. Оригинальные листья у этого тропического растения! Широкие, плотные с чуть приподнятыми лодочкой краями, они достигают двух и более метров в длину и царственными опахалами развеваются вокруг растения, создавая густую тень. Агроном вспомнил о бананах, во все глаза глядя на папоротники. От толстого, в руку, стебля во все стороны раскинулись почти двухметровые резные листья. Членики их, тронутые морозами, обвисли. Бурые пятна споровых гнезд рядами лежали на листьях. Высота папоротников достигала трех метров!

— Что такое? — не удержался от возгласа агроном. — Представители палеозоя? Девонские леса? Я, кажется, перестаю понимать... Откуда здесь растения древних геологических эпох? У нас они давно превратились в приземленные травянистые кустики...

Он с опаской посмотрел на озеро и вполголоса пробормотал:

— Не удивлюсь, если оттуда сейчас высунется зубастая голова мезозавра...

Но опасность подстерегала его не со стороны озера. Спокойные темные воды, окруженные зеленой рамкой осоки, были чисты и неподвижны. Но, если бы агроном в этот момент оглянулся, он, несомненно, увидел бы, как в десяти метрах от него, в зарослях дикой малины, совершенно спокойно трудится большой бурый медведь. Зверь давно видел человека, но остался равнодушным к появлению невиданного незнакомца. Больше того, он как-то по-смешному втянул в себя воздух, наморщил нос и моргнул. И все это в высшей степени дружелюбно. Потом он снова занялся своим мирным делом. Встав на задние лапы, медведь передними обхватывал кусты малины, подтягивая их к самому носу и, причмокивая, с великим наслаждением слизывал переспелые красные ягоды. При этом он то и дело поглядывал в сторону притихшего соседа, как бы приглашая и его полакомиться. Но Орочко, поглощенный созерцанием папорот-

ников, не видел зверя. Что-то бормоча по поводу геологических загадок, он пошел обратно.

— Эге-ге-ге!.. — раздалось близко в лесу. — Александр Алексеевич! Ороч-ко-о!.. — кричал по слогам Хватай-Муха, продираясь сквозь чащу.

— Здесь я!.. — громко отозвался агроном и в ту же минуту увидел медведя. — Ну, знаете!..

Эти два слова, произвольно вырвавшиеся у него, выражали всё: и удивление, которому уже не было границ, и оторопь. Ослабев от испуга, агроном сел на влажную землю и смотрел на зверя блуждающими глазами.

Странно повел себя бурый лесовик. Вместо того чтобы задать прищельцу взбучку или, в лучшем случае, рывкнуть для острастки и самому дать тягу в кусты, как это часто делают на Севере благоразумные бурые медведи, он фыркнул, стал на все четыре лапы и вперевалочку, но с достоинством подошел к агроному, не спеша обнюхал его, потерся шершавым боком о его полушубок и тоже сел, как умеют сидеть ручные медведи — то есть вытянув вперед раскоряченные задние лапы и опустив на брюхо передние. Обомлевший агроном, должно быть не

отдавая себе отчета в происходящем, виновато улыбнулся, протянул руку и погладил теплую пушистую шерсть своего соседа. А тот, видимо, оценил этот дипломатический жест дружбы, в знак чего лизнул руку нового приятеля и закрутил головой, помаргивая своими маленькими желтыми глазками.

Идиллия окончилась неожиданно. В пяти метрах от них шелкнули взведенные курки: это Лука Лукич вскинул свою двустолку.

— Не надо стрелять! — хриплым, каким-то не своим голосом успел сказать Орошко. — Не надо, Лука Лукич. Он... Он... Это ручной медведь...

— Ручной?! — недоверчиво переспросил Хватай-Муха. — Чи цирк сюда приихав, чи киносьемка?..

Но медведю, видимо, что-то не понравилось в этом диалоге. Он со вздохом опять стал на все четыре лапы и быстро пошел прочь.

Менее чем через час Усков и его спутники достигли подножия великой северной стены. Густой лес подступал к ней почти вплотную. Необычайная высота стены придавала лесному уголку загадочный, сказочный вид. На память невольно приходили картины Васнецова, написанные по сюжетам пушкинских сказок. Вот, кажется, сейчас выйдет кудесник, звякнет золотой цепью ученый кот и задрожит земля под копытами боевого коня русского богатыря...

Но Усков глядел на мир глазами геолога. Его больше всего интересовали камни. Как возникла гигантская стена, поднявшаяся на полукилометровую высоту? Что таит она в себе?

Усков мысленным взором видел перед собой далекие дни геологической революции, эпоху горообразования и вулканов.

... Было когда-то так. Колыхалась Земля. Над широкими просторами мира горело дрожащее зарево, и черное от дыма небо висело над беспокойной Землей. Могучие подземные толчки сотрясали окрестности. Земная кора дыбилась: вспучивались древние пласты, залегавшие доселе в глубинах земной оболочки. В судорожных корчах рождались горы, и под их напором отступали, ревя, об-

мелевшие океаны. В разрывы земной коры снизу хлынули газы, пепел и расплавленная магма. Словно огромная пробка, рванулась вверх жидкая вулканическая масса, срезала в этом месте неровности скал, выбросила камни на склоны гор, и в пустой трубе кратера, между только что родившихся стен, заклокотала лава.

Прошли века, минули тысячелетия. Остепенилась Земля. Остыл, присмирел вулкан. Кипящая лава осела вниз, покрылась коркой; началось медленное разрушение созданного. Уже осыпалась щебнем южная сторона вулкана, и через какое-то время на дне кратера появилась жизнь. Но под кратером, далеко внизу, уже много-много веков сохраняется лютый жар. Достигает поверхности тепло, согревает источники и ручьи, дает жизнь мхам, травам, кустарникам и лесам. И только северная стена грандиозного каменного колодца стоит тысячелетиями голая, сумрачная и неприветливая, как и в грозную пору геологических катастроф...

Путники остановились около этой стены. Борис ударил по камню раз, другой. От стены отлетел кусок. Борис поднял его, протянул Ускову.

— Первородный камень, гранит больших глубин, — сказал Усков. — А вон там, выше по стене, можно найти и другие породы, осадочные. Смотрите, вон чернеет... Это уже сланцы. История земных напластований раскрывается здесь перед нами, как в музее. Жаль, цель у нас несколько иная. Ох, многое можно прочесть на страницах этой открытой истории Земли. Однако думать, что мы сможем найти выход из кратера именно здесь, по моему, пустое мальчишество. Стена монолитна и отвесна. Уж если мы что и найдем, так это там... — Он указал рукой на юг.

Любимов в знак согласия молча кивнул головой.

И они двинулись на юг, продираясь сквозь чашу, перелезая через каменные завалы, обходя ямы и упавшие деревья. Шли, стараясь не удаляться от стены. Изредка кто-нибудь взбирался на скалу или дерево и осматривал окрестность. Сверху были видны только верхушки деревьев огромного леса. Водное зеркальце озера блестело не ближе двух километров, чуть видное сверху сквозь гущу деревьев. Но вот неожиданно лес оборвался. До-

рогу пересекал ручей. Берега его оказались голыми, вода бежала по красноватому щебню. Миллионы пузырьков возникали и с легким шипением лопались на поверхности воды.

— Нарзан? — сам себя спросил Усков.

Полной пригоршней зачерпнув воду, он напился — сперва осторожно, а потом с явным наслаждением.

— Да, нарзан! Прекрасная углекислая вода, товарищи! Угощайтесь. Богатырь-вода...

Так был открыт источник, получивший тут же имя «Случайного».

И снова лес и лес... Но вот наконец крутой поворот стены — и перед разведчиками открылась каменная россыпь, полуосыпавшаяся перемычка в самом узком месте между двумя кратерами Эршота.

— Смотрите! — воскликнул Любимов и указал вперед. — Тропа! Самая настоящая тропа! Кто-то здесь ходил!

Любимов быстро наклонился. Вот следы медведя; он тут проходил, и не один. А вот глубокие и острые парные вмятины, так знакомые каждому северному охотнику. Ну конечно — горные бараны! Тут же легкие, еле заметные следы лисицы — цепочка круглых ямочек, отчетливо видных на влажном грунте.

— А это? — спросил Петя, указывая на какие-то вмятины чуть в стороне.

— Это? Гм... — Любимов недоуменно пожал плечами. — Вот уж действительно «ножки». Такими «ножками» можно сваи вбивать... Не понимаю... — чисто-сердечно прибавил он, подумав.

Усков усмехнулся.

— Если бы мы находились в Африке, где-нибудь в районе Килиманджаро или в тропических лесах Индокитая, я бы с уверенностью сказал, что здесь проходили на водопой слоны...

Прошли немного вперед. Тропа расширялась. По бокам ее лежали сотни огромных глыб. Возле одной из них, весом не менее пяти тонн, Усков остановился и отковырнул с ее поверхности клочок земли с травой.

— Похоже, что этот камень лежал недавно в земле. Видите, даже трава свежая! А сейчас он лежит на камнях, в метре над землей. Странно! Какой же силой его

выкинуло на россыпь? Может быть, здесь квартирует нечистая сила?

Усков сам засмеялся своей шутке, но в его смехе слышалась тревога.

Разведчики по тропе перевалили через самую низкую часть перемычки, и перед ними открылась широкая панорама второго кратера. Дно его постепенно опускалось, так что уровень второй чаши вулкана оказывался ниже первого на несколько десятков метров. Все видимое пространство заросло лесом. Среди серо-зеленой чаши в нескольких местах просвечивали поляны, кое-где поблескивала вода. Пейзаж отсюда, сверху, казался таким мирным, спокойным, что для страхов и тревог не оставалось места. Со всех сторон кратер замыкали темные, высокие стены. Эти каменные громады будто сторожили вечный покой заколдованного, сонного лесного царства.

— Нет, туда мы сегодня не пойдем. Поздно, — сказал Усков и повернул обратно. — Давайте-ка до вечера закончим обследование первого кратера, а завтра видно будет.

Группа повернула назад. На пути ей часто попадались следы животных; у болота собаки вспугнули уток — очевидно зазимовавших здесь. У Пети прямо задрожали руки, так хотелось пустить вдогонку заряд. Но Усков строго приказал:

— Не стрелять!..

И обменялся взглядом с Любимовым. Проводник одобрительно кивнул головой. Почему — Петя так и не понял.

Уже вечерело, когда разведчики вернулись в лагерь.

Здесь царило оживление. Горел яркий костер. На вертеле жарился глухарь, удачно схваченный Хватой-Мухой прямо на земле. На другом — шипели хариусы. Орочко сидел у огня. Возле него лежала гора кедровых орехов. Агроном со знанием дела жарил их на углях, готовя какое-то необыкновенное диетическое блюдо.

Не стоило расспрашивать о результатах разведки. Хмурые лица достаточно ясно говорили, что выход из кратера пока не обнаружен. Зато, когда Орочко рассказал о своей встрече с медведем, все повеселели.

— Познакомились?! «Давай пожмем друг другу руки и в дальний путь на долгие года...» — запел Борис.

Но Усков озабоченно переспросил:

— А ну, расскажите, пожалуйста, еще раз. Подробнее только...

И, ко всеобщему удивлению, очень внимательно прослушал повторение рассказа.

И снова опустилась ночь. Вторая ночь в кратере.

И снова таинственный звук: глухой и низкий рев трубы, вибрируя, пронесся в похолодевшем воздухе, заставив дрожать собак и заронив почти суеверный страх в сердца Луки Лукича.

Усков и Любимов молча многозначительно посмотрели друг на друга.

Глава пятнадцатая,

*посвященная достоверной встрече,
которую сам автор считает почти фантастической*

Утром собаки подняли неистовую кутерьму. Они бросались в кусты, отпрыгивали назад и бешено лаяли, прорываясь броситься на кого-то.

Все схватились за ружья.

Кусты можжевельника зашевелились. Кто-то, видимо, стоял там, не рискуя выйти на поляну, где горел костер. По особенному, с подвыванием, лаю собак Любимов догадался, кто пришел к ним ранним утром в гости.

— Медведи! Уж не твой ли знакомец появился, Александр Алексеевич? А ну, на место! — крикнул он на собак.

Кава и Туй, недовольно урча, улеглись, но не спускали глаз с подозрительного места.

Вот кусты снова зашевелились, и оттуда действительно высунулась добродушная морда медведя. Он ничуть не боялся. Глазки его с любопытством осматривали лагерь, людей, нервно дрожащих собак. Любимов еле сдерживал их: Туй, весь ошетилившись, рвался в бой. Медведь, пофыркивая, сделал несколько шагов вперед и лег на живот, забавно вытянув лапы. Вид у него был весьма недвусмысленный — он что-то выпрашивал.

— Га! Цирк приехал! Хлопцы, покупайте билеты! — не удержался от шутки Лука Лукич.

Орочко узнал своего лесного друга и решил, что неудобно, просто невежливо сказаться незнакомым. Он встал и не спеша подошел к зверю, доверчиво вытянув руку. Медведь лениво поднялся и снова, как вчера, миролюбиво потерся боком о полушубок агронома. Все молча наблюдали эту сцену. Поглаживая зверя, Орочко внимательно осматривал его шею, нос, уши. Никаких следов ошейника или раны. Ясно, что медведь никогда в неволе не был. И в то же время он так странно доверчив... Агроном вынул из кармана горсть жареных орехов и протянул гостю. Тот не заставил себя упрашивать, мигом отправил их в рот и зачавкал, умиленно кивая головой и подмаргивая.

Тут снова зашевелились кусты, и на поляну вышли еще два таких же медведя с откровенным желанием получить и свою порцию угощения.

— Ну, это уж слишком! — проворчал Усков и на всякий случай поднял ружье.

Но стоило только первому медведю увидеть ружье и этот не совсем дружелюбный жест геолога, как он мигом, поджав коротенький хвост, убежал вместе со своими собратьями.

Воцарилось молчание.

— Чудесно!.. — промолвил наконец Усков. — Выходит, они еще не видели людей, если так доверчивы.

— Не думаю, — отозвался Любимов. — Они прекрасно всё поняли, когда ты поднял ружье. Видно, знакомы с этим инструментом.

— Но кто же приручил их? Бояться ружья — и в то же время так доверчиво относиться к людям!.. Вообще, в этом кратере что-то уж слишком много странного. Прирученные медведи, эти тропы, странные следы — все это не выходит у меня из головы. Чьи они? И кому принадлежит трубный рев, который мы все слышали ночью? Во всяком случае, товарищи, долина, как видно, не мертва. Здесь есть свои жители — возможно, люди, и нам надо ежеминутно быть готовыми к встрече с ними.

Погасив костер, разведчики в полном составе тронулись в путь к узкому проходу между кратерами. Они решили сегодня же до конца исследовать впадину и либо найти выход из нее, либо... Трудно было договорить эту фразу до конца.

Меньше чем через час путники оказались у входа во второй кратер.

Проводник показал рукой: опять свежие следы. На влажной коричневой почве они хорошо отпечатались. Опять здесь кто-то проходил. Большие круглые вмятины с отметками шести полупальцев по краям ступали двумя цепочками одна возле другой. Но они оказались гораздо меньше вчерашних. Диаметр этих следов не превышал сантиметров тридцати.

— Прошел в нашу сторону, — сказал Любимов, осмотрев следы.

— Зарядить ружья картечью! — приказал Усков. — И быть наготове.

Тронулись дальше.

Ручей нарзана бежал рядом. Течение его заметно ускорилось, местность стала опускаться вниз. Время от времени попадались небольшие водопады. Светлые струи с шумом низвергались вниз на камни и рассыпались миллионами прозрачных пузырьков.

По обе стороны ручья стоял по-особенному задумчивый лес. Оরочно никак не мог преодолеть искушения — он то и дело нагибался, хватаясь за больной бок, осматривал отдельные растения, бережно рассекал их на части и укладывал в свою гербарную сетку. В одном месте он задержался, и Усков уже открыл было рот, чтобы поторопить его, когда агроном вдруг сделал такие изумленные глаза и так выразительно ахнул, что все остановились.

— Ячмень! Честное слово!.. Прошу сюда, смотрите, товарищи, это же хлебный злак!

В руке у него лежали желтые колоски на очень коротеньких стебельках. Кому на Севере неизвестна шелковистая на ощупь травка длиной сантиметров в двадцать, несущая на стеблях тоненькие и нежные колоски, формой своей очень напоминающие двухрядный ячмень! Эту траву в народе, по всему Северу, зовут якутским ячменем. Что-то общее, несомненно, есть у нее и с ячменем культурным: тот же злак, но до неузнаваемости измененный суровой природой. В его колосках изредка встречаются вызревшие семена — тоненькие и прозрачные зернышки. Ни один селекционер до сих пор не рискнул взяться за улучшение этого дикого сородича хлеба:

очень уж далек он от своих культурных родственников. Но агроном держал в руках колоски якутского ячменя, плотно набитые зерном, самым настоящим зерном! Стебелек ячменя имел толщину и прочность настоящей соломы. Зерна не умещались в колоске и наполовину торчали наружу.

— Это прямо-таки выше моего понимания, — проговорил Орочко и торопливо засунул редкостные экземпляры в сумку. — Ботаника будет обогащена еще одним, доселе неизвестным видом! Это мост между культурными растениями и их дикими предками. Находка!..

Товарищи торопили его, времени было так мало! А он все оглядывался и еще долго вполголоса выкладывал самому себе свои мысли, время от времени вытаскивая из сумки дорогую и странную находку и рассматривая ее.

Углубились в лес. В одном месте между деревьями лежала большая плоская глыба. Петя живо взобрался на нее.

— Ой, как далеко видно отсюда! — крикнул он и, сделав рукой козырек над глазами, стал что-то рассматривать.

Внезапно он покраснелся, быстро обернулся и звонким, взволнованным голосом закричал:

— Дядя Вася! Скорее сюда! Там...

Но в это время внизу раздался отчаянный лай собак. Разведчики вскинули ружья. Щелкнули взведенные курки. Кусты трещали все ближе и ближе. Кто-то большой, грузный, уверенный в своей силе, ломился напрямик, ломая кусты. Собаки самоотверженно бросились навстречу опасности.

— На камень! — скомандовал Усков и вместе со всеми в два прыжка взобрался на плоскую скалу.

В это мгновение из кустов высунулась уродливая, с огромными наростами голова страшного чудовища. С каким-то странным звуком, не то хрюканьем, не то глухим клочкотанием, кинулось оно, наклонив голову, на собак и... пронеслось мимо. Туй и Кава, не переставая рычать и лаять и тем ободряя друг друга, в ту же секунду оказались по бокам зверя и бесстрашно схватили его за длинную, свисающую к земле грязно-черную шерсть. И, хотя силы были до смешного неравны, зверь был яв-

но ошеломлен смелостью этих, никак не соответствовавших его величине, шумливых врагов. На какую-то долю секунды он недоуменно остановился на месте, повернув голову набок. И в то же мгновение сверху, прямо в упор, раздались шесть выстрелов. Словно гром прогремел над тихим лесом. Все вокруг вздрогнуло. Чья-то картечь, рикошетом ударившись о лобовую броню животного, с визгом ушла в сторону. Но пули впились зверю в могучую голову и в тело. Как в столбняке застыл зверь на месте. Из правого глаза, куда впилась смертоносная пуля, брызнул фонтан крови. Прошло полсекунды. Еще шесть выстрелов потрясли воздух. Вздрогнуло огромное тело, из пасти вырвался не то стон, не то рев — низкий и могучий, и странный зверь зашатался, повалился вперед и на бок, едва не придавив слишком осмелевшую Каву.

Гром выстрелов, пронесясь над лесом, ударился об отвесные стены. Эхо метнулось назад, наполнило распадками и ушеля, и все живое в этих лесах было оповещено, что в кратере появились новые хозяева — люди.

Потрясенные, они долго молчали. Собаки, видя усмирленного зверя, осторожно обходили его со всех сторон, принимаясь к незнакомому запаху.

Усков и Орочко переглянулись. Вот оно что! Обоим на память пришла одна и та же мысль.

— Я знаю, кто это! — сказал также и Петя. — Я видел такого зверя на рисунке в учебнике. Это волосатый носорог. Он жил в доисторические времена...

— Да, это волосатый носорог, — подтвердил геолог. — Кайнозойская эра... Эпоха последних оледенений, четвертичный период. Так вот оно что! Вот кто обитает в этой отгороженной от всего мира яме!

Они спустились со скалы и приблизились к носорогу.

Представьте себе современного носорога, но только втрое больше. Вместо голой панцирной кожи, собранной в частые сборки, на нем висит — от мощного лба до начала короткого, не по росту, хвоста — жесткая, черно-коричневая шерсть, слежавшаяся в комья, длинная и грязная. Шерсть спускается по бокам на живот, где она особенно длинна и всклокочена, висит гривой на ногах, представляющих толстые чурбаны диаметром чуть меньше полуметра, и почти закрывает маленькие уши —

круглые, залепленные грязью отверстия в огромнейшей голове.

Ну и голова!.. Только самая извращенная фантазия могла создать такое уродство. Голова равна чуть ли не трети всей туши. От шеи до пасти около двух метров, тогда как общая длина туши меньше семи метров. Маленькие свиные глазки, широко расставленные по бокам бронированного лба, никак не соответствовали размерам всех остальных частей тела и были словно взяты от другого, менее объемистого существа. Но наиболее интересными и странными оказались рога. Их было два. На конце носа стоял первый рог высотой в полметра и толщиной у основания сантиметров в пятнадцать. На нем чернела земля, в которой не далее как утром ковырялся этот предок современного носорога. Второй рог длиной всего в двадцать сантиметров возвышался позади первого, сантиметрах в семидесяти от него, чуть ниже линии глаз. Каково назначение второго рога — сказать трудно, но придавал он зверю еще более ужасный и неестественный вид.

Огромная пасть, в которой вполне мог бы поместиться баран, была приспособлена, судя по набору плоских и острых резцов, для поглощения любой пищи — от корней до живого мяса.

И вот этот житель далеких, давно прошедших времен лежал сейчас бездыханный у ног изыскателей. Просто не верилось! Над ними светило неяркое солнце зимы 1947 года, вокруг расстился мирный пейзаж, все было просто и естественно — и вдруг огромная туша животного, каким-то образом вырвавшегося из далеких-далеких эпох...

— Вот это да!.. — с уважением проговорил Петя, постукивая геологическим молотком по черепу носорога. — Смотрите, Лука Лукич! Как камень...

— Бачу, хлопче! А чи ты станешь кушать котлеты из этого мяса?..

Петя хотел что-то сказать, но встретился взглядом с Усковым и тут же вспомнил о другом, что его взволновало несколько минут тому назад:

— Дядя Вася, на той стороне дым! С камня хорошо видно.

Действительно, в дальнем нижнем конце второго кра-

тера, в одном — двух километрах от них, за большим озером, блестящим среди лугов и леса, поднимался вверх столб дыма. Несомненно, там были люди. Уж не современники ли носорога?

— Нет, — твердо сказал Усков, видимо отвечая на этот вопрос самому себе. — Нет, не может быть! Это обыкновенные люди, наши люди. Идемте...

Оставив убитого носорога, вся партия направилась к озеру, все же придерживаясь отвесной стены с правой руки.

Лес, лес и лес. Потом большая, гектаров на двести, поляна, покрытая высокой травой. На ней спокойно пасутся горные бараны. При виде людей вожак стада издает фыркающий звук. Все животные разом повертывают головы к путникам и со вниманием, но без страха следят за ними. Разведчики проходят мимо, удерживая нетерпеливо рвущихся собак. Ни один баран не побежал, не испугался. Значит, они не только хорошо знакомы с человеком, но и признают в нем друга. В глазах Ускова вспыхивают нетерпеливые искорки. Он ускоряет шаг. Его догадка находит новое подтверждение...

Дальше стена опять уходит ввысь, осыпи кончились. Перед разведчиками возникает утес с десятком разных углублений и расщелин. Из одной щели вытекает горячий ручей. От воды идет пар. Она почти кипит. Вокруг пахнет серой, тухлыми яйцами — и никакой растительности, один голый камень.

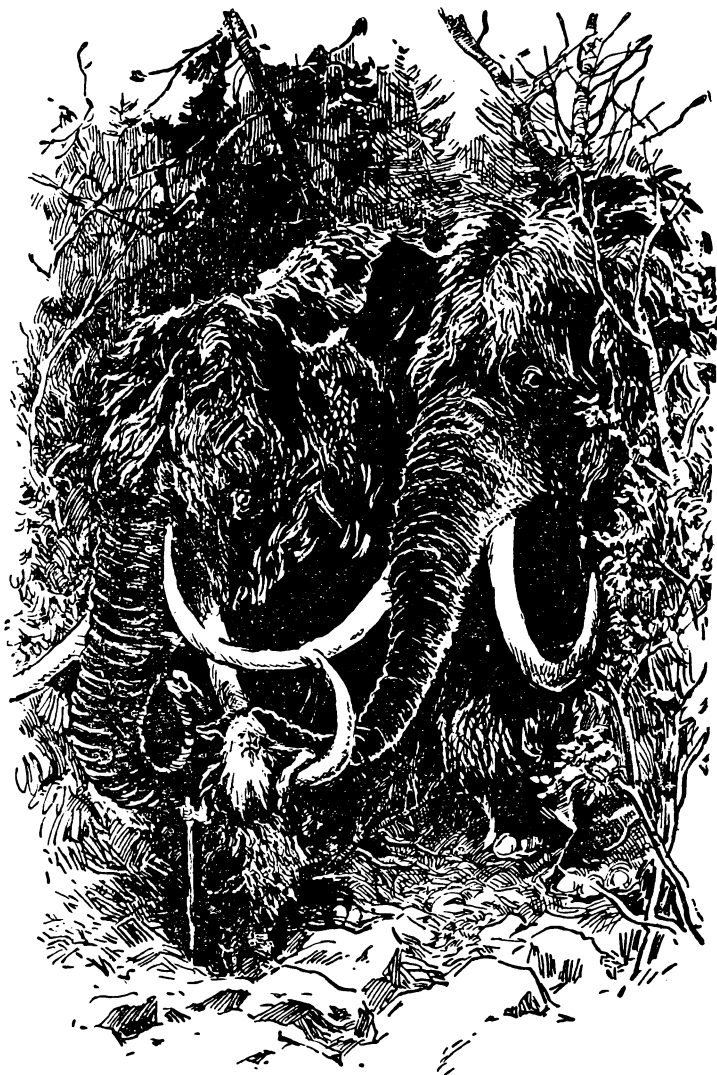
— Целебный источник, — констатирует на ходу Орочко. — Сероводородная вода.

Но останавливаться здесь не стали. Пошли дальше, туда, где дым виднелся теперь уже совершенно ясно.

Обогнув большую группу деревьев с опавшими листьями (клены и ясени — как сказал агроном), разведчики быстрым шагом пересекли травянистый луг и направились прямо к лесу. Кедры-великаны охраняли его опушку. От них на солнечный луг падала густая длинная тень.

Не раздумывая, партия вошла в эту тень. Собаки отстали, бегая по лугу.

Впереди зашевелилась хвоя, кто-то потряс деревья, затрещали ветки. Туй и Кава, поджав хвосты, бросились под ноги хозяевам. Все остановились, напряженно

Человек стоял между мамонтами, опираясь на их бивни.

вглядываясь в опушку. Что там такое?.. Руки сжимали ружья.

И тут произошло еще одно событие, которого никогда и никто даже не мог себе представить.

Из леса вышли какие-то невиданные темно-серые гиганты. Сперва на высоте трех метров показались изогнутые снежно-белые клыки, затем появился широкий лоб и, наконец, чудовищная голова с повисшим хоботом. Треск раздираемых ветвей, короткий тяжелый топот — и вот перед изумленными, обьятыми страхом людьми выросли два мамонта, представители далекой истории Земли. Они стояли молчаливые, настороженные, выжидаяще помахивая длинными хоботами, как стражи заколдованного леса, куда нет хода для непосвященных.

Взяты на изготовку ружья. Но что может сделать ружье с этими четырехметровыми косматыми предками слона?

Усков прошептал одно только слово: «Спокойно!..» Новый шорох возник в кустах. Между ног гигантов неожиданно появилась фигура человека. Да, человека!

Он был с ног до головы одет в коричневые шкуры. Длинная, почти до пояса, белая борода, свисающие с непокрытой головы такие же белые и мягкие волосы, чуть колышимые ветерком, внимательные и в то же время изумленные глаза — вот первое, что увидели ошеломленные разведчики. Картина была настолько фантастична и нереальна, что люди даже не в состоянии были говорить и удивляться. Они молчали.

А человек продолжал стоять между двух мамонтов, опершись на изгибы бивней. Он с не меньшим удивлением смотрел на пришельцев, внезапно появившихся в его владениях. Затем, с трудом разжимая губы, проговорил глухим, но твердым голосом:

— Кто вы? И как вы сюда попали, господа?..

Усков опустил ружье, сделал шаг вперед, улыбнулся и протянул руку. Он произнес фразу, которая удивила всех и в то же время сразу разрешила все загадки:

— Мы... мы рады вас видеть в добром здоровье, товарищ Сперанский...

Глава шестнадцатая

Первое знакомство. — Урок политграмоты. — Дик и Лас.

Старик закрыл лицо руками и зашатался. Борис бросился к нему, взял его под руку. Сперанский заплакал. Скупые стариковские слезы просачивались между пальцами, глухие рыдания вырывались из его груди.

Он что-то бормотал сквозь слезы, пожимал руки незнакомцам и пытался улыбнуться. Это ему не удавалось. Разведчики окружили старого человека, не зная, как быть, что ему сказать. Потрясены были обе стороны. Сперанский прожил тридцать лет в одиночестве, и вдруг — люди! К тому же пришельцы из далекого полузабытого им мира знают его, называют его по имени, называют *«товарищ»*...

— Дорогие друзья, извините меня за слабость, тысячу раз извините... — глухо говорил он. — Кто бы вы ни были, господа, в вашем лице я приветствую своих долгожданных избавителей. Вы не можете себе представить мое состояние... Я благословляю этот счастливый день и бесконечно рад видеть вас, *товарищи*...

Широко расправив плечи, он обнял и поцеловал Ускова, потом всех его спутников. Слезы не переставая катились по морщинистому лицу старика. Хватай-Муха тоже плакал, счастливо улыбаясь сквозь слезы. Петя, отвернувшись, кусал губы и украдкой вытирал глаза. Какая встреча!.. Кто бы мог подумать, что на дне кратера они встретят человека, которого считали погибшим, в гибели которого не сомневались, потому что сомневаться нельзя было!

Когда наконец все немного успокоились, Усков снова торжественно протянул Сперанскому руку:

— История ваша стала нам известна совсем недавно — и только нам, и то лишь благодаря случайности. Позвольте мне, дорогой Владимир Иванович, от имени нашей обновленной Родины — Союза Советских Социалистических Республик приветствовать в вашем лице достойного гражданина и засвидетельствовать вам глубокое уважение и благодарность Родины за все, что вами сделано в далекие предреволюционные годы для

торжества идей социализма. Разрешите мне еще раз обнять и поцеловать вас, дорогой доктор...

Они поцеловались снова и крепко пожали друг другу руки. Сперанский с посветлевшим от радости лицом и сияющими глазами смотрел на своих новых друзей, ощупывая их одежду, обнимал, пожимал им руки, быть может желая убедить самого себя в реальности происходящего.

— Но, товарищи, почему вы знаете меня? Откуда вам стала известна моя история? И что за случайность помогла вам обнаружить мое местопребывание? Неужели Никита Петрович жив? Но ведь он, несомненно, должен был быть уверен в моей гибели...

— Увы!.. Ваш спутник давно спит вечным сном. Мы нашли его прах в нескольких сутках ходьбы отсюда. Потеряв вас, он потерял остатки физических и моральных сил и не мог уже преодолеть трудности, какие вам удавалось одолевать вдвоем. Но он оставил записку, которая и привела нас сюда. Когда Никита Петрович потерял надежду найти вас, он продолжал путь один. Пройдя от злополучной пещеры километров восемьдесят на юг, он упал в полыньку, отморозил ноги и умер от гангрены в яранге одного охотника якута, недалеко отсюда, в Золотой долине. Мы, геологи, случайно набрали на могилу Иванова и нашли его дневник. По следам дневника мы пришли сюда и вот встретили вас... Я сразу догадался, кто вы.

Во время всей описываемой сцены на мамонтов не обращали внимания.

А мамонты стояли неподвижно, как изваяния. Их большие уши были слегка откинuty назад. Казалось, умные животные прислушиваются к странным голосам этих маленьких существ. Гиганты удивлялись своим ростом. Если бы не длинная шерсть, свисавшая у мамонтов с живота более чем на метр, люди могли бы свободно, чуть пригнув головы, пройти у них под брюхом.

Но вот Сперанский поднял голову и скорее выдохнул, чем выкрикнул:

— Гха... Гха!.. Дик... Лас... Домой!

Животные послушно переставили свои ноги-тумбы, замотали головами и, выставив вперед длинные бивни,

пошли. Туй и Кава, давно ретировавшиеся подальше, заметив, что чудовища уходят, сделали большой круг и молчком, трусливо поджав хвосты, вернулись к своим хозяевам.

Не в силах справиться с охватившим его любопытством, Петя спросил:

— Скажите, это мамонты?..

— Да, дорогой мальчик, это мамонты, — ответил Сперанский, улыбаясь. — Самые настоящие, живые мамонты и, пожалуй, единственные в мире представители эпохи великих оледенений. Как ни странно, но им удалось дожить до наших дней. Мы еще поговорим об этом, мой юный друг. Вы, верно, гимназист, да?

Петя растерянно оглянулся на Ускова. Все улыбнулись. Геолог заметил:

— У нас классические гимназии упразднены. Их заменила общая средняя школа — десятилетка. Петя перешел в восьмой класс...

— Да, да... — Сперанский стал тереть лоб, что-то припоминая. — Простите меня... ведь я так далек от современной жизни, господа... Последнее, что я знал, это то, что в начале 1917 года произошла революция и царь отрекся, а в начале апреля в Петрограде ждали Ленина, руководителя партии большевиков: Владимир Ильич Ульянов-Ленин... Что с ним? Он жив?

Пусть читатель сам представит себе то волнение, с которым члены поисковой партии 14-бис давали первый урок политграмоты старому члену партии большевиков, тридцать лет прожившему на дне кратера, вдали от человеческого общества.

Усков, однако, боялся утомить старика. Тот буквально онемел от волнения.

— Довольно на сегодня, — сказал геолог, улыбаясь. — Вам теперь, Владимир Иванович, придется усердно позаниматься, чтобы узнать хотя бы наиболее важное из того, что произошло за эти три десятилетия. Но мы поможем вам...

— Благодарю, благодарю вас, мои товарищи. Теперь же идемте ко мне, в мою усадьбу.

Они пересекли лес и оказались на берегу большого озера. Пройдя немного по берегу, спустились к речке, вытекавшей из озера, перешли мостик и направи-

лись к строениям, видневшимся на противоположном берегу.

Оглянувшись, Борис снова увидел мамонтов. Они неторопливо переправлялись через речку вброд ниже по течению и теперь, видно, тоже шли к дому.

— Владимир Иванович, — обратился он к Сперанскому, — почему вы их так странно назвали, своих мамонтов, и как вам удалось их приручить?

— Странно? Дик и Лас? Да это, попросту говоря, Дикий и Ласковый. Они оказались очень понятливыми животными, с высокоразвитым мозгом. Мои самые верные стражи и работники. Сейчас увидите. Если бы не они, мне бы не удалось сделать и половины того, что я сделал.

Мамонты шли размеренным шагом, особой иноходью, переставляя попарно то обе левые, то обе правые ноги одновременно. На ходу колыхалось огромное, четырехметровой высоты, тело. Чуть подрагивал под густой шерстью запас жира, отложенный к зиме, в виде невысокого горба сразу за шеей. Шевелились толстые, неуклюжие хоботы. Маленький, до смешного короткий хвост бил по массивным ногам.

Только теперь удалось Пете как следует разглядеть глаза мамонтов. Довольно большие, немного продолговатые, они сидели глубоко и поблескивали желтоватым огоньком. Широкий покатый лоб животного незаметно переходил в мясистый хобот; когда мамонт поднимал его, хобот смешно морщился и пасть складывалась в гримасу добродушного смеха. Но самым удивительным были все-таки бивни. Гладко отполированная кость более двадцати сантиметров в диаметре, совершенно белая на концах, становилась чуть желтоватой, кремовой ближе к голове. Длина их превышала три метра. Причудливо изогнутые, они расходились немного в стороны и загибались вверх. Но, когда мамонт опускал голову, бивни грозно выставляли острия вперед, и было видно, что несдобровать зверю, который рискнет сойтись с мамонтом в открытом бою!

Дик и Лас, увидев своего хозяина в кругу других таких же существ, как он, замахали хоботами, подняли их, как фанфары, и, открыв пасти, оглушительно затрубили. Глубокий и мощный рев, шедший словно из-под земли,

пронесся над долиной, заставил Туя и Каву прижаться к ногам людей, и тут же смолк. Его повторило многократное эхо.

Усков и Любимов переглянулись. Теперь им стало понятно, что за трубный звук встревожил их прошлой ночью.

Протрубив, мамонты потоптались на месте, а потом вошли в загон, устроенный позади дома, повозились там и скоро затихли. Петя и Борис заглянули туда: оба зверя стояли рядом, опустив головы и свесив расслабленные хоботы до самой земли. Наступала ночь, гиганты готовились ко сну.

Странно было видеть живых, спокойных и, кажется, довольных своей жизнью представителей бесконечно далеких геологических времен, эпохи возникновения человечества, эпохи неандертальцев, питекантропов и человекообразных обезьян. Еще одна загадка, разрешить которую выпало на долю полевой партии номер 14-бис...

Но не будем забывать, что судьба самой партии все еще оставалась неясной. Ведь стоило только взглянуть на Сперанского, только вспомнить, что он прожил в кратере целых тридцать лет, и сразу становилось понятно: выхода из кратера нет, и путь назад закрыт для партии номер 14-бис навсегда...

Глава семнадцатая,

которая возвращает читателя к событиям тридцатилетней давности

— ... Нам очень нужно было подкрепиться свежим мясом. А раненый баран, представьте себе, ушел в пещеру. Что же оставалось? Только идти за ним. Перезарядив ружье, я вошел в пещеру, считая, что, несомненно, очень скоро настигну животное. Но пещера оказалась более глубокой, чем я предполагал. И в ней было дьявольски темно. Пришлось вернуться. Никита Петрович соорудил мне факел, и я отправился снова.

Баран, которого я преследовал, лежал за камнем и тяжело дышал. Но, как только я поднял ружье, он вскочил и бросился в глубь пещеры. Пришлось снова пройти

за ним метров двести или триста. Меня удивило, что в пещере, так далеко от входа, оказалось много следов разных животных. В другое время я бы задумался над этим, но тогда мне было не до исследований — нужно было настичь барана. В одном месте я проходил нагнувшись, с опаской поглядывая на низко нависший свод. Но охотничий азарт был так велик да и потребность в пище была так велика, что я, ни о чем больше не думая, бросился вперед.

Наконец мне удалось снова увидеть раненого барана. Я прицелился и выстрелил. И тут же позади меня грохнул обвал. Видно, уже давно каменный свод еле держался, и резкого сотрясения воздуха оказалось достаточно, чтобы он рухнул. Меня бросило наземь. Факел погас. На какое-то время я потерял сознание. Придя в себя, я ошупью нашел ружье — свою единственную защиту, высек огонь и зажег все еще тлевшие ветки моего самодельного факела.

Увы, хода назад уже не было: обрушился весь свод пещеры. Нет, даже не обрушился, а просто опустился. И все... Ни малейшей щели, ни единого рыхлого места. Меня обуял ужас. Невыносимо угнетала тишина. Я закричал. Бросился колотить в стену. Увы! Никто уже не мог помочь мне. Я лег на пол. Заживо погребен!..

Ружье было при мне, и можно было, конечно, сразу перестать мучиться. Но ведь я революционер!.. Столько пережить, передумать, преодолеть, жить мечтой о свободе, бороться за свободу, и вдруг... Нет, этого не будет! Я задумался. И тут я вспомнил, что видел в пещере следы. Куда же ходили звери? Не значит ли это, что пещера имеет другой выход? Окрыленный надеждой, я пошел вперед, освещая себе путь тлеющей веткой. Когда факел догорел, я пополз в темноте, сжав зубы...

Не скрою, тяжело мне и вспоминать об этом, — сказал старик после большой паузы. — Я скоро почувствовал, что силы оставили меня и воля к жизни иссякает. Огромным напряжением я заставил себя ползти вперед. И вдруг впереди показался свет. Сначала туманное пятно, а потом клочок неба! Я вскочил на ноги, пустился бегом и все-таки выбрался. Страшная слабость овладела мной. Я сел у выхода и, закрыв глаза, просидел не знаю сколько времени.

Надо мной снова светило солнце. В нескольких десятках метров начинался лес, за лесом сверкала на солнце не то река, не то озеро, и я невольно начал думать: уж не бред ли это? Ведь был ноябрь, трещали морозы, а тут едва тонул ветерок, зеленели огромные кедры или сосны, журчала незамерзшая вода, расстился знакомый пейзаж среднерусских лесов... Видение? Галлюцинация?

Тот день, когда я выбрался из пещеры, стал первым днем моего нового календаря...

Сперанский замолчал и задумался. А что касается остальных... Не надо все-таки забывать, что они слушали доктора Сперанского с особым и далеко не спокойным интересом: конец его истории мог явиться началом их собственного «нового календаря»...

Неудивительно, что у начальника партии вырвался вопрос, полный тревоги:

— Значит, отсюда выхода нет?

— Да, дорогие товарищи, — безнадежно ответил Сперанский. — Отсюда выхода нет. Увидев вас, я подумал, что вы сумели каким-то образом найти проход. Но если вы попали сюда против воли, в результате катастрофы, то я с горечью могу сказать вам только сухую правду: это — западня! Без помощи извне не выбраться. Увы, это так...

Сперанский сурово сжал брови. В умных светлых глазах старика проглядывала тревога, теперь уже не за себя, а за этих людей, явившихся для него посланцами нового, еще не ведомого ему общества, на заре рождения которого он стал пленником природы.

— Выхода нет, говорите вы?! — машинально повторил Усков. — Но мы найдем, обязательно найдем, Владимир Иванович! Не найдем, так сами сделаем. Я не разделяю вашего пессимизма, дорогой товарищ! Вы были в одиночестве, а теперь нас все-таки семь человек. И еще... Не знаю, как пояснить вам... Вы старый большевик, но вы не знаете одного нового нашего лозунга: «Нет таких крепостей, каких большевики не могли бы взять». С этим лозунгом мы уже свернули горы, поверьте, доктор... Поэтому мы просто не умеем унывать, падать духом, предаваться отчаянию... Поверьте, мы откуда выберемся, и вы вместе с нами.

Сперанский встал, подошел к Ускову и, протягивая ему руку, сказал:

— Вот теперь я почувствовал, что в России произошла подлинная и действительно социалистическая революция. Так могут рассуждать люди, воспитанные школой Владимира Ильича. Теперь я верю только в самое лучшее. Давайте бороться вместе, работать вместе, и я еще поеду домой, в Петроград, к себе на Васильевский остров!

После небольшой паузы он продолжал, преодолевая смущение:

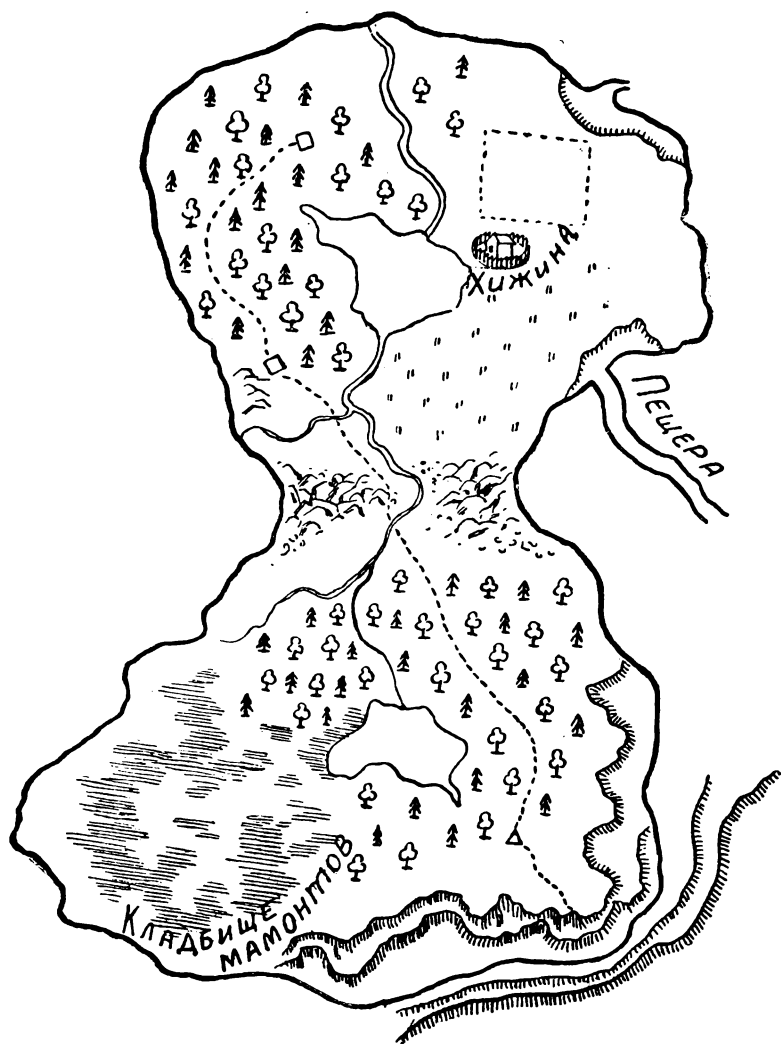
— Скажу вам откровенно, я хоть и не видел возможности выбраться отсюда, но не жил эти годы только для себя. — Он, смеясь, пояснил: — Я хочу сказать — жил не только для своего пищеварения. Я работал, чтобы остаться человеком. Я почему-то верил, что раньше или позже, но люди придут и помогут мне вернуться в Россию. И вот я постоянно думал об одном — чем же я отчитаюсь перед своей совестью, перед своей партией? Вот я и не сидел сложа руки. Кратко скажу вам, что золотые россыпи, которые мы нашли с Ивановым, пустячки по сравнению с теми богатствами, которые я нашел здесь, в кратере, и я буду счастлив отдать их нашему новому государству. А теперь возьмите науку: подумайте, как обогатится отечественная палеонтология, палеоботаника, вся история нашей Земли, когда она увидит вот этот древнейший мир, чудесным образом сохранившийся в полной неприкосновенности со времен великих оледенений. Сколько нового найдется здесь, в древнейших пластах Земли, ныне открытых для изучения! Искренне скажу — стоило перенести те невзгоды, какие я перенес, если в конце концов можно сделать человечеству такой подарок. Я согласен с вами, Василий Михайлович: если мы все будем искать, то найдем выход из кратера.

Речь Сперанского была странно медленной и прерывистой. Казалось, он сам вслушивается в свои слова, делая остановки после каждой фразы. Молчал ли он все эти долгие годы? Или говорил хотя бы сам с собой, со своими животными? Усков внимательно слушал его. Нет, речь совершенно правильная, и мысль четкая. Словно отвечая на его немой вопрос, Сперанский продолжал:

— Вы извините меня. Я, конечно, говорю нескладно. Должен вам сказать, что самой большой бедой для меня за все эти годы было отсутствие собеседника и... бумаги. Особенно первое время. Больше года я ничего не мог записать. Даже с собой стал говорить все меньше и реже. Однажды я поймал себя на том, что звук собственного голоса становится для меня каким-то чужим. Я понял: еще немного, и я отвыкну от человеческой речи, стану таким же получеловеком, полузверем, как несчастный Айртон из жюльерновского «Таинственного острова». После долгих исканий выход был найден. Здесь, в одной из пещер, есть гладкие, словно отполированные стены из белого камня. А на берегу озера стоят красные скалы — особая осадочная порода, обладающая красящими свойствами. Эта находка дала мне «бумагу» и «перо». Я ежедневно стал записывать все важнейшие события моей жизни. Так — год за годом. Кроме того, я взял себе за правило каждую запись прочитывать вслух два—три раза.

Вы увидите эту пещеру. Стены ее исписаны кисточкой на протяжении многих сотен метров. Там — вся исповедь моей жизни, все счастливые и несчастные случаи, все важнейшие факты. Каждый вечер, со свечой из козьего сала в руке, я работал в этой пещере по нескольку часов, как добросовестный летописец. А затем, как самый прилежный первоклассник, громко и внятно по нескольку раз перечитывал записи. И только этот труд помог мне сохранить облик человека...

В тот же вечер Сперанский выслушал соображения Ускова о происхождении кратера и согласился с ним. Да, Эршот — это древнейший вулкан в горной системе северо-востока Азии. Он потух не менее полутора—двух миллионов лет тому назад, оставив на вечную память о себе коническую, чуть продолговатую гору с огромной впадиной двойного кратера на вершине. Время работало... Постепенно впадина засыпалась осколками скал, камнями, щебнем, песком. Дно кратера поднималось, выравнивалось, подземный огонь угасал, уходил глубже. Прошло много тысяч лет, и в кратере появились первые растения, а потом возникла почва. Процессы в кратере проходили быстрее, чем обычно в северных широтах: этому способствовало подземное тепло. По неведомым

План кратера Эршота.

трещинам тепло поднималось, согревало почву, и вся огромная впадина стала напоминать гигантский парник. В зимние месяцы на кратер сверху «наваливается» большой холод. Навстречу ему от земли поднимается волна теплого воздуха. На какой-то высоте эти воздушные волны сталкиваются, и от этого образуются густые туманы. Вот почему в течение шести или семи месяцев в году над кратером и над всей вершиной Эршота клубится туман. Сама природа охраняет заповедник от любопытных глаз.

Орочко с возрастающим интересом слушал Сперанского. Теперь все становилось ясным.

... Когда-то, на пороге новой, кайнозойской эры, Земля очень быстро сменила свою растительную одежду. Пропали почти все представители споровых и голосемянных растений, которые господствовали в растительном царстве «каменноугольного периода». Исчезли знаменитые араукарии, гигантские пальмовые, древовидные папоротники, мохнатые плауновые. На смену им пришли покрытосемянные растения, правнуки которых населяют нашу Землю и теперь. Чем это было вызвано? Ученые долго бились над этой загадкой. Наконец сошлись на том, что все дело в быстром изменении климата Земли. Из очень влажного он стал сухим, из очень теплого — умеренным или суровым. Материки подымались, моря отходили и мелели. Высоко поднялись горные цепи и гигантские вершины. Над планетой носились сухие, злые ветры. Древние растения, изнеженные теплым и влажным, совсем как в оранжерее, климатом, оказались неприспособленными для жизни в новых условиях и погибли одно за другим, как погибли когда-то до них многочисленные ящеры-гиганты с переменчивой, непостоянной температурой тела.

Но эти великие перемены происходили в кратере потухшего вулкана очень замедленно, с отставанием на десятки и, может быть, сотни тысяч лет. Многие из древних растений не погибли и дожили до наших дней, заботливо укутанные теплым туманом.

С геологической стороны кратер является как бы открытым музеем. Самые древнейшие слои Земли в результате вулканической деятельности и горообразования оказались здесь перемешанными с поздними осадочными

породами и продуктами извержений. Усков помнил, что весь северо-восток Азии уже в гриасовом периоде мезозойской эры находился под морем. Но раньше, до опускания, материк в этих широтах представлял собой уголок царственно-богатых тропиков. Отсюда ведут происхождение богатейшие запасы каменного угля, солей и нефти на суровом севере Азии.

Если большая северная стена кратера, мрачно охраняющая впадину, представляла собой почти монолитный гранит, то южная стена, сложенная разными породами и потому уже сильно разрушенная временем, просто удивляла своим многообразием. Слои желтоватого песчаника чередовались с белым базальтом; красный камень морей выступал на фоне известняков; серый зернистый гранит залегал рядом с черными сланцами. Стена таила в себе множество загадок; сотни пещер дырявили ее. Сквозная пещера, через которую когда-то попал сюда Сперанский, была именно в этой стене.

То здесь, то там сквозь камень просачивались источники. Атмосферные осадки, уходя в глубь земли, нередко оставались там очень долго, тысячелетиями бродили по трещинам глубин и постепенно приобретали новые свойства. Вода насыщалась солями, газами, могла стать отчаянно холодной, вонючей, дьявольски горячей, шипучей, маслянистой или невероятно жесткой, радиоактивной. Сперанский знал шесть разных источников, в их числе нарзан и сероводородный ручей, уже знакомые нашим разведчикам.

Все источники и ручейки, какие были в кратере, текли под уклон в большое, красивое озеро, на берегу которого и жил Сперанский.

Теперь остается выяснить, как попали в кратер и остались до наших дней такие представители давно вымерших животных, как мамонты, волосатый носорог и некоторые другие, с которыми мы познакомимся дальше.

Сперанский объяснил это так:

— В третичном периоде началась, как известно, новая геологическая революция. Поднимались многие материки, в частности по всей Северо-Восточной Азии. Климат здесь быстро и резко изменился и стал очень суровым, похожим на современный. Ящеры и многие млекопитающие, которые жили в теплых морях, конечно, вы-

мерли или ушли на юг. Остались только самые приспособленные, которым не был страшен ни холод, ни снег. В поисках корма и хороших мест некоторые из них наткнулись на знакомую нам пещеру. Видно, она в те времена была более просторной и высокой. Многие животные, в их числе мамонты, прошли через пещеру и очутились в кратере. Здесь они нашли пищу и более теплый климат. Вполне понятно, что здесь они и остались.

Так, дорогие друзья, в кратере в те далекие времена появились и люди. Да, люди! Я это могу теперь утверждать с полным основанием, ибо скоро вам представится возможность увидеть в одной из здешних пещер места древних стоянок.

Сколько тут было мамонтов, сказать трудно. Кладбище гигантов находится недалеко от того места, где вы спустились в кратер. Там лежит целая гора костей и бивней, еще полузасыпанных щебнем, песком и камнями.

Шли тысячелетия. Единственный проход, соединяющий кратер с внешним миром, стал уменьшаться, оседать. Выход был отрезан, и в кратере обособилась своя жизнь. Здесь всегда было много корма, и время мало изменяло фауну и флору этого замкнутого мирка. Свободно приходили и уходили через низкую и узкую пещеру только небольшие животные.

Мамонты остались, но условия кратера, видимо, не способствовали их размножению. Дик и Лас, мои помощники и друзья, являются последними. Они оба еще молоды, им нет даже по восьмидесяти лет. Вместе с мамонтами здесь обитает еще один исполин — двурогий носорог — злой разрушитель. всего, созданного моим трудом. И я никак не могу от него избавиться, ибо мое ружье безмолвствует уже много лет. . .

— Вашего врага больше нет, Владимир Иванович, — сказал Любимов. — Он наткнулся на нас в лесу и потерпел поражение, он погиб.

— Вот как?! Так, значит, гром выстрелов, который заставил меня задрожать от радости и надежды, возвестил конец носорога?! Ну что ж. . . От этого, конечно, несколько пострадает наука, зато нам всем будет много спокойнее. . . Но мы отвлеклись. Позвольте мне закончить мысль. Я хочу сказать, что ушли или погибли первые люди, долгое время обитавшие здесь. Животные не су-

мели выбраться. И вот тому назад тридцать лет пещера, при уже известных вам обстоятельствах, окончательно обрушилась, совершенно изолировав кратер с его особой жизнью от остального мира. Виновник катастрофы — ваш покорный слуга. Волею судьбы я остался лицом к лицу со многими загадками природы и начал новую жизнь. Если вы не устали слушать, я могу рассказать.

— Что вы! Что вы! — воскликнули наши разведчики. — Это вы, быть может, устали говорить.

Сперанский не без юмора ответил:

— Я тридцать лет молчал. Теперь я могу тридцать лет говорить без передышки и не устану...

Глава восемнадцатая,

в которой Сперанский продолжает свой удивительный рассказ

... — Ночь застала меня на площадке около пещеры. Я хотел вернуться к Никите Петровичу. Но как? Над пещерой возвышалась отвесная гладкая стена.

А тут стало темнеть, повеяло холодом. И тишина. Ни звука, и не видно ничего. Только звезды в небе. Что делать?

Я решил развести огонь около входа в пещеру и поспать, а утром взяться за поиски выхода. Но спать я не мог.

Вдруг мне почудилось, что кто-то тяжело дышит совсем рядом. Я быстро вскочил и схватился за ружье. Костер мой еле тлел. Позади куста колыхалось что-то огромное и черное. Что это?! Зверь? Птица? Или мне только чудится? Стрелять? Я выхватил из костра тлеющую головешку и с силой швырнул ее в темноту. Пламя вспыхнуло, на миг осветило огромную косматую голову, блеснули белые бивни, раздался рев и тяжкий топот. Сердце у меня замерло. Бред? Но мне ясно виделась голова слона, в этом я мог бы присягнуть... Сон сняло как рукой. Весь дрожа, я сел у костра.

Прошел примерно час. Где-то далеко в лесу послышался раз или два голос какого-то сильного зверя, шум движения, крик птицы, но потом все стихло.

Я уже стал успокаиваться, как вдруг услышал быстрый бег, испуганный крик, и в освещенный круг моего костра влетел и тут же упал молодой горный баран. Словно пуля, за ним стремительно метнулся волк и, не обращая на меня внимания, стал его терзать. Тут же в грудь волку впилась моя картечь. Волк был убит. Баран тоже. Все кончилось в несколько секунд.

Подкрепившись жареным мясом, я уснул и проспал до самого утра. Утром я окончательно убедился, что нахожусь в западне. Долина была со всех сторон окружена отвесными и высокими стенами.

Еще два дня я бродил вдоль стен, ища какой-нибудь лаз. Я стрелял в воздух, полагая, что Иванов меня услышит, но понемногу стал понимать, что об этом больше и думать нечего. Я мысленно простился с моим другом и спутником. Выбрал небольшую пещеру в южной стене, метрах в трех над землей, соорудил легкую лесенку, натаскал дров и поселился в этом безопасном месте. Кстати, это мое первое жилище в дальнейшем оказало неоценимую услугу в приручении мамонтов. Именно с этого удобного возвышения гиганты привыкли брать заготовленную для них пищу и мало-помалу признали во мне своего хозяина.

Но об этом дальше.

Зиму до конца марта я провел в своей пещере, питался мясом и рыбой, которую ловил в ручье обыкновенной вершей из прутьев лозняка. Озера кишат здесь нежным хариусом и мальмой.

Во время охоты я хорошо познакомился с животным миром своих владений. О, это особый мир, странный и жестокий. В кратере в ту пору водились волки. Они пожирали очень много баранов и оленей. Кстати сказать, последних оленей они успели полностью уничтожить уже при мне...

— Вы волков стреляли, Владимир Иванович? — не удержался от вопроса Пётя.

— Нет, мой друг, патроны надо беречь. Их у меня было мало. Наблюдая за жизнью животных в кратере, я убедился, что хоть волки сильны и ловки, но у них есть сильный и опасный враг, который ненавидит их неукротимой ненавистью, — это носорог. Как ни странно, но эти неуклюжие чудовища становятся удивительно

ловки, когда дело касается охоты за волками. Целыми днями гонялись носороги за стаями этих хищников и, загнав их в какой-нибудь уголок между скалами, уничтожали с дикой злобой. Есть здесь и медведи. Я знаю до двух десятков. С ними у меня добрососедские отношения. В первые же дни я увидел баранов, зайцев и лисиц. Шныряли выдры и ежи. Тысячи уток, гусей и лебедей во время перелетов садились на нашем озере, многие из них прижились и даже перестали улетать на зиму.

Я принял от природы на сохранение четырех мамонтов. Два старых погибли естественной смертью через три года после моего прихода. Я нашел также двух волосатых носорогов, одного очень старого пещерного медведя и трех исполинских оленей. Это все, что я застал здесь из животного мира эпохи великого оледенения.

Не раз приходил мне на память образ бессмертного героя Дефо — Робинзона Крузо. Что ж, наши с ним судьбы во многом оказались сходны. Он тоже был отрезан от мира и предоставлен самому себе. Правда, Робинзону, по воле автора, как говорится, повезло. Он скоро нашел возле своего острова разбитый бурей корабль и снял оттуда множество необходимых ему вещей. У меня такого клада не оказалось. Все, что у меня было, — это двустволка, несколько патронов, топор, нож да еще немного семян разных овощей в вещевом мешке. Вот уж действительно, могу сказать, не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Не хотел я брать с собой эти семена. Зачем они нужны? И где это видано, чтобы человек, который бежит из ссылки и пускается за тысячи верст пешком через тайгу, да еще зимой, взял с собой хоть один золотник лишнего груза? Но на этом чертовом погосте, где мы пропадали с Ивановым, жил один старик, селекционер-самоучка. Изумительный был старик! Хоть он грамоту знал еле-еле, но в нем, несомненно, пропал большой ученый. Он, представьте, занялся разведением овощей на Дальнем Севере. Выписывали ему ссыльные семена из Петербурга, а он возился, скрещивал их, закалял всячески и в конце концов вывел морозоустойчивые сорта почти всех наших овощей. Вы подумайте только: в здешних местах — и вдруг капуста, морковь, редька и все такое прочее. Вот я и взял у него не меньше фунта разных семян да еще и ячменя, чтобы каким-

нибудь способом обратить на старика внимание наших ученых. Тяжело было носить весь мой выюк, я много повыбрасывал и чуть было не выбросил семена. Да все рука не подымалась. Зато как же они мне пригодились, когда я попал сюда! Но давайте по порядку!

Шли дни и месяцы. На стене пещеры росло число зарубок — мой календарь. Нужно было построить дом и создать огород: приближалась весна. И тут-то мне пришлось в голову использовать мамонтов. Эти чудовищные животные от природы наделены наблюдательностью и умом. Мамонты целыми часами стояли у речки и грелись на весеннем солнце, играли, обдавая друг друга потоками холодной воды. Купание, даже в холодное время, было их любимым занятием. Они никогда не расставались, всегда ходили группой, а когда старики почувствовали близость смерти, то вся семья удалилась в восточную часть кратера, туда, где лежали кости их предков. Один из стариков, шатаясь, дошел до края осыпи, ноги его подкосились, он повалился на колени, потом на бок. Через неделю умер второй. Молодые мамонты восприняли смерть родителей как самое большое горе, не отходили от мертвых чуть ли не десять дней, ревели, перестали есть и всё топтались вокруг мертвых туш, как бы уговаривая встать... А потом, расвирепев, кинулись в лес, стали ломать и топтать деревья, кидать камни, пни, словно решили утопить в этом неистовстве свое горе.

Мало-помалу я изучил их повадки и составил план приручения. Мамонты часто видели меня, но считали, видно, мелким, не стоящим внимания животным, хотя история с головешкой долго еще заставляла их обходить мой костер.

Началась наша дружба с того дня, когда в кратере разразилась буря. Собственно, настоящая буря бушевала где-то за пределами кратера, но досталось и нам. Почти неделю валил густой снег, покрыл луга, леса. Бараны и олени сумели приспособиться скорее других: они стали разгребать снег и довольно быстро находили себе пищу. Медведи завалились спать. А мамонтам пришлось туго. Я уже знал, что они с величайшей охотой едят тростник и камыш. Но мелкие болота завалило снегом, а в глубокие топи вдоль озера они ходить опасались. Я сделал небольшой плот из десятка бревен, пробрался

к заросшему острову на озере, нарезал огромный сноп зеленого камыша и доставил его к своей пещере. Мамонты увидели камыш издалика и пришли. Они не заставили себя упрашивать... Разрешив им немного поестъ, я постепенно стал отодвигать сноп от края уступа всё дальше и дальше. Мамонты не уходили, топтались на месте и всё поглядывали на меня и пошевеливали хоботами. После нескольких дней тренировки я стал осторожно выдавать им сочный тростник из рук и скоро так приучил их к организованной кормежке, что они стали ходить за мной по пятам, как собаки. Даже когда растаял снег, они продолжали ходить за мной, а я не скупился на подачки. Вскоре я осмелел и рискнул погладить рукой их шершавые хоботы. Они тоже осмелели и обнюхали меня. Видимо, я им понравился. По крайней мере, тот, которого я впоследствии назвал Ласом, довольно чувствительно пошлепал меня по спине хоботом, обвил и немного приподнял над землей. Я очень боялся, как бы ему не вздумалось поиграть со мной, как с мячом. Но все обошлось хорошо. Немного позже мне было позволено взбираться на косматую спину Ласа, ездить на нем и в качестве платы за это удовольствие почесывать у него за ушами. Между прочим, сойки нисколько не боятся этих могучих животных и спокойно трещат по целым дням, сидя у них на спинах, что-то выискивая там и копаясь. И похоже, что великанам это доставляет удовольствие. В общем, менее чем через месяц они уже таскали мне бревна и камни. Я сложил домик и сделал ограду.

Да, пришлось сделать ограду. Вы видели — трехметровый забор из каменных глыб. Что ж прикажете делать, я был вынужден обнести огород. А все из-за носорогов. Вы видели молодых поросят, когда их выпускают на улицу? Вот так примерно вели себя эти пятитонные звери. Страшно неуравновешенные характеры! Настоящие допотопные дикари. До поры до времени мы жили, соблюдая строгий нейтралитет. Я с мамонтами на одной стороне, пара носорогов — на другой. Мы не встречались. Но, как я уже сказал, до поры до времени.

Когда я выбрал хорошую полянку около дома и с большим трудом разделал землю, то на второй же день нашел свой огород совершенно изрытым и затоптанным.

Носороги! Что их привлекло на взрытую почву — не знаю. Хорошо, что первый набег они сделали до посева, и мои драгоценные семена пока остались целы. Но как быть дальше? У меня было слишком мало семян, рисковать ими я не мог. Вот и пришлось подумать об ограде.

Обыкновенного забора было бы мало. Что носорогу забор? Для начала я решил пожертвовать одним патроном.

Вы видели это чудовище? Да, я забыл... Конечно, видели... Косматая кожа в три сантиметра толщины. Что ей картечь? Комариный укол... Нужно бить только в глаз или в пасть. А для этого надо подойти почти вплотную. Практически это равно покушению на самоубийство.

Я засел за камнями и стал ждать гостей. Они пришли с противным хрюканьем. Вот один из них на какую-то секунду замер на месте. Я выстрелил в упор и не промахнулся. Зверь рухнул, обливаясь кровью. Картечь прошла через пасть и застряла в голове. Второй носорог, испуганный выстрелом, кинулся прочь, и с тех пор вот уже сколько лет не приходит сюда и не попадаетея мне на глаза.

Однако вернемся назад. Скоро мой дом был готов. Это как бы моя «дача», хотя я и живу в ней реже, чем в пещере. Как видите, он неказист, но в нем сухо, тепло и, с моей точки зрения, даже уютно...

Пищу я первое время добывал себе с помощью ружья. Баранов было так много, что охота на них не составляла особого труда. Однако надо было подумать и о другом способе ловли, без ружья: кончились патроны.

Я начал делать загон. Топор и нож у меня были. Первый частокол в два метра высотой оказался недостаточным высоким, животные легко перепрыгивали через него. Пришлось поднять высоту до трех метров. Менее чем через два месяца у меня оказался прекрасный крааль, с двух сторон обнесенный частоколом, а с двух — уступом стены.

В конце первой зимы, как я уже говорил, выпало очень много снега, и животным приходилось нелегко. Я превратился в заправского косаря. С ножом, который заменял мне косу, и с снопом осоки я ходил от больших болотных зарослей до крааля, стараясь сделать этот

уголок местом постоянной кормежки баранов. Они приходили в загон с большой осторожностью, но все же приходили. В один прекрасный день я закрыл за забором шестнадцать баранов. Теперь я уже появлялся перед ними открыто, разбрасывал по снегу траву и наблюдал, как мои питомцы кормились. Чтобы накормить такую ораву, приходилось работать от зари до зари. Через несколько дней я выпустил стадо, оставив себе только несколько молодых барашков и ягнят. Больше мне охотиться не надо было. Не только мясо, но впоследствии и овечье молоко и сыр стали для меня повседневной пищей.

Итак, с голода я умереть не мог. У меня был очаг, теплая, удобная пещера и бревенчатый дом, в котором мы сейчас находимся, загон для моих мамонтов, крааль для баранов и даже огород, засеянный в первую же весну капустой, морковью, свеклой и редькой. Сейчас он, конечно, разросся, но в первый год это был совсем маленький кусочек возделанной земли. Мой враг — носорог до самой своей гибели старался не показываться в этой части кратера, а с волками удалось покормить, заманивая их в ловушки-ямы, куда я клал приманку. Существование, таким образом, наладилось...

Я понимаю, — внезапно сам себя перебил Сперанский, увидев порывистое движение Бориса, — вы хотите спросить, каково было мое душевное состояние, питал ли я все-таки надежду на освобождение, впадал в отчаяние или просто примирился со своей судьбой и жил, как жилось и пока жилось, лишь бы не умереть? Так? Вы это хотели спросить?

— Да, — признался Борис, до крайности удивленный тем, что этот человек, проживший половину своей долгой жизни в одиночестве, без общения с людьми, сохранил живость ума и угадывал его мысли. — Да, именно это я хотел бы знать.

Сперанский ответил после небольшой паузы.

— Тридцать лет, — сказал он, — долгий срок. Хватило у меня времени и на надежду, и на отчаяние. И это хорошо, что они чередовались. Согласитесь, надеяться я мог только на чудо. А это было бы глупо. Отчаяние? Конечно, были минуты отчаяния. Ведь я оставил дома двух маленьких детей, науку, а тут еще я узнал, что в Рос-

сии революция... Легко, думаете, было сидеть годами на этом лоне природы и знать, что никогда не увидишь того, что тебе дорого, ради чего ты жил?! Конечно, были периоды отчаяния. Но, видимо, оно не было слишком сильно, иначе вы не застали бы меня живым... Значит, я примирился? Только не это! Примирение человека с несчастьем я считаю унижительным и гнусным. На это я не способен. Я революционер, большевик, и я человек науки. Я работал! Мои записи будут вкладом в науку. Я работал для человечества! Именно это сознание позволяло преодолевать отчаяние, которое охватывало меня иногда, в минуты слабости. И это же сознание придавало другой характер моей надежде. Я не рассчитывал на чудо, которое спасет меня лично, но я был уверен, что раньше или позже, пусть через сто лет, но люди придут сюда, в этот кратер, найдут мои записи, прочитают — и, таким образом, мой труд послужит свободной России. Вот вам ответ на ваши вопросы, молодой мой друг!..

— Позвольте пожать вашу руку, — негромко попросил Борис.

Все потянулись к старику.

И на этом его рассказ кончился. Было уже поздно.

Глава девятнадцатая,

*в которой сообщаются краткие сведения
о Сперанском и его хозяйстве*

В эту ночь все спали как убитые. Дело в том, что ко всем необычным переживаниям этого дня присоединилось еще одно, фантастическое до предела и весьма важное для здорового сна, а именно — баня. Строго держась добрых правил русского гостеприимства, хозяин повел своих гостей в баню. Да-да, в настоящую баню, с горячей водой, с паром и с душистыми березовыми вениками. Только тот из наших читателей, кому уже доводилось неделями блуждать по зимней тайге, спать не раздеваясь под морозным небом у дымного костра, только этот читатель, повторяем мы, поймет, какие чувства может вызвать горячая баня!

Лука Лукич стонал от удовольствия, когда Любимов, поддавший такого пару, что начали потрескивать балки на потолке, хлестал его березовым веником по распаренной спине! Горячей воды было вдоволь. Баня работала на даровом природном тепле: прямо из каменной стены хлестал горячий источник. Топка, сложенная из камней, нужна была только для пара; стоило плеснуть два—три ушата на горячие камни — и в маленькой бане становилось жарко, как... как в бане.

У хозяина нашлось и мыло. Он сам варил его из бараньего жира и поташа.

В общем, после пережитых волнений, после великолепной бани и обильного ужина, к которому, несмотря на протесты радушного хозяина, приложил свою опытную руку и Лука Лукич, разведчики спали богатырским сном.

В доме стояла тишина. Желтым светом горел сальник, освещая спящих и самого Сперанского, который один только не спал.

Воспользуемся тишиной, царящей в доме, чтобы очень кратко рассказать о Сперанском.

Владимир Иванович родился в 1880 году в Петербурге, в семье мелкого чиновника. Он окончил гимназию, поступил на медицинский факультет и по окончании курса, как человек выдающихся способностей, был остав-

лен при университете для подготовки к профессорскому званию.

Но в 1914 году он был арестован за принадлежность к партии большевиков. На суде выяснилось, что он и Иванов стояли во главе довольно крупной организации. Оба были приговорены к ссылке в так называемые «особо отдаленные места» Сибири. Как читатель уже знает из записки Иванова, оба они бежали в декабре 1916 года, а наши геологи нашли Сперанского в 1947 году. Стало быть, ему было шестьдесят семь лет. Конечно, старик. Но старик могучий.

Сперанский был высокого роста, широкоплеч и крепко сложен — из тех людей, каких называют кряжистыми. Нужно еще прибавить, что на нем сказалась известная поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Хоть и поневоле, но Сперанский жил на лоне природы, в неустанном труде, вдали от всякого рода инфекций и болезнетворных бактерий, на чистом воздухе Севера, не зная табака, алкоголя, городских шумов и дымов. Конечно, отшельничество — неестественное состояние для человека. Отсутствие общения с людьми губительно для человеческой природы. Но, оставаясь в одиночестве, Сперанский продолжал жить интересами человечества и для человечества. И это его спасло. Только седые волосы и седая окладистая борода напоминали о годах, а фигура, походка, голос и блеск больших голубых глаз говорили об огромном запасе сил и энергии.

На Сперанском было платье из бараньей шкуры, куртка и брюки стриженной шерстью наружу, кожаные ичиги и меховая круглая шапка. Все это он сшил сам. Сделать иглу, вернее — шило из кости и засушить ниток из жил было не так уж трудно.

Итак, Сперанский не спал. Он сидел за столом. Перед ним, безмятежно раскинувшись на шкурах, спали люди. Люди!.. Тридцать лет не видел он человека, начал забывать голоса, смех... Как много интересного рассказали ему неожиданные пришельцы уже в первый день! Какие они были простые, уверенные в себе, смелые! Даже мальчишки. Поколение, выросшее после революции...

Глаза Сперанского становятся влажными от волнения.

Борис перед сном дал Сперанскому книгу, которую тайком захватил с собой из пещеры.

— Моя любимая... Почитайте, Владимир Иванович.

Сперанский с благодарностью принял книгу и жадно стал ее перелистывать. «Тихий Дон». Шолохов. Имя автора ему незнакомо. Но события, описанные в романе, захватывают, и он читает с напряженным интересом.

Ночь идет. Сперанский все еще не спит, взволнованный и встречей и книгой. Иногда он отрывается от ее страниц и глядит на своих новых друзей, встает и заботливо, осторожно поправляет изголовье у Пети или у Бориса, проверяет, не дует ли от дверей на Орочко, который жаловался на боли в боку. Потом он поправляет фитиль, опять садится за стол и напряженно читает до утра, не в силах заставить себя уснуть. Перед ним развертываются картины гражданской войны: в муках и борьбе складывалось новое, незнакомое ему общество...

С восходом солнца зазвенел смех. Борис и Петя, свежие после крепкого сна, пошли умыться на речку и, возвращаясь оттуда по морозцу, пустились бегом, оглашая воздух веселыми криками. Лука Лукич сиял как именинник: хозяин кратера показал ему кладовую. Повар нашел там лук, чеснок, разнбe мясо, рыбу, грибы и даже... квашеную капусту, приправленную ярко-красными ягодами брусники и мелконарезанной морковкой.

— Який же вы хозяин, Владимир Иванович, — растроганно говорил завхоз. — Даже грибочков и тех насосили. Цэ ж масляты, сами найкращи грибы. Только где ж вы тут сильь покупаете? Може, тут кооператив какой силью торгуе?

— Нет, — добродушно смеясь, ответил Сперанский. — Кооператива тут нет, и первое время мне было туго без соли. Потом я нашел солонцы — бараны показали, — и с того дня проблема соли была решена.

После небольшой паузы он прибавил:

— Как говорится, беда научит калачи есть. Меня она научила и плотницкому ремеслу и гончарному — смотрите, какая у меня посуда, — и шить она меня научила, и мамонтов дрессировать, и еще многому другому...

После завтрака он пошел к мамонтам, прихватив с собой Любимова и Ускова.

Оба гиганта стояли под навесом в загоне, сложенном из больших камней, и спокойно жевали сухой тростник, запасенный на зиму заботливым хозяином. При виде людей они зашевелили ушами, подняли хоботы и коротко протрубили.

— Постойте... — Усков остановился. — В состоянии они узнать вас, Владимир Иванович, или для них все мы одинаковы? Дайте мне вашу накидку, а вы наденьте, пожалуйста, мою телогрейку. Вот так... А теперь пойдете. Мне кажется, можно смело подойти?

— Не знаю, как они примут вас, но за послушание ручаюсь. Идете...

Лас повернулся первым. Глаза его блеснули. Он наклонил голову и приветственно закачал хоботом. Все трое подошли к нему вплотную. Мамонт потянулся к Ускову, но вдруг как-то недоверчиво фыркнул, и в следующее мгновение хоботом обнял Сперанского и приподнял его до уровня своих глаз.

— Ах ты, Ласковый!.. — проговорил Сперанский, когда мамонт осторожно поставил его на землю. — Догадался. Умница! Вот знакомься с моими друзьями. Да, да... они и твои друзья, Лас...

Лас и Дик настороженно обнюхивали Ускова и Любимова, тихонько пофыркивая и в нерешительности переступая с ноги на ногу, словно не знали, что им делать с гостями... Сперанский погладил сморщенные кончики хоботов и махнул рукой:

— Идите... Идите... Гулять!..

Как послушные домашние животные, гиганты дружно закачали головами и пошли из загона в лес, смешно помахивая коротенькими хвостиками.

— А теперь, друзья мои, я хочу показать вам итоги своей многолетней работы...

Все трое пошли к подножию южной стены. К ним присоединились Борис, Петя, Лука Лукич, уже покончивший с приготовлением обеда, а также Кава с Туем. Пересекли высокий кедровый лес.

Чуть приметная тропинка круто поворачивала к стене. С камня на камень, все выше и выше взбирался впереди группы Сперанский; наконец осыпь кончилась. По самой стене, влево, шел узкий карниз. Хозяин кратера

взошел на карниз и ободряюще кивнул своим спутникам:

— Вот мы и пришли.

В четырех—пяти метрах чернела высокая, в два человеческих роста, щель. Будто здесь чем-то острым рассекли камень и рана так и не затянулась. Но каково же было удивление путников, когда, пройдя шагов пять в узкой щели, они очутились в светлом и высоком белокаменном зале.

— Отчего здесь так светло? — воскликнул Борис.

— Осмотритесь внимательно, мой друг, и вы поймете.

Сверху, почти из-под потолка, в пещеру лился свет ясного дня. Семь широких отверстий, как большие окна, освещали белый потолок, и солнце, отражаясь от него, заливало пещеру ровным, спокойным светом.

Но как ни удивительна была пещера со своими будто нарочно прорезанными окнами, в ней оказалось нечто такое, отчего все до одного члена поисковой партии 14-бис замерли в изумлении.

Они попали в музей, где были собраны самые редкостные экспонаты, какие когда-либо приходилось видеть людям в наше время.

Вдоль одной из стен выстроились, как живые, представители давно вымерших животных. Гигантский олень с гордо поднятой головой и прекрасными почти двухметровыми рогами чуть наклонился вперед, точно изготовился для прыжка. Его густая темно-бурая шерсть поблескивала и отливала свежестью здорового тела; широкая грудь, казалось, вот-вот подымется в тревожном вздохе. И только пустые глазницы рассеивали иллюзию. Огромное, давно исчезнувшее на нашей планете животное было лишь искусно сделанным чуелом.

На большом ровном камне чернел огромный медведь. Если бы рядом с ним поставить взрослого бурого медведя, то он, наш современник, выглядел бы просто годовалым отпрыском этого древнего жителя Земли. Пещерный медведь лежал в позе полной отрешенности. Тяжелая голова с плоским, но очень широким лбом покоилась на вытянутых передних лапах. Чуть выпущенные желтовато-белые когти предупреждающе выглядывали из черной шерсти. Спокойная сила чувствова-

лась во всем облике уснувшего на вечные времена гиганта. А ведь когда-то он наводил ужас на людей каменного века, так же, как и он, искавших пристанища в горных пещерах.

Могучий, уже знакомый нашим разведчикам двурогий носорог стоял на массивных ногах рядом с медведем. Петя вздрогнул: когда и кто успел перетащить носорога с того места, где они уложили чудовище? Но он тут же улыбнулся, вспомнив рассказ Сперанского о борьбе со вторым носорогом. Конечно, это тот злобный огородный вор, убитый возле ограды много лет тому назад.

Молчание нарушил Усков:

— И это все сделали вы, своими руками? Я просто не могу поверить, Владимир Иванович...

— Моими помощниками были только Лас и Дик. Впрочем, их роль ограничивалась переноской тяжестей. Они хорошие носильщики. Тяжелые шкуры животных, материал для набивки чучел, бревна для подставок — все это мамонты принесли к подножию стены и подняли сюда, на уступ.

Но чучела занимали только часть зала. Дальше расположились смонтированные скелеты исполинов. Мамонт, зубр, пещерный медведь, неполный скелет низкого, но длинного животного с ужасными плоскими клыками...

Саблелигр? Пожалуй, он! А под нависшим камнем, в своеобразной известковой нише, стояли пять или шесть человеческих скелетов.

— Откуда они? — спросил Орочко.

— Из глубинных пещер. Здесь недалеко есть бесконечный лабиринт пещер, который я не сумел исследовать до конца. Я находил там кости, приносил сюда и монтировал. Вот этот, — он показал на длиннорукий скелет с приплюснутым, выдававшимся вперед черепом, — современник неандертальца. А остальные — представители более поздних эпох... Вообще в кратере было много стоянок древних людей. Они находили здесь тепло и пищу, в то время как вокруг вулкана шло великое оледенение и холодная смерть наступала все живое. В пещерах еще лежит неприхотливая утварь: каменные топоры, кремни...

— Но как вы уберегаете экспонаты от разрушения, Владимир Иванович? — спросил Усков.

— Очень просто! Видите это углубление? — Сперанский показал на небольшую лужицу изумительно прозрачной воды, окруженную белыми камнями. — Это глубинная вода, насытившаяся где-то в земных недрах известью. Она очень жестка и горька. Эта вода заменила лабораторные растворы: все кости пропитаны известковой водой. Я периодически обмываю ею скелеты и надеюсь, что мои экспонаты смогут служить науке еще долгие-долгие годы.

Внизу отчаянно залаяли собаки. Разговор прервался. Борис и Петя бросились к выходу, но отступили в изумлении, к которому примешивался страх.

Кава и Туй ворвались в пещеру. Шерсть на них взъерошилась, они дрожали, глаза были полны страха. И неудивительно! Двух храбрых собак преследовали шесть или семь фыркающих, сопящих и шумливых медведей. Правда, злобы не видно было у этих увальней, скорее они гоняли незнакомцев просто для потехи.

Вид людей медведей не остановил. Они прямехонько двинулись на собак, но твердый голос Сперанского заставил их сесть на задние лапы.

— Назад!

Он подошел к переднему медведю и взял его за ухо. Зверь взвизгнул.

— Зачем ты здесь? Назад! Еще назад! Все назад! Ах вы, глупые. Да я вас!..

Если бы у медведя хвост был такой же длинный, как у собаки, возможно, люди увидели бы, как Топтыгин поджал его. Но медвежий хвост короток и не может так образно выразить покорность. Медведи сбились в кучу и, толкая друг друга, выкатились из пещеры к удовольствию собак, которые теперь заливались победным лаем.

— Ну вот, первое знакомство... У меня тут десятка два или три бурых. Я их подкармливаю. Можете их не бояться, они игривы и добродушны. Избегайте только медведиц с детенышами.

После этого инцидента Кава и Туй больше не испытывали желания отходить от своих хозяев и, высунув языки, улеглись, всем своим видом показывая, что встре-

ча с мохнатыми приятелями произвела на них большое впечатление.

— Что вы искали на Севере, друзья? — неожиданно спросил Сперанский. — Я знаю, вы геологи. Но что именно интересует вас?

— Золото, олово, вольфрам, — ответил Усков.

— Понимаю. И нашли, конечно?

— Дневник Иванова помог нам. Мы нашли ручей, на дне которого вы когда-то ночевали с Ивановым. Кроме того, нашли золото.

— Много?

— Много. Но стране много и надо.

— Да-а... — Сперанский вдруг задумался.

Он как будто хотел сказать еще что-то, но не сказал. Усков понял его и тоже промолчал.

Не надо спешить. Доверие приходит не сразу.

Глава двадцатая,

*из которой видно, что положение не столь безвыходное,
как считал Сперанский*

Начальник партии решил не терять даром времени. Он собрал всех и сделал краткое заявление.

— Конечно, — начал он, — изучить кратер и его природу очень интересно. Но сейчас самое для нас важное — выбраться из кратера. Вы представляете, как там беспокоятся? Сколько времени о нас ни слуху ни духу! Нас уже, вероятно, ищут конные и пешие, на земле и с воздуха. А потому предлагаю, не теряя ни минуты, тщательно обследовать стены кратера. В южной стене должны быть сквозные пещеры. Я в этом убежден.

Геолог внезапно замолчал: он встретился глазами со Сперанским и понял, что, сам того не желая, обидел человека. Неужели за эти долгие годы Сперанский не обследовал все стены, и южную в том числе! Он уж, кажется, изучил кратер метр за метром, ошупал и простучал все углы и закоулки! Увы! Ничего, хотя бы отдаленно похожего на надежду.

— Вот когда чувствуешь, что значил для нас этот маленький радиопередатчик: без него мы действительно отрезаны от мира! — заметил Борис.

— Это верно... — сказал Орочко. — Без рации — беда. Но ведь нас обязательно будут искать, появятся самолеты... Давайте подготовимся, станем подавать сигналы, нас увидят... Я за то, чтобы подождать.

— Нет, Александр Алексеевич, это вы оставьте! — нетерпеливо перебил его Усков. — Сложив руки мы сидеть не будем.

— Я не совсем понимаю, — тихо и неуверенно вставил Сперанский. — Вы говорите — самолеты? Это летательные аппараты, аэропланы, да?

Петя и Борис переглянулись и улыбнулись. Усков строго посмотрел на них.

— Совершенно точно! — сказал он. — Наша отечественная авиация занимает одно из первых мест в мире... Вы слышали о Циолковском, о Жуковском?

— Припоминаю эти имена. Воздухоплавание... Ракеты. Так?..

— Так. А что такое рация, вы знаете? Нет, конечно. Переносная радиостанция. Открытие кронштадтского инженера Попова помните? Беспроволочный телеграф — так оно тогда называлось.

— Как же, знаю...

— Ну вот, теперь такая телеграфная станция укладывается в сундучок, и — пожалуйста! У нас тоже есть...

— Была, — поправил Любимов.

— Ну да! Была, но погибла с нашим имуществом. Иначе мы бы уже давно вызвали помощь. Впрочем, я уверен, самолеты давно уже ищут нас.

— А туман? Нас сверху не увидят! — вставил Орочко.

— Ничего, — упрямо сказал Усков. — Я уверен, что мы можем надеяться не только на помощь извне, но и на самих себя.

Сперанский обвел всех повеселевшими глазами.

— Нас теперь много, и это меняет дело, — неожиданно сказал он. — Видите ли, в кратере действительно остался один уголок, не до конца мной обследованный. Я, признаться, пытался, но это оказалось просто не по силам одному человеку.

— Какая-нибудь особенно глубокая пещера? — спросил Усков.

— Вот именно. Очень запутанная пещера. Я не мог

туда проникнуть. Может быть, просто не мог преодолеть страх. Не стану скрывать, что после первого обвала...

— ... у вас нет желания попасть во второй?! Вполне вас понимаю, — улыбаясь, сказал Усков.

Сперанский тоже рассмеялся.

— По-нашему, это называется рефлекс, — сказал он и прибавил: — Так вот, есть одна пещера, которая, как мне кажется, ведет в самую преисподнюю. Она находится как раз в южной стене, несколько правее той, через которую я проник в кратер.

— Покажите нам, дорогой Владимир Иванович. Ведь мы геологи, пещеры нам надо видеть своими глазами.

Скоро вся группа была у заветной пещеры.

В стене чернел необычайно широкий и высокий вход. Усков сразу понял, что своим образованием пещера обязана воде: только вода может размыть в податливых известняках такие огромные пустоты. Геолог стал искать глазами следы водного потока. Сперанский сразу понял это и указал на ложбину, густо поросшую лесом.

— Когда я нашел эту пещеру, мне тоже захотелось раньше всего узнать, как она возникла. И я понял: река. Та самая, которая выходит из озера. Она нашла узкую щель в стене, размывла ее и ушла, оставив нам в наследство эту жуткую пещеру. Одно мне неясно: как, по-вашему, дно нашего кратера выше внешних долин или ниже?

— Выше. Примерно на триста—четырееста метров.

— Припоминаю... Да, да... Ну конечно! Кратер выше. А это значит...

— А это значит, что ручей пробежал по пещере и вытекал где-то за пределами Эршота в большой мир. — Усков даже порозовел от волнения. — Понимаете, вытекал!

— Пошли! — решительно воскликнул Борис и поправил ремень ружья на плече с таким бравым видом, как будто ему предстояло тотчас броситься в бой.

Петя, в свою очередь, шагнул к пещере, готовый не отставать от друга. Но Сперанский только улыбнулся.

— Погодите, дети, — сказал он мягко, боясь обидеть возбужденных юношей. — Это делается не так, не сразу. Мы, конечно, пойдем в глубь горы, но давайте запасемся всем необходимым...

Усков кивнул в знак согласия:

— Свечи, пища, одежда, обувь... На экипировку потребуется несколько часов. Выступим завтра. Но я полагаю, Владимир Иванович, что нам будет полезно осмотреть сейчас хотя бы предмостное укрепление твердыни, которую мы собирались штурмовать...

Первый зал пещеры встретил их гулким эхом. Потолок поблескивал сырым отшлифованным камнем. Когда путники привыкли к полумраку, они увидели, что находятся в круглом, почти правильной формы гроте с песчаным дном, уходящим чуть наклонно вниз.

Только гигантской силы водоворот мог создать этот зал. Сюда когда-то с ревом врывалась вода и, прежде чем уйти в глубь земли, шлифовала камень, пядь за пядью разрушая гору.

Усков сказал:

— Вода входила сюда свободнее, чем выходила. Значит, дальше проход будет узкий.

— Вот он... — показал Сперанский на дальний угол пещеры.

Пол опускался вниз неровными уступами, зал сужался, постепенно становился коридором, потом щелью — черной щелью, откуда несло сыростью и каким-то влажным, гниловатым теплом.

— Да-а... — неопределенно протянул Любимов, первым спустившийся в черную щель. — Жуткое место. Сколько ни хожу по белому свету, в такой дыре бывать еще не приходилось. Однако завтра попробуем...

Все замолчали, к чему-то прислушиваясь. Но в подземелье царило мертвое молчание. Кава потерялась боком о ноги Любимова и тихонько заскулила.

— Ну вот, и ей страшно, — усмехнулся Любимов. — Пойдемте, товарищи.

На свету, под белым, по-зимнему низким, но таким привлекательным небом все облегченно вздохнули и бодро пошли к дому, на ходу обсуждая детали намеченного путешествия. Было решено, что в пещеру пойдут трое: Усков, Любимов и Борис. Хватай-Муха, Петя, Сперанский и Орочко остаются в кратере. На первых двух возлагаются повседневные дела. Владимир Иванович и Орочко пройдут вместе с оперативной группой в глубь пещеры до предполагаемой середины и останутся там

для связи. Поиски не должны длиться более суток. Через сутки Усков и его спутники обязаны вернуться при всяких условиях.

Чуть посерело небо над южной стеной, как все тронулись в путь. Шли молча, гуськом. Было прохладно и как-то тоскливо. Даже собаки и те тащились понуро, не выражая радости по поводу столь раннего путешествия.

Сперанский шел впереди. Он уверенно нащупывал едва заметную тропу и, не оглядываясь, изредка бросал через плечо короткое: «ветка», «камень», и эти слова повторялись по цепи от Любимова до Хватай-Мухи, замыкавшего шествие. Через полчаса вся группа стояла перед входом в пещеру.

Рассвело. Открылся лес, блеснуло озеро; южная стена поблескивала искорками инея; над ближним источником клубился пар. Шель казалась черной пастью. Над верхним сводом пещеры у входа блестела густая полоса инея. Орочко указал на нее:

— Из пещеры выходит теплый и влажный воздух. Видите, выше он застывает и обращается в иней. Какой «дух» топится там печи, в этой глубине?

Сперанский улыбнулся:

— Бог недр, Плутон. Вероятно, в пещере есть трещины, они соприкасаются с огнедышащей глубиной, возможно даже с близкой лавой...

Усков поддержал разговор:

— Вы, конечно, в свое время слышали о наличии в природе радиоактивных элементов?

— Помню, очень хорошо... Уран. Мария Кюри-Склодовская, ее муж. Радий... Странное, весьма активное излучение, засвечивающее фотопластины...

— Так вот, в этом направлении за последние десятилетия сделан очень крупный шаг вперед. Достоверно доказано, что радиоактивные элементы, в частности уран и торий, постоянно излучают огромное количество энергии, при этом их атомы распадаются. В глубине Земли немало таких, а возможно, и других, еще не известных нам, радиоактивных элементов. В условиях огромного давления в земной толще происходят таинственные процессы. Температура Земли в глубинах достигает очень высокого

уровня. Появляются огонь и лава, возникают и действуют вулканы, гейзеры, горячие источники...

Пока шел этот разговор, остальные участники похода распределили между собой вещи и проверяли, все ли взято. Любимов осмотрел снаряжение, связал охапки сухих поленьев, шепу. И вот пять человек из семи скрылись в черной пещере, напутствуемые Петей и Лукой Лукичом.

Свечи, сделанные из бараньего сала с фитилем из волокна канатника, горели неярким, желтым светом, выхватывая из темноты скользкие, влажные стены, отполированные водой. Шли молча. Впереди с электрическим фонариком, еще сохранившимся у разведчиков, осторожно и медленно шел Любимов. Пещера круто спускалась вниз. Воздух был насыщен запахом застойной воды, чуть пахло сероводородом, но пламя свечей — этот верный индикатор кислорода — горело ровно, чуть потрескивало и никакой опасности не предвещало.

Усков, шедший вторым, держал компас и лист бумаги. Он отмечал каждый поворот коридора, и на бумаге росла и удлинялась странная, витой формы линия. Вправо, влево, еще влево чуть ли не полукольцом, затем прямо, опять вправо и все время вниз и вниз. Барометр-высотомер, который нес Борис, показывал сперва сто, потом сто двадцать метров понижения, полтора ста, сто семьдесят...

Когда исследователи прошли больше чем полтора километра, Любимов остановился.

Перед ними темнела вторая, необычайно широкая пещера. По знаку проводника все стали говорить шепотом. Любимов показал на большие глыбы камня, валявшиеся на полу: следы обвалов свода...

— Обвалы могут произойти и сейчас, — сказал он.

— Было бы желательно вызвать их искусственно, — ответил Усков.

Люди отступили назад в узкий проход, проверили, надежен ли потолок над ними, и...

Борис вскинул ружье. Выстрел! Залп целого артиллерийского полка показался бы жалкой хлопушкой по сравнению с грохотом этого выстрела. Эхо ударилось в камни, пронеслось над сводом, метнулось вниз, в стены, снова вверх; и внезапно загрохотали камни, погасли свечи, пыль заставила всех закрыть глаза и зажать носы.

Разведчики подождали несколько минут, пока осела пыль и успокоился потревоженный воздух. Любимов высек огонь и зажег все пять свечей.

Теперь зал нельзя было узнать. Стотонные глыбы рухнули. Половина пустоты, которая только что зияла в сердце горы, оказалась заваленной. Где-то далеко впереди еще грохотало. Там, медленно слабея и затихая, продолжался камнепад.

— Подождите меня, — проговорил Любимов и пошел по камням вперед.

Он вернулся минут через десять:

— Нашел! Ход идет чуть влево. Там свободней. . .

Когда разведчики миновали опасную зону и снова втянулись в узкий коридор, Любимов предложил здесь устроить промежуточную базу.

— Мы прошли больше двух километров. Похоже, что отмахали половину пути, — сказал он.

— Похоже? — как-то иронически сказал Усков. — А по-моему, это ни на что не похоже. Вы только посмотрите схему! Крутимся, вертимся в этой проклятой горе — и ни с места! Ничего не понимаю!

На листе бумаги вились тонкие линии маршрута.

Бесчисленные повороты увели разведчиков не на юг, куда они стремились, а на запад.

Быть может, если бы Усков перед началом пути сделал абрис кратера, он бы не сказал, что ничего не понимает...

Но об этом — позже.

А пока что партия разделилась на две группы. Сперанский и Орочко остались на месте. Усков, Любимов и Борис тронулись вперед.

— Ждем вас сутки, до одиннадцати часов утра завтра. Не задерживайтесь...

Группа скрылась за поворотом. Стало тихо.

— Поищу воды, — предложил Сперанский и, взяв свечу и кожаное ведро, пошел в каменный зал.

Орочко задумался, глядя на огонек свечи. Агроном мысленно представил себе, какая огромная гора висит над ним, и ему стало не по себе. Он беспокойно заерзал на своем сиденье и поставил свечу поближе.

Вернулся Сперанский. Он принес полное ведро воды. От нее пахло тухлым яйцом, цветом она напоминала жидкое кофе. Пить, конечно, нельзя было, и Владимир Иванович отставил ведро в сторону.

— Знаете, — сказал он с тревогой в голосе, — моему, товарищи пошли по ложному пути. В центре зала, под камнями, я нашел лаз, идущий вниз. Кажется, это и есть русло подземной реки. Там еще до сих пор имеются остатки воды.

— Пролезть можно?

Сперанский покачал головой:

— Вряд ли. Щель забита камнями. А потом, мне думается, она слишком узка.

Они перекинулись еще несколькими словами и замолчали. Повисла гнетущая тишина. До боли захотелось на воздух. Орочко вздохнул.

— Давайте пока погасим свечу, Александр Алексеевич, — предложил Сперанский, — будем экономить. А вы мне пока расскажите еще что-нибудь о том, как теперь живет Россия.

Пока Орочко рассказывает, трое разведчиков идут по пещере всё дальше и дальше.

После трех—четырёх часов блужданий, где в пол-

ный рост, где на четвереньках, Борис установил по барометру, что они поднялись на триста метров. Пещера вела на восток, затем повернула на запад и снова на юго-запад. Люди устали.

— Бесцельное блуждание! — раздраженно буркнул Усков. — Мы сейчас так же далеки от цели, как были в начале пути.

Вдруг пламя свечей заколебалось. Все остановились. Откуда-то спереди и сверху потянуло свежим воздухом. Прошли еще метров семьдесят, и — о радость! — чуть выше человеческого роста сияло пятнышко дневного света. Лучик, словно огненный меч, прорезал тьму коридора и неподвижно упирался в стену. Каким жалким казался перед этим лучом тусклый огонек свечи! Сердце забилося надеждой. Все прикинули к отверстию. Это была трещина в камне. В одном месте кусочек камня вывалился, и небо проглядывало через отверстие.

— Скорее за дело! — воскликнул Усков. Нервным движением он сбросил заплечный мешок и лихорадочно принялся прошупывать камни молотком. — Э, да тут вся стена в трещинах!

Любимов и Борис без труда раскачивали и сбрасывали на пол целые глыбы. Свет становился все ближе, все ясней! Неужели выход? Но вот выворочен огромный обломок стены. Угрожающе шурша, сверху посыпался щебень.

— Назад! — крикнул Любимов.

Каменная плита, лишенная опоры, лениво накренилась и с грохотом осела. В пещеру хлынул воздух. Свечи потухли. Разведчики невольно зажмурились. Когда они открыли глаза, перед ними сиял тихий осенний день.

Они увидели лес. Густые ели стояли величаво и спокойно, в отдалении поблескивало озеро, журчал ручей, желтым ковром трав расстился большой луг. А над всем этим мирным пейзажем возвышалась неприступная серая стена.

Так и есть, они всё еще были в кратере, в том же самом кратере! Вот куда их вывел подземный лабиринт!

И сразу померкло для них сияние дня. Они спустились вниз, в кратер, и через какой-нибудь час были опять у входа в пещеру, у того самого входа, в который во-

шли утром. Петя и Лука Лукич растерялись, когда в вечерних сумерках увидели приближающиеся неясные фигуры. Но Кава и Туй с веселым лаем бросились навстречу и так отчаянно взмахивали хвостами, что Петя даже выразил опасение, как бы хвосты не оборвались.

Итак, пещера оказалась замкнутой. Вернее, в горе шли и сходились в центральном зале два лабиринта — мокрый и сухой. Река терялась именно в том зале, где они произвели большой обвал. Оттуда и следовало поискать верный путь.

— А все-таки, — твердо сказал Усков, — поиски надо продолжать. Борис, ты теперь оставайся здесь; Петя тебя сменит.

Орочко и Сперанский, сидевшие за мирной беседой в полной темноте, удивились и даже испугались, когда слышали позади себя непонятные звуки, не то повизгивание, не то шумные вздохи. Что-то жаркое и лохматое бросилось Орочке на грудь и свалило его на холодный пол пещеры.

В ту же минуту блеснул луч света, вдалеке послышались голоса, и не успел Сперанский зажечь свои свечи и поднять Орочко, как их уже окружили друзья.

— Что это было? В чем дело? — спрашивал агроном, еле приходя в себя.

Негодная Кава! Она стояла рядом, виляла хвостом и удивленно поглядывала на людей, нисколько не догадываясь, что напугала их.

Развели костер, отдохнули, а затем разбрелись со свежами по залу искать пропавшее русло подземной реки. Сперанский повел Ускова к замеченной им щели. Осмотрели место. Не оставалось сомнения, что именно эта трещина и отводила воду из зала. Она была забита камнями, которые падали со свода в течение многих сотен лет. Дальше пути не было...

Настроение упало. Рухнула еще одна надежда на освобождение.

Когда собрались уходить, Петя, желая опорожнить ведро, вылил воду на тлеющие угли костра. Раздался сильный треск. Все удивленно оглянулись. Плоский камень, на котором горел костер, лопнул и развалился на несколько кусков. Правда, камни часто лопаются от резкой перемены температуры...

Но Любимов долго и задумчиво смотрел на потрескавшуюся каменную плиту. Какая-то мысль беспокоила его. Но Николай Никанорович решил хорошенько все обдумать раньше, чем говорить. Он был противником скоропалительных выводов.

Глава двадцать первая

Огонь и вода — против каменных скал. —

Сокровища деревянного ларя. —

Удивительная рыбацкая артель Луки Лукича. —

Пещера смерти

Разведчики вернулись домой поздно, и сон быстро свалил их. Горечь неудачи они хорошо почувствовали только утром.

Усков угрюмо молчал, Орочко хмурился. Сперанский с Борисом и Петей молча пошли по хозяйству. Они прошли в загон для баранов, накормили их, а потом отправились ловить рыбу.

Когда вернулись домой, Любимова и Ускова уже не было.

— Ушли ось туда, — указал им на юг Лука Лукич. — Взяли свечки, топор, ведро и подались. Мабуть, опять у пещеру...

Сперанский и Орочко занялись гербарием. Оказывается, у Владимира Ивановича была собрана обширная коллекция местных растений. Под навесом лежали целые штабеля из гладко очищенной коры липы. Гербарий Сперанского с такого рода прослойками весил не менее двух тонн.

— Ни бумаги, ни сеток! — оправдывался хозяин. — Пришлось использовать лубок. И, знаете, ничего получилось. Растения высохли нормально, цвета не потеряли. Здесь девятьсот с лишним видов. Каталог вы найдете в моих записях на стене пещеры.

Но вот показались Усков и Любимов. Они шли довольные и веселые, жестикулировали и о чем-то оживленно беседовали.

— Эврика! — еще издали крикнул Усков. — Нет худа без добра! Нашли!..

— Что нашли? Выход?

— Пока еще нет. Но есть хорошая мысль. Теперь дело за нами. Только за нами.

Любимов, оказывается, недаром так пристально глядел на лопнувший в пещере камень. Он понимал, что наиболее тонкая преграда, отделяющая их от внешнего мира, — это скала, которая закрыла Сперанского в кратере. Какой она может быть толщины? Ну, десять, двадцать, ну, тридцать метров, но ведь не больше! Это не так уж много в конце концов.

Когда Петя вылил на раскаленный камень воду и плита лопнула, в голове у проводника немедленно возникла мысль: огонь и вода, вот что может заменить ломы и кирки, которых им так недоставало! Ускову мысль понравилась, и они решили посмотреть, что из этого может получиться.

Представьте себе прямоугольник в несколько десятков кубометров плотного камня; он осел в проходе так прочно, будто лежал здесь со времени создания мира. Лишь внизу по углам виднелись небольшие щели.

Любимов заложил в один из углов дрова и зажег их. Два кожаных ведра с водой стояли рядом. Дым заполнил пещеру, пламя свечей померкло, Усков закашлялся.

— И как ты терпишь, Николай Никанорович?

— Глазам копченым дым нипочем... — отшутился проводник.

Но вот дым потянуло вверх — видно, нашелся выход. Стало легче дышать, ярче разгорелись дрова. Стена почернела от копоти. Через два часа костер прогорел. Любимов выгреб угли и скомандовал:

— Лей!

Усков плеснул водой на черные камни. Раздался характерный треск. Небольшие куски отскочили. Еще одно ведро. И еще несколько камней, шипя, упало на пол — всего, пожалуй, четверть кубометра.

— Начало положено! — весело воскликнул геолог. — Теперь ясно: дрова, дрова и дрова! Вода, вода и вода!

— Вот и я так думаю, Василий Михайлович. Теперь надо аврал объявить... Айда домой, за людьми, — предложил Любимов.

Они заторопились, и тут Усков, очевидно забыв, что просидел столько времени в дыму и копоти, вытер вспо-

тевшее лицо рукой, отчего копать размазалась по всему лицу. Любимов взглянул на него и расхохотался. Усков, однако, не обиделся:

— Пожалуйста, дружище, смейся сколько душа просит, только давай поскорей за людьми.

Однако как Усков не спешил, но, пройдя от выхода из пещеры шагов десять, он остановился, поднял с обнаженной земли осколок трещиноватого камня и стал так внимательно, с такой сосредоточенностью рассматривать его, что Любимов даже встревожился:

— В чем дело?

— Кимберлит!.. — прошептал Усков.

— Кимберлит? Это что еще такое?

Любимов недоуменно посмотрел на серо-голубой камень, который держал Усков. А у того глаза уже сверкали от возбуждения.

— Раз кимберлит, друг ты мой дорогой, то могут быть и алмазы! Ни больше, ни меньше! Понятно? Это выветрившаяся, разрушенная вулканическая магма. Миллионы лет назад, в глубочайших недрах Земли, в условиях огромного давления и сверхвысоких температур, в расплавленной магме родились кристаллы алмазов — по-особому сложившиеся молекулы чистого углерода. Прошли еще миллионы лет, и магма где-то прорвала земную кору, вырвалась наверх, образовав «трубу», наполненную вот этой голубой породой, остывшей магмой, которая и называется кимберлитом.

— Ну и что?

— А то, что в кимберлитах залегают алмазы. Понятно? Это алмазоносная порода! Где-то здесь есть алмазы! Это в десять раз важнее золота и платины!

Усков говорил громко, почти кричал. Однако внезапно он тихо прибавил:

— Но пока — все-таки молчок! Я, конечно, уверен на девяносто девять с половиной процентов, что это кимберлит. Но все-таки еще разок проверю. Потому что геологу брякнуть такую штуку и ошибиться — это, знаешь, не подобает. Так что пока — молчок!

Друзьям они рассказали только о своем опыте с водой. Впечатление было неопишное.

— А все Петя! — заявил Любимов. — Это он первый плеснул водой на костер.

— А воду принес Владимир Иванович.

— А костер сложил Орочко.

— Ну, уж если так, то пошли мы в пещеру по распоряжению Василия Михайловича.

— Решаем: авторство принадлежит всему нашему коллективу, — подвел итог Усков. — И давайте завтра с утра готовиться к штурму. А сейчас — спать!

Но сон никак не шел. Все лежали и мечтали о том, как они вернутся на Большую землю.

Неожиданно заговорил Сперанский:

— Конечно, наша наука получит интересные данные о прошлом Земли. В кратере Эршота проведут изыскания, сделают раскопки. Наука извлечет большую пользу. Но будет и материальная польза...

— Разумеется, Владимир Иванович, — откликнулся Усков. — Россыпи на безымянной речке, которую мы нашли благодаря записке вашего покойного товарища, дадут стране то, что вы называете материальной пользой. Возможно, нам удастся найти еще кое-что...

— Оно уже найдено, Василий Михайлович, это «еще кое-что»...

Усков резко поднялся на локтях:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду кое-какие вещицы, которые лежат сейчас рядом с нами, уже много лет...

С этими словами Сперанский встал и, заметно волнуясь, зажег свечи. Встали и разведчики. Владимир Иванович торжественно поднял руку:

— Вот какой дар я хотел бы передать новой России!

Вдоль стены стоял узкий, но длинный ларь, сколоченный из плах кедровника. Он служил и лавкой и одновременно постелью. Сперанский снял шкуры и приподнял плахи, служившие крышкой.

По дну ларя были густо рассыпаны небольшие камешки, иные — с орех, иные — меньшего размера. Под пляшущим огоньком свечи они излучали нежный свет, мерцали, переливались. Одни отливали зеленоватым цветом, другие бледно-голубым, третьи теплились розоватым. Некоторые были прозрачные, как свежая капля росы...

— Алмазы! Кристаллы алмазов! — воскликнули разом Усков и Любимов.

Сколько их тут было — трудно сказать. Никто еще не видел, чтобы драгоценные камни лежали вот так, навалом, как овес в закроме.

— Вот это да! — простодушно сказал Борис.

— О, це ж сила!.. — ахнул Лука Лукич.

А Усков уже с профессиональным азартом рассматривал отдельные экземпляры драгоценного «цветка земных глубин».

— И всё в кратере? — только спросил он.

— Конечно... Я достал их из неглубокой шахты в голубой глине около моей пещеры...

В первую минуту Сперанский, откровенно говоря, был поражен, когда не увидел блеска жадности в глазах своих новых друзей. Уж не сомневаются ли они? Но как же геологи могут тут сомневаться, когда все так очевидно?! И вдруг он понял: это люди нового воспитания, новой эпохи, это люди социалистической России. Алчность, жадность, стяжательство, по-видимому, чужды им. Ему сделалось неловко из-за того, что он до сих пор скрывал это богатство, точно боялся их, не доверял им.

Василий Михайлович рассказал — и довольно весело, — как они с Любимовым нашли сегодня вечером голубую породу и как он сразу решил, что это кимберлит, но не сказал ему, Сперанскому, так как хотел еще раз осмотреть выходы этой породы при дневном свете. Но теперь у него всякие сомнения отпали.

Он прибавил, смеясь:

— Я уверен, Владимир Иванович, что вы даже не догадываетесь, какую ценность сейчас представляют алмазы. Вы думаете — дамские украшения? Ювелиры отшлифуют их, покроют мельчайшими гранями, и появятся бриллианты для колец и брошек?

— Конечно... А деньги пойдут государству...

— Не совсем так, дорогой доктор. Сейчас алмазы — огромная ценность для многих областей техники. Самые твердые сплавы обрабатываются резцами из алмазов. Буры с алмазными коронками сверлят любую горную породу. Точная механика не может обходиться без алмазов. Так что это не просто дорогие безделушки, а нечто весьма и весьма важное для страны...

Спали в эту ночь не очень крепко, однако утром вско-

чили бодрые и полные энергии. Всем не терпелось поскорей пойти на штурм пещеры.

— Предлагаю, — сказал Усков за завтраком, — организовать работу в три смены, по два человека в каждой. Костры должны гореть непрерывно!..

Лагерь, если бы на него посмотреть со стороны, выглядел очень шумным и деятельным.

Из бараньих шкур шили бурдюки для воды, заготавливали дрова. Сперанский и Любимов подтаскивали толстые веревки. У хозяина кратера оказался солидный запас их еще с того времени, когда он свозил в одно место экспонаты своего музея. Вережки эти толщиной в семь — восемь сантиметров были свиты из стебля канатника, который рос в кратере в большом количестве. Из веревок сделали постромки и закрепили их на волокуше, сооруженной из молодых деревьев. На таких волокушах, только меньшего размера, жители Севера возят по бездорожью сено.

— Лас! Дик!.. Гха! Гха! — раздалось по лесу.

Мамонты затрубили в ответ. Глухой звук слышался из зарослей, где животные кормились, обламывая молодые веточки лиственниц. Затрещали кусты, зашатались деревья, и первым на полянку вышел Лас, за ним, высоко задрав голову и бивни, спешил его друг Дик.

— Умные животные! — не удержался Любимов от возгласа восхищения. — Прямо как ученые слоны!

— Э, нет, слоны — разбалованные животные, — возразил Сперанский. — А мои Лас и Дик — дети природы в полном смысле этого слова. Я не помню случая, чтобы Лас обидел меня или сделал мне больно. Наше любимое занятие — купание. Я взбираюсь Ласу на шею. Лас заходит по брюхо в озеро, набирает в хобот воды и окатывает сильной струей свою спину, а заодно и меня. А я растираю осколком камня его загривок, и он только похрюкивает от наслаждения. Так мы можем купаться часами. Потом он осторожно обнимает меня хоботом и ставит на землю. Его глаза в эти минуты сияют от удовольствия. Во время таких операций Дик обязательно трется боком о бок товарища и тоже обдаёт себя фонтаном воды, смешанной с песком. Мы много с ним работали, таскали дрова, расчищали дороги, промывали золото, корчевали большие пни и кустарники, пахали. Да-да,

именно пахали! Я приспособил для этого корень самшита, который растет в восточной части кратера. Так вот, моя соха с веревочными постромками понравилась мамонтам. Они охотно давали себя запрячь и без возражений тянули.

— И шли точно по борозде? — не без иронии спросил Орочко.

— К этому я не мог приучить их. Пришлось пойти на хитрость. Вдоль борозды я втыкал колья с пучками сладкой осоки. И они шли от вежи к веже, чтобы отправить себе в рот свое любимое лакомство. Но возникла трудность: Лас и Дик решили, что раз они пахали, то они же являются и хозяевами урожая, и начисто всё съели. Но я нашел выход.

— Какой же?

— Очень простой. Я заметил, что мамонты питают инстинктивный страх перед трупами и даже костями своих павших собратьев. Дик и Лас всегда старательно обходят кладбище мамонтов, и никакая сила не заставит их переступить запретную зону. Только когда мамонт чувствует близость смерти, он идет на могилы своих предков и уже навсегда там остается. Так вот, мне пришлось принести больше сорока бивней и костей мамонтов и расставить их по границам своего участка. Дик и Лас подолгу стояли перед редкой, но священной для них оградой и ни разу не осмелились переступить ее. А ведь полакомиться молодыми стеблями ячменя и чіной для них, даже когда они сыты, истинный праздник.

— А что это за чина, Владимир Иванович? — внезапно спросил Петя.

— Вчера снідали кашу из чины, а сегодня спрашивает! — усмехнулся Лука Лукич, который действительно только накануне приготовил плов, где рис заменила чина.

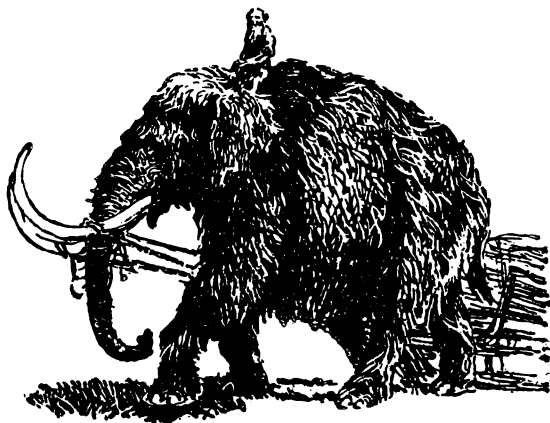
— Это низкорослое бобовое растение Севера, далекий родич нашей вики, или, вернее, чечевицы. Она прекрасно растет здесь вместе с ячменем, с вейником Ландсдорфа и с другими злаками и дает, правда, немного зерен, но очень вкусные и питательные...

Пока шел разговор, волокушу нагроулили дровами, и Сперанский позвал Ласа. Гигант приблизился; Сперанский проворно взобрался на него, накинул канаты на

бивни, и Лас, под восторженные крики одобрения всех окружающих, легко, как пушинку, потянул огромную волокушу с пятью кубометрами дров. Разведчики последовали за ним. Дик плелся позади. Видно, он не любил оставаться в одиночестве.

В пещеру вошли все. Перенесли туда дрова, воду, свечи. Потом Лас привез еще несколько волокуш дров.

Жарко стало на всем более чем километровом протяжении подземного коридора. Горячий воздух застаивался, дым стелился под потолком. Разведчики по очереди дежурили у костров, вытаскивали прочь отколовшиеся горячие камни, и скала понемногу-помаленьку, но все же поддавалась.

...Так прошло много зимних дней. Это были дни тяжелого, упорного труда. Но люди решили во что бы то ни стало вырваться из кратера.

Как-то раз к Хватай-Мухе пришли «гости».

Семь или восемь медведей топтались у порога хижины. А повар оставался один. Все ушли на работу. Трудно сказать, что привлекло медведей. Просто ли игривое настроение, наступившее в связи с мягкой погодой, или запах жареной рыбы возбудил инстинкты северных рыболовов, какими испокон веков являются бурые медведи — любители таскать из воды полумертвую кету, гор-

бушу и кижуча. Во всяком случае, гости пришли, и Лука Лукич из гостеприимства (а может быть, и просто во избежание неприятных объяснений с представителями косолапой породы, которые, как известно, очень легко переходят от необузданного веселья к необузданной свирепости) вынес гостям соответствующее угощение. При этом он имел неосторожность взять с собой все большое блюдо из бересты, в которое сложил жареную рыбу, приготовленную на обед разведчикам.

Ах, как аппетитно пахнет рыба! Медведи тотчас окружили Хватай-Муху и, вытягивая дудочкой губы, с жадным причмокиванием стали рвать у него из рук угощение. Повар блаженно улыбался. Но вот какой-то ловкач подкрался сзади, обнюхал блюдо и тут же потерял способность держаться в рамках пристойности. Он сгреб всю посудину и потянул ее к себе.

— Ну, ну! — крикнул рассерженный хозяин. — Геть! Ось я тебя!..

Где там! Рыба посыпалась на землю. Сделалась «куча мала». Медведи сразу передрались. Полетели клочья шерсти. Испуганный Хватай-Муха в три прыжка оказался в хижине.

Тут он призадумался. Шутки шутками, а придут свои, и кушать нечего... Лука Лукич выглянул. Медведи поели рыбу и остепенились. Одни ходили по поляне, другие лениво топтались на месте происшествия, обнюхивая землю, где уже никакой еды больше не оставалось. Вид у них был по-прежнему очень добродушный, от бывшего озлобления не осталось и следа.

— Хай вам грець!.. — буркнул Лука Лукич и сплюнул с досады.

Взгляд его остановился на удочках, стоявших у стены. Он быстро нарезал на кусочки остатки рыбы и отправился на речку. Медведи с любопытством уставились на него. Лука Лукич сделал вид, что не замечает их, и быстро пошел туда, где ручей разливается в маленькое озеро. Здесь было особенно много хариусов, любящих попрыгать из быстринки в спокойную воду.

Медведи неторопливо, но в полном составе тронулись за рыболовом. Вот и быстринка. Хватай-Муха сел на берег. Медведи расселись сзади полукольцом. Рыболов размотал леску, насадил кусочек рыбы, поплевал на

него, как полагается, и забросил. Медведи смотрели, и любопытство разгоралось в их маленьких желтоватых глазках. Хариус клюет сразу, берет приманку с отчаянной решимостью. Есть! Лука Лукич потянул леску, и над водой блеснула рыба чешуя. От нетерпения медведи привстали. Рыболов снял добычу и насадил ее на кукан. Зрители подтянулись еще ближе к берегу. Еще одна! Еще! Еще! Клёв шел непрерывно. Кукан обрастал рыбой. Теперь медведи сгрудились возле самого рыболова и, не отрываясь, смотрели на рыбу. Но вот Лука Лукич выдернул из воды еще одного хариуса. И не успела леска с крючком описать в воздухе положенный круг, как один из медведей подпрыгнул, на лету сорвал добычу лапой и тут же, без лишних формальностей, отправил в пасть.

— Кыш, ты! — заорал рассерженный рыболов и хлестнул озорника удочкой.

Медведь заорал и отпрыгнул в сторону. Но шайка не дремала. Стоило Луке Лукичу отвернуться, как три проворных юнца бросились на кукан и вмиг разнесли всю связку, причем тут же успели подраться между собой, выкупались в воде и распугали всю рыбу.

Хватай-Муха обозлился. Он схватил камень и угодил одному ворishiке в бок, другого огрел удочкой, третьему поддал пинка. Медведи разбежались и попрятались по кустам.

Если бы Лука Лукич в эту минуту увидел Сперанского и пожаловался на озорников, то Владимир Иванович только рассмеялся бы. Вот уже много лет, как он в свободное время устраивал подобные игры: садился с удочкой на берегу и таскал для мишек рыбку за рыбкой. А сзади толпились жадные «болельщики». Они так привыкли к этой веселой игре, что поведение Луки Лукича озадачивало их и рассердило... Подумаешь, ему рыбы жалко! Но он не знал местных обычаев и в поведении медведей видел только злое озорство.

Итак, рыбная ловля сорвалась. Хватай-Муха смотал удочки и, браня медведей, тронулся обратно к дому.

Вдруг медведи повскакали и с беспокойством подняли головы, настороженно поводя чуткими влажными носами. Что-то встревожило их. Остановился и Лука Лукич. Какой-то посторонний звук раздался высоко-высоко

в небе. Вот он ближе и ближе, ясней... И по мере того, как возрастало беспокойство медведей, радостное волнение охватывало человека.

Самолет! Гудит самолет!

Лука Лукич до боли в глазах смотрел на плотные белые облака, закрывавшие от его взгляда этот желанный вестник освобождения. Хватай-Муха прыгал на месте, подбрасывал шапку и кричал до хрипоты что-то бессвязное, радостное, будто далекий летчик мог услышать его слабый голос.

Гул мотора еще несколько минут приближался. Далеко в лесу, где тоже, наверно, слышали этот звук, хлопнул выстрел, другой...

Когда ровное гудение приблизилось и, казалось, раздавалось над самым кратером, когда люди из последних сил выкрикивали в небо слова приветов, медведи шарахнулись и, обезумев, помчались прочь.

Но вот гул самолета, вызвавший такое радостное волнение, стал быстро удаляться. И только теперь заметил Хватай-Муха бегство своих попутчиков. Как ему ни было горько от мысли, что самолет ушел, он все же улыбнулся, вспомнив воришек, которые со всех ног удрали, едва заслышав звуки мотора.

— Ой, и отсталая же вы скотинья! — говорил он. — Ни самолета, ни автомобиля не бачили.

Луке Лукичу было все же любопытно посмотреть, куда медведи спрятались.

Недалеко от того места, где исчезает ручей, он увидел в стене огромную нишу, своеобразный грот с гигантским входом в десяток метров высоты и ширины. Грот чернел на фоне серого камня, как мрачная пасть. Близ него курился горячий ручеек и стоял смрадный дух. Ни кустика, ни травки. Вот сюда-то и бросились перепуганные звери.

Лука Лукич увидел их среди камней. Но их было всего пять. Они лежали, уткнув морды в землю, и тяжело дышали. Шестой с трудом отползал все дальше и дальше от пещеры. Из его плотно сомкнутой пасти непрерывно вырывались тихие жалобные стоны. На губах висела слюна. Зверь был явно болен. Вот он дополз кое-как до первых кустов и лег, утомленно закрыв глаза.

Пахло чем-то душным, тяжелым, скорей всего — се-

рой. Лука Лукич сразу догадался, что медведи, побыв около пещеры несколько минут, отравились.

Хворостиной он заставил их всех подняться на ноги и отогнал, как овец, в лес, на чистый воздух. А сам подошел к гроту поближе. Дышать становилось трудно. Лука Лукич зажал нос и сделал несколько шагов вперед. И сразу увидел еще двух медведей. Они были уже мертвы. Видно, с испуга разбежавшись, они не успели остановиться и пали первой жертвой коварного грота.

Лука Лукич быстро выбежал вон. Тут он увидел Петю и Сперанского.

— Скорей назад! Здесь смерть! — закричал Сперанский и с силой потянул за собой и без того опешившего завхоза. — Зачем вы здесь? Сюда ходить нельзя! Смотрите!..

Он зажег ветку и опустил ее на землю. Веселое пламя тотчас погасло.

— Углекислый газ! Смертельная штука! Сколько раз я собирался загородить эту страшную впадину!

— Два медведя померли, — сказал Лука Лукич. — Они сюда побежали от самолета ховаться...

— Слышал?! — перебил его Петя. — И ты самолет слышал?

— Ну, а як же!.. Я кричал и кричал... Улетел.

— И мы кричали. Даже стреляли. Но разве ему видно? Вон какая облачность. А ниже спуститься опасно.

Гул мотора слышали также Усков и Орочко. Теперь для всех стало ясно, что партию 14-бис разыскивают. Раз самолеты летают над Эршотом — значит, пошли и сухопутные группы поисковиков. Возможно, спасение близко и скоро все вернутся на Большую землю.

Лука Лукич на обед подал только суп. Он развел руками:

— Медведи всё скушали. И наловить рыбу не дали...

Ему пришлось рассказать весь эпизод с медведями и о том, как они побежали в пещеру. Усков озабоченно посмотрел на Сперанского. Тот нахмурился и покачал головой. Как это раньше он не рассказал об этой страшной пещере, которая угрожает всему живому в кратере?

Поев, они вдвоем пошли к реке.

— Я догадываюсь, что вас беспокоит, Василий Михайлович, — заговорил Сперанский. — Под нами в трещинах земли таятся огромные запасы газов. К счастью, они не имеют серьезного выхода в кратер. Вот уже больше года только одна пещера дышит углекислотой. Вспомните, сколько мы обшарили лабиринтов, но нигде не столкнулись с выходами газа. Мертвая зона не идет пока дальше сорока метров. Выделение газа невелико.

— Все равно, это очень скверное соседство... Мы живем на дне чаши. И, если из вулканических глубин к нам сюда прорвется газ, — спасения не будет. Все живое погибнет в несколько минут... Не заделать ли нам поскорее этот ядовитый грот? Он нам теперь покоя не даст.

— Попробуем сделать это, не отрываясь от основной работы. Пока можно ограничиться плотной каменной стеной. Это оградит кратер от распространения тяжелого газа, потому что газ движется низом.

Решили поставить барьер из камня вышиной в два метра и длиной метров в семьдесят.

На другой же день за работу взялись Сперанский и Орочко. Сперанский пригнал обоих своих мамонтов и заставил их ворочать и передвигать тяжелые камни. Лас ворочал камни то лбом, то хоботом, оберегая бивни. Дик посматривал на трудягу Ласа, стоя в сторонке. Но, когда Сперанский позвал и его, он стал рядом с Ласом и в

точности повторил его движения. Двух-трехтонные камни ложились один около другого ровным рядом. Люди только подпразляли их кольями, укладывая поплотнее. За каких-нибудь пять часов во всю длину будущей стены лежали в два ряда большие обломки скал, а мамонты, казалось, только вошли во вкус работы.

За четыре дня сложили стенку. Теперь надо было замазать ее глиной. Но от этого мамонты отказались категорически: инстинкт отвращения к грязи у них был непреодолим.

— Ничего не поделаешь, — развел руками Сперанский. — Я всегда удивлялся этой странности мамонтов. Они не терпят грязи и готовы проделать любой кружной путь, лишь бы не попасть в болото. Они не будут ни пить, ни купаться в грязной воде. А вот носороги, их современники, те считали за великое удовольствие вываляться с ног до головы в самой мерзкой луже. И, кажется, совершенно не признавали пользы купания. Чистая вода их смущала.

Как бы там ни было, обмазывать стену глиной пришлось самим.

И вот наконец готова эта стена. Каменный барьер закрыл зловещий грот. Сперанский в последний раз перелез через стенку и зажег смоляную ветвь. Хвоя ярко вспыхнула. Он опустил ее. На уровне колен огонь погас: ниже уже стоял невидимый газ, убивающий всякую жизнь и горение.

Глава двадцать вторая.

Петя Одинцов пробивается вперед. — Один в каменной клетке. — Отчего плачет старый проводник

Работали в три смены, костры горели день и ночь, а за две недели прошли каких-нибудь два метра. Сколько еще метров впереди? Кто знает! Может быть, два, может быть, двадцать...

Но вот природа как будто устыдилась: открылась щель в полметра шириной и двадцать--тридцать сантиметров высотой. Теперь можно было продвинуть костер чуть дальше, и дело пошло веселей.

Несколько раз Петя пытался протиснуться вперед по щели, но это не удавалось.

Все же к концу первого месяца было пройдено около четырех метров. Щель стала шире. Петя пробрался в конец ее и долго изучал. Он вылез весь в пыли и ссадинах, но в глазах его горело нетерпение и надежда.

— Четыре метра я лез свободно. А дальше — опять тесно. Если бы лом, можно бы сбить выступы и щель расширить. В одном месте, у конца, даже сидеть можно. Долбить там удобно. Я бил по камню. Мне кажется, он звенит, как пустой...

Усков с любопытством смотрел на мальчика. А помнит ли он, сидя в этой щели, что над ним висят миллионы тонн? Что, если...

Пете дали геологический молоток. Из щели доносилось усталое сопение мальчика и обрывки песни. Потом полетели камни, щебень, пыль. Это Петя расчищал пол.

Когда он вышел, пот катил с него градом.

— Там где-то близко выход. Не верите? Ах, как жалко, что никто не может пролезть! Может быть, Борис?

Но попытка Бориса не увенчалась успехом: он был значительно шире в плечах.

— Попробуй, Петя, еще! Мы повременим с кострами. Это очень важно узнать, далеко ли конец...

С утра до ночи просиживал Петя в своей трещине и без устали долбил, долбил и долбил. Но что это за молоток! Триста граммов, не больше. Вот если бы лом! Камни отскакивали мелкие, до обидного мелкие. Но все же отскакивали.

Мальчик заметно похудел, побледнел, но бодрился. Теперь вся надежда была на него. Он впереди всех на четыре с лишним метра! Неужели не удастся пробить эту проклятую преграду?

Через каждые пять дней Сперанский и Усков ходили к отравленному гроту проверять уровень газа. Последний раз, едва только Сперанский зажег свечу, пламя вздрогнуло и погасло уже на высоте груди. Газ подымался, и все понимали, что через очень короткое время он достигнет вершины стены и перельется в кратер.

— Как? А? Горячо?

Спросить, вкусно ли, ему не разрешала скромность. Но все неизменно отвечали:

— Вкусно, Лука Лукич! Ой, как вкусно!..

— А тебе, Петя, подлить еще, а? Це ж жирненький боршок, дюже какой полезный для здоровья!..

И наш труженик, едва отвалившись от стола, бухался на постель и засыпал мертвым сном. А пока он спал, Любимов и Орочко или Сперанский с Усковым и Борисом снова шли в пещеру, жгли костры и выламывали камни, все расширяя и углубляя проход. День принадлежал «впередсмотрящему» Пете, ночь — всем остальным.

Однажды, когда Петя лежал в забое и, обливаясь потом, долбил неподатливую стенку, камень внезапно подался, молоток ударился в пустоту, свеча погасла и струя прохладного, но необыкновенно вкусного воздуха ворвалась в забой. Петя ахнул, захлебнулся, у него закружилась голова, и он потерял сознание.

Свежий воздух с легким шумом вырывался из щели, хватывая с собой пыль и копоть. Любимов вскочил и попытался поскорее зажечь свечи. Но руки дрожат. Он чувствует, что в забое произошло что-то необыкновенное — быть может, то, чего они с таким волнением ждут уже столько времени. Он ударил кремнем об **огниво**! Раз, другой! Наконец-то! Вот загорелась и свечка. Слабый свет озарил покрасневшее от волнения лицо Николая Никаноровича.

— Петя! — кричит он.

Тихо. В забое ни звука. Тихо, как в могиле...

— Петя! — еще громче кричит Любимов, почуяв, что с мальчиком неладно. — Отзовись, Петя! Где ты, что с тобой!

Тишина.

— Петя, мальчик!

Никогда, сколько помнит себя старый проводник, он не плакал. Всякое бывало на жизненном пути этого железного человека. Но слез в его глазах не видел никто.

А вот сейчас...

Он сидел в темной пещере, в кромешной тьме, прижавшись лицом к камню, и тяжелые рыдания сотрясали его большое тело.

Глава двадцать третья

*Газ наступает. — Ночной побег. — Героическая битва
с каменной твердью*

В только что описанный нами день вместе с Любимовым в пещере находился Усков. Однако незадолго до роковой минуты геолог отлучился. Ему не давали покоя кимберлиты, эти голубые глины с кроваво-красными крапинками пирона, которые он нашел неподалеку от пещеры. Теперь у него уже не было сомнений в том, что это алмазоносные породы. Его необычайно волновало и самое открытие, а также — не скроем — и тот факт, что он был первым советским геологом, открывшим коренные алмазные месторождения в нашей стране.

Итак, повторяем, он ненадолго оставил Любимова и возвращался в пещеру в веселом настроении, потому что нашел прямо на земле несколько мелких, но совершенно очитившихся от породы алмазов.

Усков имел в виду отослать Петю на отдых и зажечь костры. Шел он быстро, держа в руке свечу.

Вот поворот вправо. Уже близко. Внезапно пламя свечи заколебалось, метнулось назад и погасло. Усков остановился как вкопанный. Ветер? Догадка мгновенно заставила его сердце усиленно забиться. Неужели Петя пробил стену... Усков выхватил из кармана электрический фонарик, который зажигал только в самых исключительных случаях, и бегом пустился вперед.

Что это? В темноте, привалившись к узкой щели, лежал Любимов и рыдал.

— Где Петя? Что случилось?

Не ожидая ответа, Усков бросился к щели и осветил узкий забой. Луч скользнул по стенкам и остановился на подошвах сапог. Знакомые, стоптанные сапоги. И всего-то метров пять...

— Петя! — что есть силы закричал Усков.

Мальчик не отвечал. Но вот послышался не то слабый вздох, не то стон.

— Слышишь меня, Петя? Петя!..

— Я сейчас!.. — донесся в ответ слабый голос.

Резиновые сапоги зашевелились. Петя медленно и осторожно повернулся и пополз на луч фонаря.

Усков нервно засмеялся:

— Ну чего ты расстроился, Николай Никанорович? Жив наш парень, вот он...

Мертвенно-бледный после обморока, осунувшийся, Петя с трудом выполз из своей норы и слабо улыбнулся.

— Пробил, — сказал он и хотел добавить что-то, но страшный кашель заставил его схватиться за грудь. — Ой, как больно!.. — тихо застонал он и упал Ускову на руки.

Когда Петю принесли домой, он весь горел. В груди у него хрипело, он дышал часто и трудно.

— Боюсь, что воспаление легких, — сразу сказал доктор Сперанский и нахмурился.

— Как же он мог схватить это воспаление в теплой и затхлой пещере? — спросил кто-то.

— Очень просто, — ответил врач. — Если он лежал потный на сквозняке... Вот и простыл... Ничего, я займусь им...

Вряд ли надо объяснять всю трудность положения Сперанского. Он был врач, и, естественно, все надежды устремились на него. Но ведь он уже тридцать лет не занимался врачебной практикой. Да наконец будь он хоть какой угодно профессор, для лечения нужны медикаменты... Все понимали это. Однако, к чести Владимира Ивановича, надо сказать, что он взялся за лечение Пети уверенно и спокойно. Нет лекарств? Доктор стал варить отвары из трав и из лесной малины, запасы которых приготовил в достаточном количестве для самого себя.

Мальчик лежал накрытый теплыми шкурами. Какой тревогой горели глаза Ускова! Как волновался Николай Никанорович! У Хватай-Мухи усы потеряли способность закручиваться вверх и как-то уныло обвисли. Но Сперанский, который не отходил от постели больного, говорил:

— Ничего! Вытянет! Парень крепкий. Встанет, посидит на солнце, скоро поправится. Весна на дворе!

Да, пришла весна. Всюду запахло распаренной хвоей. Над кратером все чаще голубело высокое чистое небо, и солнце довершало то, чего не смогло сделать за зиму тепло спящего вулкана: почва парила, просыхая, и покрывалась густой зеленью. Из-под опавших листьев и

бурой хвои целыми рошицами вылезали нежные подснежники. Кедровая шишка, покойно лежавшая всю зиму на густой траве, теперь выпустила десяток зеленых ножек-побегов, поднялась на них, упруго вцепилась в землю, будто схватилась за материнскую грудь, и, полная соками своей кормилицы, скоро раскинула по сторонам нежные, младенчески полные семядольки. Птицы тоже праздновали рождение весны. Скрипели сойки. Тарактели сороки. Черный дрозд, неизвестно когда и как попавший в эти широты, то и дело очередями выстреливал свои мелодии. Нежно переговаривались пуночки. Задумчивые вороны, целыми днями молча сидевшие на сухих лесинах, внезапно пробуждались и оглашали лес неистовым криком.

Тревога и ожидание сквозили в повадках зверей. Бараны срывались с места и беспричинно скакали по камням. Медведи ходили парами, и Борис божился и клялся, что уже видел месячных медвежат. Лисы и зайцы каждое утро устраивали карусель, гоняясь в густых зарослях лешины и вереска.

Все в природе торжествовало.

И Петя действительно стал понемногу подыматься. Он уже ел, сидя за столом. Вскоре он смог выходить на поляну, играть с собаками и греться на солнце, которое вовсю сияло над кратером.

Еще через несколько дней он даже пошел на охоту и принес Лукичу пару симпатичных уток. Так что все были счастливы.

Но... но неожиданно стала надвигаться великая беда.

Вот как было дело.

Усков и Сперанский пошли к газовой пещере посмотреть, что там делается. Им не довелось подойти к месту особенно близко. Уже на подступах к стене зеленая трава и низкий кустарник стояли в печальном осеннем наряде. Все было ясно: смертельный газ из пещеры, переливаясь через стену, стлался по кратеру. Обследователи вернулись мрачные. Усков говорил товарищам:

— Газ не имеет выхода. Он разольется по дну кратера, и тогда всей этой великолепной природе — лесам, лугам и животным — придет конец. Не избежим общей участи и мы. Дело, как видите, более чем серьезное. Во-

прос касается самой нашей жизни. Через два—три месяца кратер заполнится газом и станет диким пустынным ущельем. Я говорю: через два—три месяца... Но этот срок может стать и короче. Вот каково положение...

Начальник партии обращался ко всем, однако говорил он тихо: Петя лежал на лавке и как будто спал, что вполне устраивало Ускова. Ему не очень хотелось нагонять страхи на не совсем окрепшего мальчика.

А Петя не спал. Верней, он спал, но проснулся и, услышав, о чем говорят, сообразил, что лучше всего притвориться спящим и слушать. А дослушав все до конца и увидев, какое мрачное молчание повисло в доме, он неожиданно для всех заявил:

— Дядя Вася, а ведь теперь мы можем уйти. Ведь сквозной проход все-таки пробит! Или нет? Неужели мне только показалось?

— Нет, Петя, не показалось! — не без смущения ответил Усков. — Ты, конечно, пробил скалу. Но проход слишком узок для нас. Ведь даже ты с трудом пролезаешь. А там больше шести метров в длину. Сколько же еще труда надо положить? Месяцы работы. Вот я о чем говорю!..

— А я могу вылезть на ту сторону и принести сюда ломы и кирки. Ведь они у нас сложены в пещере...

— Рано тебе еще говорить о работе.

— Да я здоров! Как Лас! Дядя Вася!..

Но никто его и слушать не хотел. К изумлению Пети, даже Лука Лукич, тот самый Лука Лукич, который вот уже много дней твердит, что Петя выглядит, «як той жеребчик», — и тот внезапно заявил, что Петя сейчас просто-напросто «хлюпкий хлопец, ему тильки исть та спать».

В пещере работали без Пети. Там непрерывно жгли костры. Выбываясь из сил, люди таскали в черную, задымленную дыру дрова и воду. Это было состязание с ядовитыми газами — кто кого обгонит!

Но Петя не мог выдержать вынужденного безделья, он пришел в пещеру. Однако его быстро выпроводили — ласково, но бесповоротно.

Тогда он принял решение...

Ночью, когда все спали, он потихоньку встал, оделся,

сунул в карманы заранее приготовленные свечи, трут и огниво и неслышно вышел из дому.

В высоком черном небе сияли крупные и такие яркие звезды, как будто их только что посеребрили и развесили для украшения. Ночной воздух был по-весеннему бодр и крепок. Темный лес стоял в безмолвном загадочном сне. Нигде ни звука, ни движения. Петя быстро зашагал по знакомой тропе. У входа в пещеру он обернулся, прислушался, но, не уловив никакого подозрительного шума, вошел. Блеснул огонек и быстро исчез за поворотом в каменном лабиринте.

Через час юноша уже пролез в свой забой. Вот и отверстие. Да, узковато... Даже для него. Молоток лежал рядом. Петя лег поудобнее, застегнулся до самого подбородка, укрепил перед собой свечу, и в пещере стали раздаваться привычные тук-тук-тук.

Прошел час. Петя отбросил осколки и попытался протиснуться вперед. Что-то мешало. Тогда он снова отполз назад и несколькими точными ударами сшиб выступающие камни. Еще одно усилие — и юноша, весь сжавшись, вытянув далеко вперед правую руку и плотно прижав к телу левую, обдирая спину и живот, протиснулся сквозь щель. Не веря себе, он встал во весь рост. Он был по ту сторону завала! Он был на свободе! Никто не видел его сияющих радостью глаз. Никто не слышал его счастливого смеха.

Со свечой в руках Петя двинулся дальше. Это была знакомая пещера! Несколько месяцев тому назад он ходил здесь, по следам Иванова, вместе с Любимовым и Туем.

Пещера постепенно расширялась, становилась выше. Повеяло прохладой. Далеко впереди что-то забелело. Да ведь это снег! Вот и вход, вот и груз, который они здесь оставили.

Минуту постоял Петя, вдыхая морозный воздух гор. Потом он проворно откинул камни с брезента. Все цело! Петя раскопал весь инструмент и подобрал что ему надо: два лома и кирку. Связав их, он уже хотел было повернуть обратно, но решил, что надо все-таки выйти посмотреть ущелье.

Вот оно, это знаменитое ущелье, которое они покинули в сентябре прошлого года. В темноте угрюмые сте-

ны будто совсем надвинулись одна на другую. Всюду лежит ровный снег. Морозно. Из рта идет пар.

Петя почувствовал озноб и вернулся в теплую пещеру. В душе его все ликovalo: он — первый человек, выбравшийся из кратера на волю.

Теперь Петя спешит. Ему трудно нести тяжелые орудия на плече, но он не отдыхает, не останавливается.

Он просовывает в дыру свой груз и влезает сам. Ох, и трудно двигаться, да еще с грузом. Но надо спешить...

Когда до выхода осталось около метра, чьи-то сильные руки выдернули у юноши ломы, кирку, а потом подхватили и его самого. Через несколько секунд Петя уже сидел у жаркого костра, завернутый в медвежью полость, и, обливаясь потом, пил горячий малиновый чай. Глаза его виновато, но радостно поблескивали, он пытался шутить, раскрывался, притворно стонал, но напротив него сидел Владимир Иванович и строгим взглядом отца пресекал мальчишеские выходки:

— Сиди, сиди!.. Вот, пей еще! Ну, ну, не смей открывать грудь. Тебе надо как следует согреться, а потом пойдешь домой. Достанется тебе от Василия Михайловича! Разве так можно? Да ты же мог свалиться на дороге...

Доктор Сперанский проснулся среди ночи и заметил, что Пети нет. Он сразу догадался, в чем дело. Старик встал, взял немного сухой малины, котелок с водой и поспешил в пещеру. Пети здесь уже не оказалось. Но было ясно, куда он исчез и с чем вернется! Сперанский разжег костер, сварил чай из сухой малины и стал дожидаться беглеца, которого подверг тут же профилактической врачебной процедуре.

Затем они пришли домой и потихоньку, никого не потревожив, завалились спать.

Если бы кто-нибудь мог осветить хоть на один миг комнату, то увидел бы пятерых человек, лежавших на своих постелях с открытыми глазами. Все они прекрасно видели возвращение Сперанского и Пети, все понимали, в чем дело, и все делали вид, что ничего не слышат.

Петя спал до десяти утра. Когда он проснулся, в доме никого уже не оказалось. На столе стоял завтрак.

А покуда он завтракал, шестеро мужчин, сменяя друг друга, с азартом били камень в глубине пещеры ломами и киркой.

Глава двадцать четвертая,

в которой обстоятельства складываются так, что участники экспедиции и доктор Сперанский должны неминуемо погибнуть. — План Пети в действии

Первым пришел с работы Усков. Едва войдя, он положил руку племяннику на лоб:

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. — Петя отвечал сконфуженно и старался не смотреть дяде в глаза. — А чего тут особенного? Ну, сходил, и все...

— Показал бы я тебе «ничего особенного»! Очень уж ты храбришься, парень!..

Но, как ни строг был голос Ускова, чувствовалось, что он читает нотацию больше для порядка. Он даже сам не выдержал характера, этот строгий начальник партии 14-бис! Прервав на полуслове свою речь, он по-мужски неловко обнял Петю, прижал его к себе и похлопал смущенного, покрасневшего паренька по спине:

— Молодец ты, Петя! Молодец! Другого слова не скажешь!

Однако он прибавил с явно напускной строгостью и другое:

— Но чтобы больше это не повторялось! Ясно?

— Ясно, дядя Вася! Уж чего ясней!

Тут пришли и остальные.

— Знаешь, Петя, как рубали? Борис вот подсчитал, что если так дело пойдет, то дней через сорок птенчики вылетят из своего гнезда.

Любимов говорил уверенно, в приподнятом тоне. И — ни слова о ночном происшествии! Только, когда поужинали и Петя с Борисом вышли из помещения, чтобы посмотреть, пришли ли Дик и Лас, Борис сказал:

— Вот что, Петя, в другой раз ты хоть меня извещай о такого рода делах. Вдвоем бы оно веселей все же! Ладно?

— Ладно, Боря. А знаешь, как ночью в пещере страшно? Да еще вдобавок, когда ты один. Прямо жуть.

— Ну, а там, за кратером, как?

— Холодно. В ушелье лежит снег. Он еще и не начал таять. Я все думаю, отпустит меня одного Василий

Михайлович или нет? Неужели придется ждать, пока проход станет шире? Ведь сколько времени уйдет! Ты говоришь, сорок дней? А газы? Будут они ждать сорок дней?

— А ты пошел бы один?

— Конечно, пошел бы. Чего особенного? Дорогу я найду. Возьму с собой Каву, Туя и ружье — и айда! Ну, сколько я буду в дороге? Ну, месяц!.. Дорогу я знаю, помню, как мы шли сюда...

— То было летом, Петя, а сейчас кругом снег, заблудишься.

— А карта на что? У Николая Никаноровича хороший абрис есть.

— Это-то верно...

— Вот я и решил: выйду на трассу, а там люди... Приведу людей, тогда эту скалу снесут в два мига. Сюда бы аммонала центнера два — и все. А то сиди и жди, когда газы нас всех передошут.

— Проклятый газ! — воскликнул Борис. — Ты знаешь, он уже далеко разошелся по кратеру. Я сам чуть не попал. Заметь, он почти ничем не пахнет, а голову сразу мутит и спать хочется. А все-таки жалко эту долину! Смотри, какой лес, луга! И все погибнет.

— Если привести сюда народ, то что-нибудь придумаем и всё спасем. И Лас с Диком останутся в живых. Вот бы их привести к нам во Владивосток! Шуму было бы сколько...

Петя уже видел перед собой горбатые улицы своего родного города и толпы народа, и как он, Петя Одинцов, ведет за собой на поводке смущенных необычной обстановкой Ласа и Дика, и как мама с любовью, опаской и восхищением смотрит на своего сына и его чудовищных зверей, и как бегут за ним толпы народа.

— Надо спасти их, Петро, и все, что живет в кратере. А потом, ну, какой толк, если кратер станет безжизненным ущельем? Ведь пропадут все его богатства. Разве можно допустить это?

— Александр Алексеевич говорит, что, когда освоят здешние места, он организует в кратере такой совхоз, что все только ахнут. Распашет луга, настроит парников и теплиц, разведет коров и свиней... Никто не поверит, что кругом мертвый Север.

Друзья помолчали.

— Воображаю, как в Хамадане беспокоятся!.. Вечерочка особенно. Шутка ли, почти год нет известий об отце...

— ... и о Борисе Андреевиче... — в тон ему ответил Петя.

Борис быстро взглянул на Петю, но промолчал: дерзкий мальчишка!

Дикие обитатели уже предприняли переселение: нижняя часть кратера постепенно пустела. Ушли медведи, бараны, лисы и зайцы, уползли выдры, перелетели птицы. Мамонты заметно волновались и на целые дни уходили в верхнюю часть кратера. Весь животный мир почувствовал приближение опасных газов.

Как-то Петя забрался на скалу, высоко подымавшуюся над лесом. Отсюда было хорошо видно кругом. Зеленое море растительности заполнило весь нижний кратер. Но в юго-западной стороне его уже желтело страшное пятно. Будто здесь бушевал пожар и все сжег. Деревья еще сохраняли зеленый лист на верхушках, но нижние ветки, кусты и травы были мертвы. Грустью веяло от мертвого пространства. У Пети сжалось сердце. Неужели весь этот чудесный мирок, затерянный в диких северных горах, погибнет? Нет, нельзя этого допустить! Надо наглухо замуровать подземные ходы, по которым просачивается газ. Но времени нет... Надо спешить, надо сперва спастись самим. Успеют ли они? Один только человек в состоянии выйти из кратера и спасти людей и животных и всю эту пышную природу. И этот человек — он, Петя Одинцов.

С решимостью в сердце, с загоревшимися глазами сбегал он со скалы и помчался домой.

— Дядя Вася! Товарищи!.. — выпалил он, едва увидев своих. — Разрешите мне немедленно отправиться в путь. Я был сейчас на западной стороне. Газ наступает. Вы не успеете пробиться, если не придет помощь. А я приведу сюда людей, вот увидите... Я совсем уже здоров и легко пройду весь путь. Вы мне только дайте с собой Каву и Туя, и вот увидите, самое большее через месяц сюда придут люди и спасут и вас и весь кратер. Ну, разрешите мне...

Молчаливым раздумьем встретили разведчики слова Пети. Отпустить мальчика — значит рисковать его жизнью. Но и сказать ему «нет» тоже нельзя. Здесь всех ждет гибель...

Как же быть, что ответить Пете?

Ждали, что скажет Усков: он был не только начальник партии, он заменял Пете отца.

— Ты настоящий комсомолец, Петя, — сказал Василий Михайлович после долгого раздумья. — Как мне ни страшно... В общем, ты пойдешь, иного выхода у нас нет...

...Лука Лукич не отходил от печки. Уже громоздились горы булочек, галет и печений; уже пропахли жареным мясом все уголки дома и поредели запасы продуктов в кладовой Сперанского, а Хватай-Муха все пек, жарил и варил. Могло показаться, что повар готовит провиант для роты, уходящей в дальний поход.

Собаки, почуяв необычное, вертелись около Пети. Их кормили теперь усиленно. Туй так разжирел, что Борис даже сказал с опаской:

— Раскормили... Он теперь в щель, пожалуй, не пролезет.

Петя проводил все время с Любимовым. Проводник давал ему наставления и проверял его знания:

— Предположим, у тебя нет компаса, ты его потерял. Куда пойдешь?

— Ночью в сторону, противоположную Полярной звезде, на юг. Днем определяю по стволу дерева: мох на коре смотрит на север.

— А сейчас весна, какой там мох? Как определишь по стланнику?

— Стланик растет только на южных склонах. А потом, вы говорили, что днем на припеке у стланика движение соков начинается по южной стороне ствола. Так?

— Хорошо! Правильно! А вот скажи, на чем переплывешь речку?

— Два бревна связать лозой. А лучше три бревна и хворост сверху.

— Как спать будешь?

— В мешке. А прежде подгребу снег на ветреную сторону. Согрею землю костром, накрою ветками.

— А если леса нет?

— Зароюсь в мешке в снег вместе с собаками.

— Сейчас март, снег блестит. Ты знаешь, что ослепнуть можешь?

— Буду смотреть только на черные предметы: деревья, кусты, воду, себе на ноги. Завяжу глаза темным платком.

— Чем бить по медведю?

— Они сейчас только проснулись. Если их не трогать, они зла не причинят. От медведицы уйду. При необходимости — буду бить пулей Жакана в грудь, когда зверь станет на дыбы.

— А если встретишь рысь? Или росомаху?

— Я с рысью знаком и повадки ее знаю. Она человека боится, на нее смело глядеть надо.

— В наледях разберешься?

— Вы же учили: крутой берег неопасен, на пологом ходи по верху сугробов, впадин избегай, с лыж не сходи...

Ладный вещевой мешок сшил Сперанский. Там были даже на всякий случай отделения для лечебных трав, и, конечно, не пустые. Лыжами занялись Орошко с Борисом. Низ обтянули шкурой нерпы, из которой был сшит пиджак Хватай-Мухи. Такие лыжи на подъеме не скользят назад против шерсти и не облипают на мокром снегу. Кожаные крепления подогнали под Петины большие кирзовые сапоги; внутрь сапог положили стельки из пуха — надежную защиту от самого жестокого мороза.

Усков засел с Петей за карту, где на белом пятне уже пестрели линии пройденных ими дорог.

— Маршрут запоминай, чтобы он в голове у тебя был: это важнее всего. Мало ли что с картой может случиться. Иди по компасу, старайся придерживать наших прежних троп. Там ты всюду найдешь знаки Николая Никаноровича — на деревьях зарубки крестом. Ищи их, это хороший ориентир. Ты идешь в такое время, когда, возможно, уже начнется разлив рек. По долинам не ходи, они коварны, держись нижних склонов сопок. Если все пойдет хорошо, ты скоро выйдешь в долину Бешеной реки. Оттуда смело направляйся прямо на юг, через перевалы, и обязательно выйдешь на трассу. В Хамадане

добивайся личного разговора с управляющим трестом. Вот тебе письмо. Береги его пуше глаза. Здесь все данные о результатах разведки и о кратере Эршота. В чужие руки письмо попасть не должно. Помни это! Кстати, куда ты его спрячешь?

— В шапку. Вот сюда, в подкладку. Самое удобное место.

— Хорошо. Возьми несколько вот этих камушков и самородков, покажи в тресте. Там поймут... Старайся обходить всякое зверье. Не связывайся зря ни с волками, ни с медведями. И помни хорошенко, что в тайге человек иной раз бывает опаснее зверя. Не всякому встречному доверяйся. И на всякий случай, кроме ружья, возьми с собой вот это...

Он вынул из кармана и передал Петю пистолет и несколько обойм с патронами. Петя даже покраснел: ему доверяют такое оружие!

— Потренируйся с ним денек и спрячь. Лучшее место — задний карман брюк. Он там и не мешает и в глаза никому не бросится. Нож у тебя есть?

— Кинжал. Борис его сейчас оттачивает.

Настал день, когда Петя уходил в опасный и далекий путь.

Сияло солнце. Зелень уже пышно распустилась. В кратере стояла настоящая весна, пели птицы, зеленели высокие травы.

А Петя уходил в холодные края. Он надел ватник и полушубок, меховую шапку и большие кирзовые сапоги. Вскинул на спину туго набитый мешок. Ружье, кинжал, топорик, лыжи. Кажется, все...

— Сядем на прощание.

Тяжела минута расставания. С волнением смотрел Петя на строгое лицо Ускова, на отчески добрых Любимова и Сперанского, на взволнованного агронома и бодрящегося Бориса, на обвисшие усы загрузившего Хватай-Мухи. Как хотелось ему приободрить их всех, сказать, что все будет хорошо и скоро он вернется сюда с людьми. Но он боялся, что у него у самого задрожит голос.

Все по очереди поцеловали Петю, крепко пожали ему руку и пожелали счастливого пути.

Потом пошли в пещеру.

. Здесь Петя сбросил с себя свой громоздкий багаж и полез в щель. Затем он в несколько приемов перетаскил при помощи веревки свои вещи и долго одевался по ту сторону скалы. Все молча ждали. Наконец он свистнул и позвал к себе собак.

Кава и Туй, понукаемые Любимовым, распластались и, повизгивая от страха перед неизвестной темнотой, полезли на голос Пети. Вот они уже там.

— Ухожу! — слышно было из щели. — Ждите меня скоро обратно! Счастливо оставаться!

— Счастливого пути и доброго здоровья!

Потом стало тихо-тихо. Люди долго молчали. Кто-то вздохнул.

— Ну что ж, товарищи, пора за работу, — сказал Усков.

И кирки застучали по камню.

Часть третья БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

*Глава двадцать пятая,
в которой кратко описываются новые поиски,
предпринятые трестом*

— К вам Ускова с дочерью, — доложил секретарь.

— Просите...

Управляющий трестом быстрыми шагами пошел своим посетительницам навстречу и, не дожидаясь их расспросов, сообщил:

— Ну, все подготовлено, приступаем к поискам самым энергичным образом. Четыре машины с грузом и людьми уже вышли на базу номер восемь. Два самолета ожидают сигнала, чтобы вылететь в глубь белого пят-

на. По нашему мнению, Василий Михайлович и его товарищи находятся именно там. Из края обещали прислать дополнительно один вертолет. По стойбищам сейчас отбирают охотников для наземного поиска.

— Но когда же?..

— Дней через десять—двенадцать, если, конечно, позволит погода. Вы должны знать, что сейчас, ранней весной, самое трудное время для поисков. Тает снег. Реки набухают и разливаются. Ущелья становятся непроходимыми. Но, с другой стороны, по зимнему насту легче забросить грузы в далекие места, чтобы устроить там промежуточные базы. Вот почему мы торопимся. Полагаю, очень скоро мы с вами услышим хорошие вести, Варвара Петровна.

— Вы уверены? — грустно спросила Ускова.

— Конечно, уверен! — без всякой уверенности, но весьма бодро сказал управляющий. — Я голову даю, что они зазимовали в каком-нибудь отдаленном стойбище. Есть, знаете, в нашем крае такие места, куда даже представители власти и те попадают раз в три года. А рация выбыла из строя. Вот они там, голубчики, сидят у якутов и кушают оленину. А чуть потеплеет, мы их найдем!..

— Вашими бы устами мед пить, Федор Павлович. Но ведь осенью самолеты залетали уже так далеко! — возразила Ускова грустным голосом.

А управляющий все с той же деланной бодростью настаивал:

— Что из того? Белое пятно у нас таково, что там уложилось бы не одно европейское государство. Самолет может пролететь за километр от стойбища и не заметить его. В горах очень много долин, которые сверху и не увидишь.

— У нас к вам большая просьба, Федор Павлович, — перебила его Ускова. — Мы с дочерью хотим участвовать в розысках. Разрешите нам...

Тут управляющий задумался.

— Очень уж это трудно, — осторожно сказал он после паузы. — На лошадях, на оленях, в санях, верхом, может быть, даже десятки километров пешком, да еще по горам. Право же, для женщин, особенно для вас, Варвара Петровна... Вы всё взвесили?

Ускова выпрямилась, лицо ее выражало решимость.

— Я всю жизнь провела в скитаниях с мужем и умею переносить лишения в походах. А наша дочь — дочь геолога, она тоже не испугается трудностей. И я надеюсь, что мы сумеем быть полезны...

— Хорошо. Не возражаю, — сдался управляющий. — Начальником поиска назначен мой заместитель по политчасти, Андрей Иванович Швец. Я дам ему указание. О времени выезда на основную базу номер восемь мы вас известим. Отряды пойдут оттуда.

— Благодарю вас, Федор Павлович. Мы приготовимся.

Они вышли. Управляющий только сел за стол, как снова в дверях появился секретарь:

— Вам уже три раза звонили из отделения Министрства госбезопасности. По какому-то срочному делу.

— Соедините... Майор Сидоренко?.. Да, я. Что у вас?.. Не хотите по телефону?.. Ну хорошо, приходите, я буду у себя. Жду.

Майор пришел через несколько минут.

— Есть у него кто-нибудь? — спросил он секретаря.

— Заместитель по политчасти.

— Чудесно. Он мне нужен.

Майор сразу приступил к делу.

Оказалось, что из места заключения бежали четыре опасных преступника, осужденных за бандитизм и убийства.

— Поначалу, — говорил майор, — они вели себя тихо. Представьте себе, сами попросились на работу. Ну что ж, пустили. Сам комендант поехал с ними заготавливать дрова. Взяли грузовик и поехали — комендант, шофер, один боец и эти четыре птички. Как заехали в лес, так они коменданта зарезали, в шофера стреляли и тяжело ранили. Боец, правда, стал стрелять, но неудачно. Они вскочили в машину — и давай на шоссе и на север...

— Интересно, — сказал Федор Павлович.

— Уж чего интереснее, товарищ управляющий! Сами видите! Теперь нам ваша помощь прямо-таки необходима.

— В каком смысле?

— А ведь вы организуете широкую экспедицию на поиски партии Ускова? И я сразу решил, так сказать, пристроиться к вам. Сколько наземных групп пойдет в горы?

— Шесть. По четыре—пять человек в каждой.

— Я, если вы не возражаете, направлю четырех своих сотрудников в четыре ваши партии. А в двух остальных мы проведем соответствующую беседу, дадим указания. Идет?

— Конечно! Дело щекотливое. Как же это их упустили?

— Прикинулись овечками...

— Оружие у них есть?

— Да, у коменданта револьвер взяли. Но, по-моему, они расстреляли все патроны, так что теперь револьвер у них вроде и не опасен.

— А след куда повел?

— Почти до конца трассы. Там они утопили машину; просто спустили ее с обрыва в реку, а сами подались в горы. У них топоры есть, ножи. Три дня назад радировали из района Бусканды, что неизвестные ограбили заимку горняков. Убили сторожа. Так что теперь они с продовольствием. Уйти-то им, правда, некуда, но обезвредить их нужно немедленно, иначе они будут держать в страхе и ваши поисковые партии, и все местное население...

— Если сейчас по снегу вы их не найдете, майор, летом будет во много раз труднее. Человека обнаружить в тайге не так-то просто.

— Потому-то я и прошу вашей помощи. У меня оперативные силы невелики. Без ваших людей и без охотников мы вряд ли много успеем. Так как же, Федор Павлович?

— Что ж, поможем. Направьте бойцов в наши группы. Мы со своей стороны разъясним всем товарищам, они будут начеку и при встрече не упустят. Но почему вы думаете, что убийцы пошли именно в район белого пятна, то есть как раз в то место, куда мы сейчас направляем наших людей?

— Если бы они скитались по местам обжитым, мы бы получили сигналы, а может быть, их и самих уже приволокли бы. А сигналов-то нет. Значит, бандиты ушли

на северо-восток, в безлюдье. Да и ограбление заимки... Заимка стоит как раз на границе обжитого района, где-то возле первых горных цепей. И, наконец, посудите — что им остается? Только уходить от людей, куда глаза глядят, скорей всего — прямо на восток, к границе, в надежде уйти на чужую сторону.

— Так!.. Понятно!

Присутствовавший тут же Андрей Иванович Швец сказал майору, что выезжает на восьмую базу через четыре дня, а еще дней через десять с базы выйдут партии. Он предложил майору встретиться еще раз, чтобы поговорить о деталях.

Майор и Швец уже собирались уходить, когда Басюта рассказал им о визите жены и дочери Ускова:

— Они хотят во что бы то ни стало участвовать в розысках...

— И вы разрешили? — почти с испугом воскликнули одновременно и Швец и майор. — Да ведь это же...

— Разрешил. Я не знал этой истории с бандитами. А теперь я все думаю, как быть. Опасность не маленькая, а ведь женщины.

— Откажите. Объясните причину.

— Объяснение их не устроит. Пусть хоть земля трясется и камни с неба — они все равно пойдут. Вы их не знаете. Отказать им я не могу. А вот вы, Андрей Иванович, постарайтесь удержать их на восьмой базе, пусть не идут дальше.

Управляющий трестом Федор Павлович Басюта всего несколько лет назад сам бродил по тайге и горам с геологическим молотком в руках. Ученик академика Ферсмана, он прямо из института приехал на Дальний Север, и с тех пор геология этого малоизученного края стала целью и смыслом его жизни. Там, где проходил своей неторопливой походкой этот высокий, подобранный человек, вскоре начинали дымиться избушки, слышался стук топора новосела и шуршание гальки на золотопромывочном лотке. За первыми изыскательскими партиями шли строители, старатели, дорожники; возникали поселки и рабочие городки, прииски и шахты; в таежной глухомани говорило радио, стучал движок электростанции, гудели машины. А человек, вдохнувший жизнь в эти мертвые земли, уходил дальше, переправлялся через новые реки,

снова прорубался сквозь тайгу, все сужая и сужая таинственное и манящее белое пятно на карте.

Когда ему говорили об удобствах городской жизни, об оседлости, он только удивленно подымал брови, отказываясь понимать собеседника. Разве не самое лучшее в жизни — сидеть вечером у костра, глядеть на хлопотливую горную речку, слушать величавый шум таинственного леса, любоваться алыми бликами солнца, уходящего за скалистые вершины неведомого горного кряжа! Как радостно билось сердце Басюты, когда в каком-нибудь диком ущелье он после долгих поисков находил среди скальных обломков и бережно брал в руки камень, в котором искрился металл! Хотелось петь в такие минуты, кричать от радости, чтобы слышала вся тайга, все горы о том, что еще одно месторождение открыто и с этим открытием страна станет еще богаче и сильнее. . .

Но годы взяли свое. Постарел человек, отяжелел. И тогда Басюта по-настоящему оценил, каких помощников он воспитал, каких вырастил учеников. Его ученик, его бывший практикант Усков стал ведущим разведчиком. Не мог Басюта примириться с мыслью, что погиб кто-то из его смены, что терпят бедствие люди, которые должны были окончательно заштриховать белое пятно и доделать незаконченную им работу. Розыски партии номер 14-бис стали для него делом жизни.

На одной из машин в район восьмой базы уехали жена и дочь Ускова. В тот же день на базу прибыли четверо военных в телогрейках и с винтовками.

»

Глава двадцать шестая

*о первых днях, проведенных Петей в пути, и о встрече,
которой не удалось избежать*

Было около полудня, когда Петя вышел из пещеры.

Солнце светило так ярко, что на снег нельзя было смотреть. Апрельский снег для непривычных глаз — сплошное сияние белого, красного, оранжевого, лилового, фиолетового цвета. Сначала просто рябит в глазах, потом начинается какая-то щекотка, человеку хочется тереть и тереть глаза, и он трет их, отчего бежит обильная

слеза, глаза краснеют и скоро где-то под нежным веком появляется помеха, будто в глаз попала соринка. Но это не соринка, а прыщик. Это начало серьезной глазной болезни, лечить которую можно лишь полным покоем в темноте, постоянно пересиливая охоту потерять воспаленные глаза. . .

Петя шурился и никак не мог подавить в себе желания совсем закрыть глаза. Он отвык от снега. В кратере давно уже все зеленело, а здесь, куда ни глянь, белая безмолвная пустыня да дикие угрюмые камни.

Сразу пришлось встать на лыжи. Снег подтаивал и оседал. Обувь намокала и тяжелела, ноги проваливались.

На лыжах дело пошло лучше. Крикнув собак, Петя пошел из ущелья тем же путем, каким они шли когда-то с Любимовым. Хотелось к вечеру добраться до месторасположения старого лагеря и там заночевать. Но, сколько ни смотрел Петя, он нигде не обнаружил даже малейших примет их бывлой стоянки: только белая пелена искристого снега. . .

Петя пошел на юг, посматривая на компас и на карту, сделанную Усковым и Любимовым. Вот когда он оценил труд проводника, который в течение всего их пути делал зарисовки маршрута!

Проходили часы. Собаки устали и теперь уже не бежали взад-вперед, а еле плелись. Солнце стало садиться, а вокруг всё те же дикие камни мрачно выглядывали из-под снега да расстилался белый саван долины. И ни звука. «Хоть бы ворона каркнула, — подумал Петя и с тоской вздохнул: — Ни веток, ни дров, один голый камень кругом. Придется обойтись без костра».

Когда совсем стемнело, Петя выбрал уголок между двумя большими скалами, выгреб снег и кое-как устроился прямо на камнях. Собаки проголодались и грустно поглядывали на хозяина, ожидая ужина.

— Охотиться надо, — внушительно заявил им Петя и развязал торбу с едой.

Но разве можно спокойно проглотить кусок, если на тебя смотрят такие просящие глаза! Пришлось поделиться с Кавой и Туем пирогами Хватай-Мухи. Закусив, Петя залез в спальный мешок, положил под себя ружье и уснул. Собаки посидели, покрутились и тоже легли, свернувшись калачиком под боком у хозяина.

Ночь... Тихая, звездная, морозная, долгая, темная ночь. Ни ветерка, ни шелеста. Чуть потрескивает смерзающийся снег, мигают близкие крупные звезды, и кажется, нет на всем белом свете никакой жизни: все вокруг на тысячи и тысячи верст безмолвно, безжизненно, мертво. Но Петя спит. Спят рядом с ним его собаки, бьются три сердца — маленькое гнездышко живой материи в этом царстве безмолвия.

Не удалось, однако, Пете проспать всю ночь. Хоть и добротно сделан спальный мешок и прогревают с боков меховые клубочки собак, а холод все же добирается и внутрь мешка, под одежду, холодит спину, ноги. На двадцатиградусном морозе долго не вылежишь.

«Лучше я днем на солнышке досплю», — решил Петя и вылез из мешка. Холод пробирал его все сильнее. Петя заторопился, свернул мешок, связал вещи, взял ружье, стал на лыжи и пошел. Пошел вперед, в темную ночь, с одним только желанием скорее согреться.

Оказывается, ночью даже лучше идти! Мороз крепко сковал подтаявший, мокрый снег. Ледяной наст легко выдерживает тяжесть. На лыжах — одно удовольствие! Они хорошо скользят и сами летят вперед. Да и собакам веселей.

Петя скоро согрелся и приободрился.

«Туда ли я иду?» — подумал он и высек огонь, чтобы проверить дорогу по компасу. Линия движения чуть отклонялась от нужного градуса. Петя остановился, но тут же вспомнил о магнитном отклонении.

«Семь градусов... Так говорил Усков. Значит, правильно иду».

Ночью камни и обрывы выглядели совсем черными. Все дышало неизвестностью, было жутко. Даже собаки и те жались к ногам. Белеет, поблескивает под звездами снег, скрипят ремни, позвякивает котелок. Весь застывший темный мир чутко прислушивается к этим звукам. Жутко...

Признаемся, что страх гнался за Петей по пятам. Петя слышал, как трепетно стучит сердце, и шел все скорее и скорее, пока не выбился из сил. Тогда он остановился и, боясь оглянуться, прислушался. Ничего, кроме гулко-го стука собственного сердца... И тут он вспомнил: вот так же шли когда-то Иванов и Сперанский...

Им было куда хуже, чем ему... Петя улыбнулся, сдвинул шапку с мокрого лба на затылок, дернул плечами, поправил лямки вещевого мешка, спокойно пошел вперед и запел во все горло:

И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет...

Темнота сгустилась еще больше, как это всегда бывает перед рассветом. Долина внимала песне, безмолвная и мрачная.

Кончилась ночь. На востоке, за горами и сопками посерел небосклон. На горизонте появилась светлая полоска. Она постепенно ширилась, розовела. Начинался чистый восход. Небо медленно теряло свою темно-синюю окраску. Свет накапливался, стремился вверх, гасли звезды, и нежно-красное зарево заливало небосклон все шире и шире. Вот оно захватило уже полнеба. Петя шел прямо на восход, улыбкой приветствуя солнце. Холодное, но яркое, оно в оранжевом тумане выплыло из-за сопки, и по снегу брызнул миллион бриллиантовых искр, таких ослепительно ярких, что Петя закрыл глаза. А когда через миг он снова открыл их, уже стоял настоящий день: темнота, страх и мрак пропали бесследно, стало весело и легко.

Петя посмотрел в бинокль.

Где-то там, на повороте долины, чернел лес.

В полдень, когда снег под лыжами стал с шуршанием оседать, а с деревьев валились белые ошметки и освобожденные ветви радостно взмывали вверх, Петя решил сделать привал. Солнце теперь уже не только светило, но и грело. Все тело налилось усталостью и истомой. Безудержно хотелось спать.

«Я имею право отдохнуть, — уговаривал себя Петя. — Я ведь полночи шел, теперь могу полдня и отдыхать».

Петя уже хлопотал возле повалившегося сухого дерева.

В лесу было как-то веселей. И хотя чахлый был этот высокогорный лесок-талый вдоль ручья: карликовые березки по сторонам да тонкие лиственницы с обвешанными мхом стволами, — а все-таки лес. Где растительность, там и жизнь.

Нетрудно расчистить лыжей снег около старого дерева до самого мха, где, как бисерины, еще висят прошлогодние ягоды брусники и зеленеют блестящие листочки брусничника. А потом навалить сухих сучьев на эту площадку и запалить веселый костер, чтобы пламя до неба! Пар подымается от тающего снега и подсыхающей земли. Придется отодвинуться подальше и закрыться от сухого жара, как ни хочется настуженному телу вобрать дорогое тепло. Пусть прогорит костер. Горячие угли нужно раскидать по площадке, а когда угольки потемнеют, накрыть теплую землю ветками стланика или даже лиственницы, расстелить свой мешок поверх веток, забраться в него и через минуту закрыть глаза, повернуться к солнцу спиной и спать, спать, спать!

Уже засыпая, Петя увидел умильные глаза Туя. Пес устало облизывался и счищал с носа белые пушинки. Рядом с ним сидела смиренная Кава.

— Поели?.. Конечно, по мокрому снегу вам зайца-беляка догнать пара пустяков. Попробовали бы по насту...

И уснул, не договорив фразы.

Петя проснулся, когда солнце уже село, небо стало темнеть, а на востоке загорелась первая звезда. Повеяло бодрым морозцем. Отдохнувшему путнику было тепло, даже жарко в уютном меховом мешке. Он с хрустом потянулся и огляделся. Рядом спали собаки. Все было тихо и спокойно.

Но идти сразу не пришлось. Снег пропитался влагой и оседал, каждый шаг давался с трудом.

«Лучше обождать, — подумал Петя. — Теперь отдохну, а ночью, когда подморозит, пойду дальше».

Костер загорелся. Его, должно быть, далеко было видно в темноте — красный глазок на черном фоне леса. Петя растопил котелок снега, заварил листья черной смородины, которые дал ему в дорогу Владимир Иванович, и с наслаждением напился этого «чаю», закусывая пирогами, не раз при этом поминая добрым словом Луку Лукича.

Только около полуночи стал он на лыжи и, бросив прощальный взгляд на тлеющие угли, пошел по долине, которая вела на юг.

Ночью редкие обитатели молчаливого нагорья снова

слышали человеческую песню: это пел одинокий мальчик, быстро скользивший по узкой долине. Навострила уши лиса. повел влажным носом заяц, на минуту подняла свои белесые, перепончатые веки меланхолическая ворона, уснувшая на ветке. Все слушали песню, а она постепенно утихала, уходила вниз по ручью, и снова все кругом мертво, темно и безмолвно...

День, два, три, четыре...

На пятый день пришлось свернуть в сторону, оставив приятную долину, где можно было найти и дрова и пищу для собак: долина стала уходить на восток. А Петя шел все на юг и на юг, прямо через невысокие сопки, через распадки, увязая в снегу, перебираясь через каменистые вершины с лыжами на плечах, скатываясь с крутых берегов неведомых речушек. Уже близко, наверное, до долины Бешеной реки, после которой останется только половина пути.

В горах не удалось идти ночами: слишком уж сложным и запутанным стал маршрут. Заблудишься ночью — и все...

Чем выше в горы, тем ниже и реже лес. Но между сопками, в распадках, тайга стояла задумчивая, старая, вся в буреломах и завалах. В низинах было жарче, теплый воздух застаивался. Парила оголенная земля на южных склонах, слышался веселый звон капли с обрывов, на снегу пестрел узор из следов куропаток, глухарей и рябчиков.

В один из таких солнечных дней Петя Одинцов вышел на вершину гольца — как здесь называют каменистые сопки без растительности — и в радостном изумлении поднял руки: далеко впереди и внизу чернела густая масса леса, а на горизонте поблескивал так хорошо знакомый ему горный кряж. Это и была долина Бешеной реки! Вот куда он должен спуститься, вот где он сможет отдохнуть, поохотиться, чтобы с новыми силами предпринять еще более трудный прыжок на юг, к своей геологической базе, к шоссе, по которому можно проехать в Хамадан.

— Значит, правильно идешь, товарищ Одинцов! — громко похвалил Петя самого себя. — Пошли! — крикнул он собакам и легко тронулся вниз, наискось перерезая на лыжах пологий спуск.

Лес снова становился все гуще и выше. Пришлось снять лыжи и пробираться сквозь заросли пешком. Буреломы, засыпанные снегом, мешали идти, то и дело подстерегали предательские промоины. Сотни следов зайцев, лис, даже волка говорили о том, что распадок заселен и полон жизни.

В одном месте распадок сузился. Крутые, почти отвесные стены поднялись по сторонам. Большие тополи с густым подлеском из багульника заполнили темную и сырую щель. Где-то, невидимый под сугробом снега, журчал ручей. Стало немного жутко.

— Вперед! — послал он собак, и они пробежали мимо него.

А дальше все произошло со скоростью кинокартины, заснятой методом замедленной съемки.

Собаки отчаянно залаяли. Опытным ухом Петя определил, что лают они на крупного зверя. Он быстро скинул заплечный мешок, взял ружье на изготовку и шелкнул курками. Лай не удалялся и не приближался. Тогда Петя сделал несколько шагов вперед. И вот открылась небольшая узкая полянка, зажатая каменными скалами. На тонкой сухой лесине сидели, вцепившись в ствол когтистыми лапами, два медвежонка и дико озирались по сторонам. Туй и Кава танцевали вокруг дерева, оглашая окрестности призывным лаем.

У Пети перехватило дыхание. Он машинально положил пистолет из заднего кармана брюк в карман полушубка. «Сейчас явится разъяренная медведица», — мелькнуло в голове. По сторонам нависли отвесные утесы, под которыми, видимо, была берлога, откуда собаки и выгнали медвежат. Куда деваться? Назад? Но грозный рев раздался именно сзади. Лохматая грозная медведица, с треском ломая кусты, спешила на выручку детенышам. Если мирная насадка бросается на собаку, защищая своих цыплят, то что же может сделать разъяренная медведица?!

Собаки, занятые медвежатами, которые, по их мнению, представляли очень легкую добычу, увидели медведицу, когда она оказалась слишком близко. Как раз на ее пути стоял Петя. Медвежата, услышав мать, подняли отчаянный визг. Медведица взъерошилась, обезумела от злобы, ей некогда было встать на дыбы. Как тяжелый

Одним ударом лапы зверь сбил Петю с ног.

снаряд, ринулась она на Петю. Раздался выстрел. Ухо с комком шерсти и мяса полетело в сторону. Брызнула кровь. Оглушенный зверь перевернулся на месте, но тут же снова бросился на врага. Еще выстрел, почти в упор. Туй одним прыжком сел на медвежью морду. Но поздно, милый Туй, слишком поздно ты бросился на выручку своему хозяину! Ударом лапы зверь сбил человека, рванул его одежду и подмял его под себя. Кава с отчаянной решимостью кинулась в свалку. Еще раз, теперь уже под тушей, раздался выстрел — на сей раз пистолетный.

Мохнатая махина дрогнула, обвисла, конвульсии прошли по всему телу. Собаки, дрожа от ярости, рвали зверя, захлебывались и кашляли от шерсти, забившейся им в пасть.

А над всем распадком, где разыгралась эта трагедия, длившаяся меньше минуты, неся истощенный вой до смерти перепуганных медвежат, которые всё еще сидели на лесине, судорожно вцепившись в нее маленькими, острыми коготками...

Глава двадцать седьмая

*Великое переселение муравьев. — *Мертвая зона расширяется. —
Планы спасения ценностей*

Лас и Дик не пришли в загон.

— Небывалый случай! — сказал Сперанский Ускову, и в голосе его слышалась тревога.

— Что-то, видимо, им помешало. Пойдемте, Владимир Иванович, сходим к газовой пещере.

Далеко идти не пришлось. Уже за полкилометра от дома они увидели пожелтевшую траву, увядшие, по-зимнему грустные кустарники и засохшие ветви низких деревьев. Газ! Ядовитая трещина посылала всё новые и новые дозы отравы. Скоро кратер станет мертвым царством, отравленным колодцем.

— Нет, это нелепо! Неужели мы не можем спастись, спасти эти огромные ценности, месторождения, ваши записи, музей, живых мамонтов! Самое противное чувство — это чувство собственного бессилия!

А газ, видно, стойкий. Он слабо разлагается, не перемешивается с воздухом и разливается во все стороны, как жидкость. Удельный вес его, должно быть, намного больше, чем вес воздуха.

— М-да... Если Пете не удастся добраться до людей, тогда... У меня, Владимир Иванович, часто болит сердце за мальчика. Не слишком ли смело мы поступили, отправив его в такой опасный путь? Где он сейчас? Что с ним?

— Мне думается, он парнишка с характером. Да и сметливый. Он пройдет, — отвечал Сперанский.

— Вся моя надежда на то, что где-нибудь на пути он встретит людей. Время выбрано все-таки правильно. Сейчас пойдут поиски. Если бы только он встретил наших!

— Конечно, наше спасение и спасение кратера зависят от удачи нашего юного посланца. Однако мы должны пробиваться и сами. Надо готовиться к эвакуации из кратера.

Они сидели в лесу на поваленном дереве. Что-то шуршало, копошилось в траве у них под ногами.

— Смотрите! — воскликнул пораженный Сперанский.

Трава кишела муравьями. Трудолюбивые лесные жители переселялись на новые места. Десятки тысяч крупных черно-коричневых муравьев шли вверх, по направлению к дому Сперанского. Каждый из переселенцев нес какую-нибудь поклажу. Большинство тащило белые, крупные яйца, другие волокли личинки. Это походило на организованную эвакуацию.

— Вот так недавно уходили наши люди из городов, когда надвигался враг. Мы уже рассказывали вам про войну с фашистскими полчищами Гитлера, — сказал Усков.

— Да. Я все время думаю о родном Петрограде...

— О Ленинграде, хотите вы сказать...

— Вот именно. Все не привыкну. У меня там осталась жена и двое детей: мальчику было пять лет, Сашей его звали. Маргарите — восемь. Жене моей, Софье Павловне, сейчас должно быть пятьдесят семь лет... — Он прибавил со вздохом: — Они считают меня погибшим...

Усков уверенно произнес:

— Тем более обрадуются, когда увидят вас. Но для

этого надо остаться в живых. Было бы чересчур глупо пережить все, что вы пережили, и погибнуть от этого дурацкого газа, когда спасение близко. Надо, знаете, и нам все-таки эвакуироваться.

— Но куда?

— В места повыше, пока не доступные для газа. Уж если мы не спасем всей жизни в кратере, то уберечь самое главное мы должны обязательно. Кстати, вы понимаете, почему не пришли домой мамонты?

— Теперь догадываюсь...

— Они инстинктом почувствовали опасность. Интересно, где они обосновались?

И все же мамонты не выдержали одиночества.

На другой день рано утром Лас и Дик пришли к дому и стали на полянке, пошевеливая хоботами. Увидев людей, они затрубили, замахали хвостиками и ушами, а когда Сперанский и Орочко подошли к ним, радостно закивали головами. Они привычно обняли друзей хоботами, усадили к себе на спину и, довольные удачным похищением своих хозяев, быстро направились с ними вверх на новое свое местожительство.

Насилу уговорил их Сперанский. Привычный голос заставил мамонтов наконец остановиться и сесть невольных пассажиров на землю. И, когда люди пошли назад к дому, гиганты долго и недоуменно смотрели им вслед, явно не понимая, почему же не воспользовались хозяева кратера их услугами по переселению...

Когда люди скрылись в лесу, мамонты молча повернулись и пошли прочь от места, признанного их инстинктом смертельно опасным для жизни.

Теперь в пещере Сперанского работали яростно, до полного изнеможения. Двое из шести разведчиков все время находились в забое: палили костер, таскали воду, долбили ломом неподатливый базальт. Уже был пробит широкий лаз на три метра вглубь. Осталось еще около четырех метров.

— За месяц добьем, — уверенно говорил Любимов, который почти безвылазно находился в пещере.

— Важно, кто кого опередит: мы со своей работой или газ из трещины, вот в чем вопрос, — безрадостно шутил

Борис и с горечью рассматривал мозоли на своих ладонях, не сходившие вот уже несколько недель.

В свободное от работы время Орочко ходил по лесу и зорко высматривал еще не ушедшего зверя. И, если ему встречался глупый лис или неповоротливый барсук, он брал хворостину и гонялся за ними до тех пор, пока не убеждался, что звери убежали в верхнюю половину кратера. Усков метко окрестил Орочко титулом начальника эвакупункта. В то же время агроном следил за посевами. Вечером докладывывал:

— Яченье раскустился. Степень кушения в среднем два и три десятых. Хорошо! Картофель взошел, выпадов нет. Рассада чувствует себя нормально, но на днях потребует поливки. Какое будет указание, Владимир Иванович?

Тот слабо улыбался и отмахивался. Газ находился в трехстах метрах от огорода... Стоит ли думать теперь о поливе?

Чтобы обезопасить место работы, решили сложить вокруг входа в пещеру плотный каменный барьер: если газ зальет весь кратер и подберется к пещере, барьер защитит ее на какое-то время.

Когда стена была закончена, то перед входом в пещеру получился огороженный дворик метров тридцати в длину и десяти — пятнадцати в ширину. Открытым оставался пока только лаз для разведчиков. В любой день, когда газ подойдет к месту работы, люди могли заложить и замазать вход и остаться в дворике, откуда им прямой путь в пещеру и — может быть — в большой мир.

В первую очередь во дворик перетащили алмазы. Потом сделали неприкосновенный запас пищи из вяленого мяса, рыбы и овощей. Натаскали много дров, выкопали и обмазали глиной небольшой бассейн и залили его водой. Теперь можно было ждать.

Усков, как и все, строго соблюдал очередность работы в пещере. Но, закончив свою смену, он брал геологический молоток и уходил в лес. Какая бы судьба ни ожидала их, а работать надо, о кратере надо иметь полное представление. Наслоения земной коры — раскрытая книга геологической истории Земли. Только читай.

Усков особенно упорно искал кимберлиты. Кроме той алмазоносной «трубки», которую он нашел вблизи пещеры Сперанского, ему удалось обнаружить кимберлитовую глину на дне озера. В ручье около озера он подобрал шесть алмазов величиной с лесной орех.

Однако, бродя по кратеру, Усков то и дело возвращался к границе, за которой не было жизни. Газ расходился все дальше и дальше. Он уже задушил обитателей реки — масса мертвой рыбы плавала по поверхности озера; он крался по низинам, и трупы мелких животных — зайцев, ежей, бурундуков, — не успевших бежать, оставались на его пути.

Как-то геолог вместе с Орочко пошел в верхнюю часть кратера осмотреть подход к террасе, куда их всех сбросил буран несколько месяцев назад.

Именно сюда, в верхний кратер, перекочевали теперь звери из нижнего кратера. Весело и шумно бродили по полянам бараны, неторопливо и озабоченно прохаживались медведи, мелкота кишела в траве и кустарниках.

— А вот и наши друзья! — воскликнул Орочко.

Этот возглас относился к мамонтам. Они шли к лядям, приветливо помахивая хоботами и опустив головы, словно кланялись знакомым.

Ускову и Орочко удалось взобраться на террасу.

— Вот мы почти и на свободе. Еще метров пятьдесят — и вершина горы. Близко, не правда ли? — заметил геолог.

— Близок локоток, да не укусишь!

— Мы спасем и животных и растительность, — вдруг твердо заявил Усков. — Смотрите, Александр Алексеевич. Ширина перемычки в самом узком месте, где соединяются оба кратера, не больше трехсот — четырехсот метров. А по бокам отвесные, порядком потрескавшиеся стены. Если ничего иного не придумаем, то, как только вырвемся наружу и достанем взрывчатку, обрушим стены и отгородимся от нижнего кратера стеной. Западный погибнет. Пусть. Но вот этот, с животными и лесами, останется. Как заповедник!

— Но сперва надо выйти самим, — осторожно заметил Орочко.

Глава двадцать восьмая

*о том, как начались поиски и куда направились основные
поисковые отряды треста*

В начале апреля на конечной станции шоссе Юг — Север, за тысячу с лишним километров от Хамадана, на берегу небольшой таежной реки, где находилась геологическая база номер восемь, собралось необычайно много народа. Здесь были геологи, проводники, рабочие. Выделялись охотники-якуты в своих неизменных ичигах и кожаных куртках, покрытых сверху кухлянкой — теплой накидкой из шкур молодых оленей, которая надевается через голову. Они сами вызвались идти на поиски исчезнувшей партии.

Все были вооружены. У каждого якута за спиной болтался винчестер. Геологи и рабочие имели кто охотничье ружье, кто винтовку.

Недалеко от базы паслись олени. В тайге, где животные разгребали снег в поисках своей излюбленной пищи — ягеля, раздавался перезвон их бубенцов. Возле рубленых домиков и складов опытные погонщики комплектовали упряжки. Узкие и длинные нарты подходили к амбарам, и таежные жители умелыми руками укладывали на них ящики и мешки. Неподалеку пофыркивали маленькие, косматые лошадки. В яслях перед ними лежало свежее сено, в ящики насыпано вволю овса — лошадей откармливали перед долгой и трудной дорогой.

На солнцепеке лежали собаки. Их потяги были уже подобраны и прошли испытание. Косматые лайки, по семь — одиннадцать штук в потяге, уже привыкли друг к другу, перестали волноваться и теперь, свернувшись калачиком, посматривали на шумный лагерь.

Последние работы: чистят и проверяют ружья, набирают патроны, подгоняют вьюки, осматривают обувь — ладно ли пригнана, не будет ли худо ноге. В походе обувь — самое важное. С часа на час ожидают приказа о выступлении.

Из домика выходят две женщины. Все взоры обращены на них: они — единственные женщины в этом отдаленном лагере. На них спортивные брюки, выпущенные поверх ичигов, такие же, как на мужчинах, брезенто-

вые куртки с поясами и патронташи. На поясах — ножи, за плечами — винчестеры. меховые шапки с ушами и теплые перчатки довершают походное одевание. По всему видно, что женщины также собираются в дальний путь.

Вот они подходят к лошадям, умело взнуздывают огрызающихся «якуток» и седлают их; кони пятятся, бьют ногами.

— Балуй! — предупреждающе крикнула одна из наездниц и легко вскочила в седло.

Вторая последовала ее примеру.

— Куда это они?

— Объезжают своих лошадей. Молодцы! Это знаешь кто? Усковы. Настойчивые, однако! Вчера они с Андреем Ивановичем схватились. Он хотел задержать их здесь: опасно, мол, и далеко, а тут еще какие-то бандиты в тайге шатаются. Куда там! И слышать не захотели. Оказывается, они уже не раз бывали в походах, знают и выюк и седло. В общем, наши, таежные!..

В тот же день у начальника поиска Андрея Ивановича Швеца состоялось совещание руководителей групп. Восемь человек склонились над картой. На ней чернела точка: база номер восемь. От этой точки шли карандашные стрелки в самый центр белого пятна.

— Знакомьтесь с маршрутами, товарищи. Примерно до центра неизученного района все шесть партий пойдут параллельным курсом и будут проходить в день по двадцать — двадцать пять километров. Партия от партии на расстоянии десять — двадцать километров. Таким образом мы захватываем площадь в сотню километров шириной. Связь между группами поддерживают два самолета. Попадется что-нибудь интересное — сама ли группа Ускова или ее следы — немедленно сигнализировать самолетам сдвоенным костром. На сдвоенный костер равняться остальным партиям и прийти на помощь...

Майор Сидоренко напомнил:

— Надо договориться о сигнале, если обнаружат этих...

— Да... Если попадутся неизвестные, о которых мы уже говорили, действовать согласно указаниям: арестовать и под конвоем препроводить на базу. В случае сопротивления дается право на защиту. О такого рода

встрече сообщить самолетам тремя кострами. Когда пройдем двести — двести пятьдесят километров, всем собраться, обсудить положение. Место сбора укажут самолеты. Они сбросят вымпелы. Дальнейшие действия предпримем, сообразуясь с обстоятельствами. Возможно, придется опять разойтись. Кстати, о месте сбора. В прошлый раз самолеты обнаружили за перевалом интересную долину с незамерзающей рекой, которая пропадает в очень узком ущелье или уходит в землю. Эта долина и будет нас интересовать в первую очередь. Усков упоминал о ней в своих донесениях.

— Когда выступаем, Андрей Иванович? — спросил кто-то.

— Завтра рано утром. К четвертой группе, которая пойдет прямо на норд, прикомандировываются Усковы и майор Сидоренко. Самолеты начнут патрулировать на третий день. Их номера: 06032 и 05640. Запомните.

Солнце было еще где-то далеко за горизонтом, над морозной землей еще стояло раннее звездное утро, которое ничем не отличается от ночи, когда на базе началось движение. Скрипели полозья нарт. Повизгивали дрожащие от нетерпения собаки. Разведчики, седлая лошадей, разговаривали вполголоса, словно стеснялись нарушить ночную тишину. В темноте мелькали фонари, слышалась приглушенная команда. Но вот все смолкло. Первыми вышли низкорослые лыжники в кухлянках и молча, как призраки, пересекли заснеженную речку. За ними потянулись собачьи упряжки. Раздалось характерное «хох-хох-хох!» погонщиков, и длинная черная лента людей, оленей, собак и вьючных лошадей вползла в лес и там, словно гигантский веер, распустилась шестью линиями.

Последние слова расставания, пожелания счастливого пути — и поисковые группы пошли каждая своей дорогой. На обледеневшем насте остались только неглубокие следы полозьев да узкие тропинки, пробитые мохнатыми ногами вьючных лошадей.

База опустела. Остались сторож и радист.

Уже на третий день пути, при подъеме на пологую каменистую сопку, один из охотников второй группы увидел дерево с крестообразной зарубкой на коре.

— Свежая, — уверенно заявил охотник. — Смола еще не побелела. Топором сделано, маленьким топором, какой у Николая есть. Они!

Километров через восемь встретилась еще такая же зарубка. Группа уверенно пошла теперь по следам Любимова, чуть отклонившись к востоку от первоначального курса. Дали знать Швецу. Он приехал на собаках, осмотрел зарубки и одобрил новый маршрут. После этого вторая и четвертая группы уже на шестой день пути настолько сблизились, что с вершины сопок часто видели одна другую.

Самолеты летали от группы к группе, но заветных дымков нигде не видели.

На одиннадцатый день четвертая группа вошла в узкое ущелье, прошла несколько километров и остановилась. Дальше хода не было. Или возвращаться, или карабкаться по узкой тропочке вверх.

Проводник, не сходя с лошади, заявил:

— Голову сломишь на этой тропе. По ней человек не пройдет. Надо назад, в обход.

В это время Вера Ускова что-то заметила. Она соскочила с лошади и нагнулась: на жесткой глине ясно проступал след кованого конского копыта.

— Смотрите!

Спешились, походили кругом. Да, следы коней: обычные шипы буквой «Н», какими ковали лошадей во всех партиях треста. Сомнения отпали: партия 14-бис прошла именно по этой тропе.

— В горах так: где пролетит орел, там пройдет олень. Где пройдет олень, геолог обязательно пролезет, — пошутил Швец, и группа тронулась по узкой тропинке. Коней повели под уздцы.

Вот и самое опасное место.

Вера шла, прижавшись к камням. Она не знала, что именно в этом месте сорвался Борис и что его едва спас проводник.

Подъем прошел благополучно. Группа ускорила шаг и шла ввѣрх и вверх, пока не открылась великолепная панорама огромной долины с уже освободившимися от снега полянами, густыми лесами и быстрой рекой, которая с ревом и шумом катила свои воды под гору, в дикий водоворот.

Никто уже не сомневался, что пропавшая партия спустилась именно в эту долину. Мог ли геолог пройти мимо такого заманчивого уголка природы?

Все как зачарованные осматривали с высоты широкую долину, острые пики горных цепей, окаймлявших ее, черные трещины горных распадков. И леса, леса, леса, покрывавшие весь этот таинственный край!

«Они где-то здесь», — думала про себя Варвара Петровна, и у нее сжалось сердце. — Но живы ли?»

Она тяжело вздохнула.

Вера подошла к матери и обняла ее. Девушка думала о том же.

Майор Сидоренко сел на камень и долго рассматривал долину в бинокль. Интересное местечко... Майор водил биноклем вправо и влево.

Ничто не нарушало первозданного покоя природы. Безлюдье, и тишина, и гул падающей воды, к которому ухо привыкает так же скоро, как к тиканию часов в тихой комнате, — вот как встретила долина Бешеной реки новую группу пришельцев. Но вдруг что-то блеснуло. Еще и еще раз. Какой-то посторонний предмет... Что это может быть? Никак не разглядишь. Майор злился на свои глаза, на бинокль и наконец обернулся к Вере:

— Посмотрите вы, у вас, быть может, зрение лучше. Что там поблескивает на берегу? Вон там, близко от воды...

Девушка долго шарила биноклем по берегу.

— По-моему, консервная банка, — сказала она наконец. — А выше в кустах я вижу колья... Остов палатки и... и... рогач для костра.

— В таком случае пошли, товарищи, — заторопился Швец. — Спускаться будем здесь, прямо к устью реки.

Глава двадцать девятая,

в которой на сцене появляется Криворотый Ангел

В морозном воздухе звуки разносятся далеко и стоят долго. Давно смолкнет источник звука, а горы всё еще забавляются и повторяют его.

Криворотый Ангел крайне встревожился, услышав один за другим несколько выстрелов, которые внезапно прокатились где-то в отдалении. Раскаты были гулкие, не винтовочные. Это обстоятельство несколько успокоило его: значит, не охрана, не солдаты...

И все-таки Ангел насторожился.

Он встал и потихоньку вышел из берлоги.

— Куда? — сонным голосом спросил Кныш, открывая один глаз.

— Да никуда! — бросил Ангел и пошел по направлению выстрелов.

Лес в том месте был очень густой, темный, с большим количеством выворотней — самое подходящее место для диких зверей. На берегу небольшого ручья, который местами уже освободился от снега и льда, в крутой осыпи чернел глубокий выворотень: гигантская лиственница упала и подняла дыбом толстый пласт дерновой земли, обнажив желтую глину с глыбами камня. Видно, над этой ямой когда-то старался трудолюбивый медведь. Он вывернул камни, разгреб глину и сделал себе глубокую, уютную берлогу. А потом, должно быть, ушел или погиб. Берлога пустовала. Ее-то и нашли беглые бандиты и устроили себе здесь логово.

Место еще и тем было удобно, что дым даже от большого костра не выходил из этого высокого леса, а рассеивался между ветвей — обстоятельство, весьма важное для тех, кто скрывается от постороннего глаза.

Бандиты жили в долине Бешеной реки почти неделю. Они пришли с запада после долгих скитаний по снежным горам и решили устроиться здесь, потому что здесь есть дрова, вода и даже рыба и ягоды.

Все у них было: топоры, ножи, порядочный запас продуктов, которые они взяли, ограбив заимку.

Убийцы жили сегодняшним днем. Спи, ешь, ходи по лесу... Чего еще надо? День, да твой! Один только Ан-

гел мечтал уйти отсюда. Правда, он не делился своей мечтой с сообщниками, и читатель сейчас увидит почему. Ангел надеялся найти золото, много золота, пробиться к морю и как-нибудь, на какой-нибудь шхуне контрабандистов махнуть за границу. А там ему рисовалась жизнь без забот и без страха.

С этой мечтой Ангел бродил по берегам речек и угрюмым оком осматривал гальку и скалы, кидался на блески кварца и подозрительно оглядывался — не следят ли за ним его приятели.

Но золото все не попадалось. В природе оно всегда скрыто от глаз, особенно от неопытных глаз. Можно ходить по золоту и не видеть его. Криворотый имел цепкие и сильные руки. Но эти руки хорошо владели финкой, лопату они презирали...

...Итак, Ангел пробирался сквозь чащу, ползком протискивался меж завалов, часто останавливался и настороженно оглядывался по сторонам. Выйдя на опушку, он спрятался за деревьями и напряг слух.

Высокий, костлявый, с длинными жилистыми руками, бандит стоял, прислонившись к дереву. У него были нежные, даже красивые черты лица, маленький рот бантиком, тонкие брови вразлет и светлые, пустые голубые глаза. Да, когда-то этот человек, несомненно, был красив. Но в какой-то схватке Ангела полоснули ножом по лицу. Шрам лег от правой брови через щеку и нос и словно вытянул маленький рот бандита влево.

Ангел постоял, затем широким шагом пошел через редкий лес, в обход распадка.

Неожиданно потянуло дымом. В лесу послышался собачий лай. Дело осложнялось. Собаки могут почуять чужого... Ангел решил зайти с подветренной стороны и заглянуть в распадок сверху, с горы...

...Теперь нам нужно вернуться немного назад.

Мы оставили Петю Одинцова в объятиях мертвой медведицы. Туй и Кава бесновались, пытаясь оттащить тушу в сторону и освободить юношу. Наконец он сам зашевелился, поджал под себя ноги, осторожно повел плечом и тяжело перевалился в сторону.

Весь в крови, и острая боль в боку... Ранен!.. Не вставая, Петя вытер мокрым снегом свои окровавленные руки, поднял пистолет и огляделся. Жив! Но очень больно в боку! Просто огнем жжет. Посмотрел — полушубок и фуфайка разорваны, на теле четыре глубокие кровавые борозды — след медвежьей лапы. Нужен костер — это первое. Нужна вода — это второе. Петя кое-как наломал веток и развел огонь. Котелок со снегом зашипел на огне, появилась вода. Тогда Петя разделся, дрожа от холода, промыл свои раны и туго перевязал себя запасной рубашкой. Кровь остановилась, но боль не проходила.

«Ладно, — подумал он, — заживет...»

И тут же вспомнил: кто-то говорил ему, что барсучий и медвежий жир хорошо заливает раны. Кажется, Николай Никанорович... Точно. Он подошел к туше и вырезал кусок сала. А и жирная она была, эта медведица! Пришлось опять развязать повязку. Петя растопил сало на огне, смазал себе бок и опять перевязался. Стало легче. По крайней мере, теперь не присохнет повязка.

Собаки улеглись, насытившись медвежатиной. Петя вскипятил смородиновый лист, напился и почувствовал такую усталость, что едва смог нарезать веток для подстилки. Клонило ко сну. Забравшись в мешок, он сразу уснул, словно провалился в пустоту.

Уже во сне он почувствовал, что его лихорадит, и не от холода. Это жар...

Даже собаки и те не слышали, как чужой подполз к самому краю обрыва и отогнул ветку

стланика. Внизу, в каких-нибудь десяти метрах от скалы, этот чужой увидел костер, двух мохнатых собак и спящего мальчика. Чуть дальше валялась убитая медведица. Стояли лыжи. Ружейный приклад высовывался у спящего сбоку из-под спального мешка.

Увидев это, Ангел догадался, что именно произошло в распадке. Но кто он, этот юнец с собаками? И почему он один? В одиночку по тайге не ходят даже с оружием.

Бандит осторожно отполз назад и пошел вверх, проверить, есть ли еще кто-нибудь. Вскоре он нашел лыжню и следы собак. Один... Больше никого!

«Что ему надо здесь?» — думал бандит.

В сумерках Петя проснулся и сразу почувствовал, что жар у него усилился. Щеки горели, в боку жгло. Хотелось пить. Петя кое-как поднялся и, весь изогнувшись от боли, стал рубить сухую лесину: костер-то ведь нужен. Без костра на морозе пропадешь.

Когда запылал огонь и зашипела жареная медвежатина, юноша повеселел. Сегодня-завтра он полежит, отдохнет, бок у него заживет, и он пойдет своей дорогой на юг. Кстати, сколько же он в пути? Десять, двенадцать дней?

Юноша решил предоставить себе в эту ночь хоть небольшой отдых. Отдохнув, надо будет пройти до низовьев Бешеной реки, разыскать старую стоянку на берегу теплых озер, пожить там день или два, пополнить запас продуктов рыбой и дичью и уже тогда махнуть дальше через перевалы на юг.

Спать больше не хотелось. Петя сидел на мешке около огня, чистил ружье, осматривал лыжи и долго изучал по карте свой маршрут.

Если бы Петя поднял глаза, он бы увидел Криворотого Ангела.

Бандит сидел на скале и с усмешкой рассматривал его. Так вот кого он встретил в тайге?! Мальчишку? Чего ему здесь надо, этому пацану? А все же, видать, смелый парень, боевой! Вон какую тушу уложил...

Ангел усмехнулся, поправил на голове шапку и смело двинулся к костру.

...Собаки вскочили. Туй без шума бросился на незнакомца и сразу впился ему в икры. Петя схватился за ружье. Из темноты раздался крик:

— Эй, кто там! Уберите собак!

С головней в руке Петя бросился на голос и увидел человека, который валялся на снегу и отчаянно размахивал ножом, отбиваясь от собак.

— Идите к костру, — строго приказал Петя и, не выпуская ружья из рук, сел на прежнее место.

Сердце его стучало сильно и тревожно.

Глава тридцатая

В плену у бандитов. — Допрос. — На плоту по Бешеной реке.

— Ну и зверь у тебя, — сказал вместо приветствия незнакомец и уселся напротив Пети, исподлобья и опасливо поглядывая на собак, которые настороженно стояли рядом со своим хозяином. — Как ты попал сюда, парень?

— А вы кто такой? — вопросом на вопрос ответил Петя, разглядывая этого с неба свалившегося незнакомца, и переложил ружье на колени так, что стволы как бы случайно оказались направлены незнакомцу в грудь.

— Убери ружье, пацан. Учти, я тебя не боюсь, я волк стреляный... Спрашиваешь, кто я? Мы тут роемся в шурфах. Рабочие мы.

— В шурфах? Здесь полевая партия? Чья?

— Будто ты все партии знаешь. Ну, положим, Петровского. Слышал про такого? Из этого, как его, из треста... Знаешь?

— Нет. Где они?

— Не торопись, увидишь. А ты-то кто, чего не отвечаешь?

— Охотник. Медведей промышляю.

— Один?

— Н-нет. За мной люди идут. Пятеро...

Криворотый засмеялся. Бродяга заметил болезненный румянец Пети и окровавленные тряпки, валявшиеся у костра.

— Царапнул медведь, что ли? — он попытался придать своему голосу сочувственный тон. — Самому больно небось, а хорохоришься. Ложись, я покараулю.

— Партия далеко?
— У реки. Завтра утром пойдем. Я услышал выстрелы — ребята говорят: пойдй посмотри. Ну, я и увидел тебя.

— Как же вы пошли без оружия?

— Я-то? А вот... — Он вынул из кармана пистолет и подбросил его на ладони.

Еще бóльшая тревога охватила Петю. Он знал, что рабочим в партиях пистолеты боевого образца не выдаются. Тут что-то нечисто. Он вспомнил предостережения Ускова о том, что в тайге можно черт знает на кого нарваться, и вдруг с предельной ясностью почувствовал, что перед ним сидит бандит. Пете стало страшно.

— Да ты не трусь, — сказал незнакомец, очевидно угадывая состояние Пети. — Дай-ка лучше пожать. Что у тебя есть?

Все еще держа в руке пистолет, Ангел встал и шагнул к Пете. Туй зарычал и рванулся вперед.

— Ну, ну!.. А то вот... — Ангел направил пистолет на собаку.

— Убери оружие! — резко приказал Петя.

— Ишь ты... — сказал Ангел и спокойно засунул пистолет в карман. — Держи зверей, я пойду себе мяса отрежу.

Он вынул финку и, оглядываясь, пошел к туше. Петя весь сжался. Что делать? Бежать? Куда тут убежишь? Застрелить бродягу? Но за что? А вдруг это порядочный человек?

Криворотый принес мяса, нарезал его на куски, насадил на палку и принялся жарить.

Воцарилось молчание.

Петя лихорадочно соображал.

— Знаете что, — сказал он наконец. — В тайге люди недоверчивы. Вы вот что... Уходите к своим, а меня оставьте. Завтра встретимся и обо всем договоримся. Хорошо?

Ангел не ответил. Ему хотелось дать этому мальчишке по уху, забрать у него вещи — и пусть танцует на морозе. Но собаки!.. Да и ружье! Дело в том, что пистолет, которым грозился Ангел, был без патронов.

— Гонишь?.. Куда же я пойду в темноте? Заблужусь и замерзну. Переночуем вместе. Не бойся, не съем.

А можно ли гнать человека от костра куда-то в темноту, в лес, в снега? Кто бы он ни был, а человеку нельзя не дать места у очага.

И Петя согласился.

— Хорошо, переночуйте здесь! Я... немного нездоров. Так что вы уж сами... Разложите костер побольше, нарубите веток и ложитесь с той стороны.

Криворотый промолчал. Он нарубил веток, принес валежника и лег на ветки лицом к огню, облокотившись на руку.

Петя сидел по другую сторону огня. Он мужественно боролся со сном, решив про себя, что спать совсем не будет.

Потянулась ночь, самая длинная и тоскливая ночь, какая только была в жизни Пети. Он полулежал, упрятав ноги в мешок и обняв ружье. Собаки успокоились и свернулись рядом с ним. Петя широко раскрывал глаза, разглядывал мигающие звезды на небе, ясный Млечный Путь. Временами, впадая в какое-то забытие, он уносился туда, к звездным дорожкам на небе, и начинал дышать ровно, спокойно, как дышат все сонные люди. Но треск какой-нибудь веточки в огне, малейший шорох по другую сторону костра сразу же выводили его из полусна. И он еще шире раскрывал глаза, быстро поднимал голову, и собаки вслед за ним тоже поднимали головы.

Так проходили медленные ночные часы. А под утро, как ни бодрился юноша, в голове у него все перепуталось: звезды, страшный рот Ангела, пламя костра, пасть медведя, лай собак и блестящий на солнце снег. Он уснул.

И тогда Ангел медленно вытянул вперед свою жилистую руку. Пальцы нащупали стволы ружья, ружье легко выскользнуло из расслабленных рук юноши, и в ту же секунду Ангел встал во весь рост и, хлестнув Петю веткой, крикнул:

— Ну ты, папан! Вставай!

Петя вскочил на ноги и уставился на черные стволы, которые сжимал в руке Ангел.

— Туй, Кава, взять! — не своим голосом крикнул Петя.

Собаки кинулись на бандита. Тотчас же грянул выстрел, и Кава — первая жертва Криворотого — с жалобным визгом покатилась, сраженная пулей. Туй отскочил в темноту и взвыл от бессильной злобы.

— Вторая пуля твоя, пацан! Одно слово — и я тебя отправлю к прабабушке... Займись костром, да живо!

У Пети от бессильной ярости даже слезы проступили на глазах. Больше всего он злился на самого себя. Поделом тебе, разиня, не доверяйся первому встречному! И вдруг он вспомнил: в кармане пистолет!.. Как забилося сердце! Теперь он вправе прихлопнуть злодея! Но карман оказался пуст. Пистолет выпал и лежит где-то в снегу.

Когда Петя вернулся к костру, Ангел рылся в его вещах. Продукты, патроны, одежда — все лежало на снегу.

— А ну, пацан, раздевайся. Раздевайся, говорят! Снимай полушубок, выворачивай карманы, поглядим, какой ты охотник...

Он обшарил все карманы своего пленника, вытащил завернутые в бумажку куски руды, которые положил ему Усков, развернул их и громко свистнул: на ладони у него лежали три блестящих камушка и небольшой самородок. Попробовал на зуб — желтый металл откусывался легко, как свинец. Золото... Вот она, долгожданная находка! Богатство, воля, безмятежная жизнь в чужой стране!

— Откуда золото?

— Оттуда... — Петя неопределенно махнул рукой. Он еще не придумал ничего, что прозвучало бы хоть маломальски убедительно.

— Вот что, пацан. Давай играть начистоту. Откроем карты. Я — Криворотый Ангел. Мне нужно твое золото, и я буду его иметь, хоть бы мне пришлось из тебя кишки выпустить. Говори все... Ты кто?

— Из экспедиции. Мы проходили по долине, искали золотые россыпи. Партия заблудилась километрах в ста отсюда, меня послали сообщить в трест.

— Где нашел золото?

— Там... Вон у той горы, где течет река.

— На берегу?

— Прямо на берегу. Речка поворачивает в сторону, там и нашли. Там много, всем хватит...

— Так. Это мы проверим. А эти камушки, это что?

— Так... Понравились, вот я и подобрал.

— Где подобрал?

— На берегу. Да это просто стеклышки...

Ангел ухмыльнулся:

— Стеклышки? Ну ладно, разберемся. А теперь айда к нам, ко мне домой. Тебя там еще ребята пощупают.

Бандиты, немало всполошившиеся из-за долгого отсутствия своего атамана, успокоились, увидев его со спутником. Один из бандитов, Кныш, долго присматривался к Пете, закрыв один глаз, потом подошел к нему поближе и, видимо оценив шапку Пети, сдернул ее с мальчика, нахлобучил себе на голову, а Пете бросил свой жалкий трюх:

— Смотри-ка, прямо впору! А тебе и эта хороша, малец.

Петя вспомнил про документы, зашитые в шапке. Но как отобрать их?.. Бандиты еще хохотали над проделкой Кныша, когда рыжий сухопарый детина, которого приятели звали Ленькой, вдруг проворно стянул с ног ободранные халявы и еще более проворно разул Петю.

— Вот это правильные сапоги! — говорил Ленька. — И как раз! Бери, пацан, мои, они помягче. Тебе все равно далеко теперь не ходить!

Петя сидел на снегу в одних меховых чулках. Чулок не сняли: они были слишком малы. Оказался мал и полшубок. Хоть эта одежда осталась на пленнике.

«Пропал я, — подумал Петя и затосковал. — Один против четверых. И безоружный!»

Но тут он вспомнил Сперанского и Иванова. Они были в еще более трудном положении, а все же не сдавались. Не рано ли ты хоронишь себя, Петя? Бороться всегда надо.

— А ну, малец, доложи обществу о золоте...

Петю слушали с огромным вниманием. Потом помолчали, потом, выпроводив мальчика, долго шушукались, разрабатывая план действий.

Утром бандиты оставили одного из своих, по прозвищу Тарелка, караулить пленника, а сами ушли на реку. Вскоре оттуда послышался стук топоров.

— Значит, золотишком промыляешь, да? — Тарелка миролюбиво улыбнулся, отчего его круглое лицо рас-

плылось и стало так плоско, что делало понятной кличку, данную ему товарищами.

Петя кивнул головой.

— Это правильно! Нам, браток, без золота да без денег — какая жизнь! А вот наскребем по мешочку, тогда нам и море по колено. Подадимся туда...

— Куда?

— А туда... — Он неопределенно махнул рукой. — Где милиции нет. И ты с нами пойдешь. Если дойдешь, конечно. — Он опять улыбнулся и блаженно потянулся. — Папашка у тебя есть?

— Нет... Что они там делают, твои дружки?

— Плот делают. Сейчас пустимся «вниз по матушке по Волге». А ты не врешь насчет золотишка?

— Не вру. Зачем мне врать?... Забирайте. Мне не жалко.

— Смотри, мы народ сурьезный. В случае чего, знаешь?... «И за борт ее бросает, в набежавшую волну...» Понял?

Петя соображал. Бандиты хотят спуститься вниз на плоту. Они не знают, куда и как бежит Бешеная река. Хотят взять его с собой. Верная гибель!.. Как только минуют поворот, где могила Иванова, так и пропали. Там уж не выбраться из быстрого потока, унесет... Что же делать, что сказать им? Нет, отговаривать их он не станет. Пусть едут! Но самому-то как спастись? Ведь в кратере ждут, надеются на него!..

Что-то, видимо в конце концов придумав, Петя скинул с себя теплые штаны и фуфайку и сел на них. Оставшись в легкой одежде, он надел полушубок.

Над долиной сиял солнечный день. Жаркие лучи пронизывали снег до самой земли, и он оседал на глазах. Пахло смолой, скипидаром, и было тепло, как это бывает в апреле только в безветренных долинах континентального Севера. В это время года горячие дни сменяются здесь ночными морозами, и обильный снег исчезает за каких-нибудь десять—двенадцать дней, уступая место зеленой траве, а она начинает прорастать чуть ли еще не под снегом.

Бешеная река набирала весеннюю силу. На всем ее протяжении по тайге и распадкам в нее вливались ручейки и речки. Земля не могла впитать, не принимала

всей воды: промерзшая вглубь на многие метры, она попросту стряхивала с себя талую воду, и весь снег, сколько его ни было, растаяв, устремлялся в реки. Потому-то они так бурливы и многоводны на Севере. Прогрохочут, беснуясь, вешние воды, накатают в отмели камней и гальки, прорвут там и здесь податливый аллювий в долинах, настроят новых островов и протоков — и успокоятся, смирятся до нового паводка, до жаркого июля, когда начнет таять снег на горных вершинах.

Тогда снова вспухнут реки, зашумят ручьи, забурлят водопады — держись, путник, выбирайся скорее из опасных долин на сопки!..

Петя сидел и смотрел на ручей, протекавший рядом, — маленький, торопливый, деятельный. Куда ты бежишь? Бухнешься в реку, подхватит она твои чистые струйки, пронесет по всей долине, мимо могилы Иванова, мимо озер, мимо старого стойбища. Свернет влево и понесется как одержимая, туда, к скале, вниз, в kloкочущий водоворот. И сгинешь ты, ручей, быстро проживши свою бурную жизнь...

Петя вздрогнул, представив себе этот короткий путь.

Вернулись бандиты. Молча поели, бросив Пете начатую банку консервов. Криворотый лег на мешок, зажмурился.

— Эй ты, папан! — лениво начал он. — Это точно, что внизу нет никого? Или ты врешь? Мы сейчас поплывем туда. Смотри, если обманул! Ежели увижу на берегу какой ни есть народ — пополам распорю, и к рыбам! Лучше скажи заранее. Чего насупился?

— Нет там никого. Моя партия в горах, мы отсюда еще осенью ушли. Нашли золото и ушли. Можете ехать спокойно.

— Ты с нами поедешь.

— Лучше я останусь здесь. У меня бок болит, не могу я тронуться.

— Тоже придумал! А кто нам место покажет? Собирайся!

Они заспешили. Ими уже владела золотая лихорадка.

Забрали пожитки, пошли. Петя запихнул в кусты телогрейку и теплые брюки, запахнулся в полушубок и молча зашагал сзади. Если бы ему ружье! Но его «ижевка» болталась за плечами у Ангела...

Плот качался в зарослях тальника. Немудрое сооружение — семь или восемь сухих лиственниц, связанных лозой, и две поперечины. Такой плот налетит на подводный пенёк и разъедется, как мочало. Петя сел на заднюю поперечину. Рыжий и Тарелка вооружились длинными шестами, стали по бокам. Криворотый и Кныш сложили продукты и одежду посредине и сели лицом вперед.

— Держись, пацан! — крикнул Рыжий и оттолкнул плот.

Утлое суденышко и его пассажиры доверили свою судьбу реке.

Петя сидел и думал, поглядывая на уходившие назад берега. Руки его теребили лозу, удерживающую бревна. Ангел неотрывно смотрел вперед, настораживаясь при каждом повороте реки. Он все-таки не доверял мальчишке, боялся западни. Ружье лежало у него на коленях. Все были заняты своим делом. Петя стал потихоньку развязывать скрутки. Одна, другая, третья... Между бревнами журчала вода, темная, жадная. Еще две скрутки... Пете уже приходилось удерживать концы лозы руками, чтобы бревна не разъехались.

Миновали могилу Иванова, миновали район озер. Показался последний поворот — мыс, покрытый высоким лесом. Впереди — черная стена. Как только завернут — готово, никакая сила не вырвет плот из объятий реки, все ускоряющей свой бег.

Петя глянул на берег. Меж кустов мелькало желтое пятно, то появляясь, то исчезая. Милый, дорогой мой Туй! Ты сопровождаешь меня, ждешь, надеешься...

И вдруг Петя почувствовал себя так спокойно, так уверенно, словно не было рядом с ним этих угрюмых злодеев и ждала его не гибель, а увеселительная прогулка. Так бывает, когда человек принял решение и поверил в свои силы.

Криворотый устал смотреть вперед. Он положил ружье на бревна, стволами к Пете, в каком-нибудь метре от него, и стал скручивать сигарку. Петя быстро взглянул на берег: метров тридцать... Сейчас плот войдет в стрелень и помчится навстречу верной гибели.

Петя отпустил концы, и нижняя перевязка выскочила из-под бревен. Тарелка еле удержался на ногах. Петя

Петя рванулся и бросился в воду.

скинул полушубок, схватил ружье из-под рук Ангела и сильным рывком бросился мимо Кныша в воду. Булькнуло и утонуло ружье.

— Куда?! — иступленно крикнул Ангел.

— Держи! Бей! — заорал Рыжий.

Петя вынырнул метрах в шести. Тарелка хватил по воде шестом, но не достал. Мальчик уже отплыл. Бандит поскользнулся, бревна разъехались, и Тарелка бухнулся в воду.

Но Криворотый не растерялся. Он выхватил пистолет и, брызгая слюной, крикнул:

— Застрелю! Назад!..

Петя еще раз нырнул. Когда голова его показалась из воды, Ангел в бессильной злобе запустил в мальчика ненужным пистолетом и угодил ему по затылку. На миг все помутилось в глазах у Пети. Мальчик снова нырнул и, захлебываясь, отвоевал у реки еще метра три. Опустив голову, он с отчаянием выбрасывал руки вперед. Берег все ближе и ближе. В кустах мелькнуло желтое пятно. Туй! Еще усилие, еще одно... А плот относит и относит! Трое бандитов мечутся по расползающимся бревнам, а река словно играет с ними: она разворачивает бревна и снова их соединяет и неумолимо несет вперед.

Вот он, долгожданный берег! Наконец-то!.. Петя ухватился за кусты, вскарабкался и лег на землю. Туй с тихим визгом кружился около него, тыкался мордой, облизывал его теплым, шершавым языком. Петя с трудом поднял голову и посмотрел назад.

Плот выносило за поворот. Но на нем только две фигуры. Чья-то голова чернеет в воде на полпути к берегу. Криворотый! Он плывет сюда! Ружье! Вот когда пригодилось бы ружье!..

Петя вскочил на ноги и бросился вверх по берегу. Он опять гонится за ним, этот страшный Ангел! Оружия у него теперь нет, но есть нож и злые сильные руки. У Пети оружия нет. Но есть верный Туй.

Петя быстро отжал одежду и побежал по мокрому, чавкающему мху вверх, к берлоге, где у него остались сухие вещи. Переодеться — и бежать к распадку! Там, где-то около пепелища, должен лежать оброненный пистолет Ускова.

Глава тридцать первая

*Погоня. — Встреча с волками. —
Снова Криворотый Ангел. — Ночная схватка*

Спасательные группы номер два и номер четыре устроили привал на берегу Бешеной реки. Стоял ясный солнечный день, и люди отдыхали после тяжелого перехода. Неожиданно из-за поворота реки показался стремительно несущийся плот; на нем были люди. Первой увидела их Вера Ускова. Она бродила по берегу и грустными глазами смотрела на реку, на черную тайгу, на синее небо и думала об отце, о Борисе, о Пете, обо всех, погибших где-то в этих молчаливых горах. И вдруг — плот! Вера вскрикнула и в два прыжка оказалась у палаток. Все бросились к берегу.

В момент, когда плот огибал мыс, от него отделился человек и быстро поплыл к противоположному берегу. Остальные метались на бревнах и отчаянно кричали.

— Спасите, гибнем! — неслось с плота.

Но никого уже невозможно было спасти. Река довершила начатое дело...

А майор не отводил бинокля от отчаянного пловца, боровшегося с течением. Человека относил вниз, но он упрямо тянулся к берегу и наконец пересилил реку. Не оглядываясь, вышел он из воды, отряхнулся и тут же скрылся в чаще.

— Успокойтесь, пожалуйста, это не наши. Я их хорошо разглядел, — сказал майор Варваре Павловне, которая сидела в каком-то странном оцепенении.

— Но кто же это?

— Те, кого я ишу! Трех уже нет. А Криворотый, их атаман, спасся. Но теперь он от нас не уйдет! Мы еще с ним побеседуем!

...Да, Ангел спасся.

Едва плот вышел из-за поворота, бандит понял, какую ловушку расставил им этот юнец и почему сам он, рискуя жизнью, бросился в воду. Ничего, мальчишка еще ответит!

Ангела отнесло вниз по течению более чем на километр.

Но теперь, едва войдя в лес, он торопливо пошел

вверх по реке, рассчитывая догнать юнца и разделаться с ним.

Ангел нашел место, где Петя вылез, увидел следы и понял, что мальчик повернул обратно к медвежьей берлоге. Атаман пошел следом за ним.

Но по правому берегу, почти параллельно с Криворотым, уже ехали пять всадников. Они покинули лагерь разведчиков сразу же после гибели плота. До поры до времени они тоже скрывались от постороннего глаза. Для того чтобы настигнуть Ангела, им прежде всего надо было найти переправу через эту страшную реку.

Уже было темно, когда Петя пришел к берлоге. Одежда на нем почти просохла, но мальчик валился от усталости. Меховые чулки намокли и расползлись. Разжечь костер было нечем. А как только село солнце, стало холодно. С реки тянул резкий ветер.

Взгляд Пети упал на место, где горел костер. От пепелища шел едва заметный дымок. Значит, огонь еще есть!

Петя торопливо разгрел золу и нашел толстый корень, который перегорел и еще дымился. Вот когда пригодился совет Любимова! Найти сухую гнилушку было легко. Мальчик приложил ее к огоньку, раздул жар, и, когда яркий кусочек пламени перескочил на трут, Петя завернул огонь в сухой мох и бережно понес туда, куда стремился все время — к распадку, где должен был лежать его пистолет.

Вот он, распадок. Кто это проворно отскочил от медвежьей туши? А, волки! Они лязгают зубами, но пятятся от человека с собакой. Волки сыты, им не хочется вступать в борьбу. До другого раза...

Не обращая больше внимания на хищников, Петя уселся у старого костра и начал раздувать огонь. Как учил Николай Никанорович? Тонкие щепочки, потом ветки шалашиком, а уж сверху крупные сучья. Так... Через несколько минут костер запылал. Петя набросал целую гору валежника. Стало светло и весело, темнота отступила, и тут он увидел свой пистолет! Черный пистолет на белом фоне, он встал в снег, как бы впечатался в него.

Ну, теперь иди сюда, Криворотый Ангел, я поговорю с тобой!.. Петя не сомневался, что бандит придет.

Внезапно мальчиком овладела страшная усталость. Хотелось лечь спиной к огню и спать, спать, спать... И он действительно уснул. Рядом с ним свернулась и собака.

Криворотый пришел к берлоге часа через три. Положение бандита было незавидное. Он не успел ни обсушиться, ни отдохнуть. Где же юнец? И тут он вспомнил: конечно, в своем распадке! И, не глядя на ночь, на смертельную усталость и дрожь, Криворотый вскочил, выхватил финку и пошел в распадок по следу юноши.

Костер он увидел еще издалека. Чем же разжег его хитрый малый? Ангел стал тихо подкрадываться. Вот он, этот мальчишка! Вот кто провел его, старого волка. Один? Один. Спит? Нет, сонного он его не зарежет. Пусть посмотрит смерти в глаза.

Шаг, другой, третий. Уже близко... Скрипнула подвернувшаяся галька под ногой. И в ту же секунду Туй с быстротой молнии бросился Ангелу на грудь и впился в горло зубами, но через мгновение и сам упал с распоротым брюхом. Петя вскочил. В пяти метрах от него стоял окровавленный, страшный в своей улыбке Криворотый. В руке у него блестел нож.

— Ложись, пацан, — хрипло проговорил Ангел. — Зови маму и папу...

Петя выхватил пистолет. Ангел опешил и по привычке стал поднимать руки. Петя приободрился:

— А, подлец, задрожал? Повернись спиной! Руки назад!

Криворотый понял, что игра проиграна. А впрочем...

— Слушай, пацан, — жалостливо проговорил он. — Убить ты меня всегда успеешь, понял? Хочешь, я уйду. Совсем уйду, а? Оставайся у костра, а я подамся в тайгу. Разойдемся как друзья...

— Как друзья? Нет, старый бандит, какие мы с тобой друзья? Я теперь имею право пристрелить тебя!..

— Ну, стреляй! На! — Ангел повернулся к нему грудью. — Стреляй в беззащитного человека! Ну!..

Петя нажал спуск. Послышался тихий шелчок, но выстрела не последовало. Петя рванул каретку назад, патрон выскочил. Нажал еще. Опять осечка.

На лице Криворотого появилась наглая усмешка:

— Пугач отказал? А ну, дай-ка я...

И он направился к Пете, который все еще пытался выстрелить.

Криворотый успел сделать только один шаг. На скале, прямо над головой у Пети, треснул выстрел, и наглая усмешка на лице бандита увяла. Он выронил нож, поднял глаза, чтобы увидеть, кто стрелял, и тут же свалился головой вперед, почти к Петиним ногам.

А Петя стоял с пистолетом в руке и ничего не понимал. Он увидел майора, хотел что-то сказать и упал своим спасителям на руки.

Глава тридцать вторая

Вертолет в воздухе. — Станный бред Пети Одинцова

Над долиной Бешеной реки поднялись сразу пять столбов дыма: горело пять костров. Летчики недоуменно пожимали плечами: почему пять? Неужели всех сразу нашли: и партию Ускова и бандитов?

На всякий случай наблюдатели еще раз пересчитали костры. Да, вот два, и в стороне еще три. Стало быть, действительно нашли всех! Сверху было видно, как оживленно бегали по поляне люди, как они махали руками в сторону шоссе. Нетрудно было догадаться, что они просят летчиков приземлиться.

Но при всем мастерстве и добром желании пилотов посадить самолет в этой местности и в это время года никак нельзя: самолеты на лыжах, а снег почти уже сошел, обнажились кочки и ямы, в долинах стоит хорошо видная сверху вода. Летчикам не оставалось ничего более, как только помахать крыльями, пролететь пониже над палатками и лечь курсом на юг, на базу номер восемь, где есть подходящая посадочная площадка...

С базы полетели в трест одна за другой две радиogramмы, извещавшие о результатах поисков.

— Долина с незамерзающей рекой?.. Весьма любопытное место. Координаты?.. Так, отметим... Почти в центре белого пятна... Что же, займемся!

Федор Павлович Басюта вызвал к себе летчиков и приказал подготовить вертолет.

Через два часа красная птичка распластала в воздухе свой большой горизонтальный винт, лопасти с шумом завертелись, образуя вогнутый вращающийся диск, и вертолет плавно оторвался от земли, словно вспорхнул. Набрав высоту, он величественно и спокойно понесся вперед.

С этим вертолетом на базу номер восемь вылетели управляющий трестом и главный геолог. Еще через день, пополнив машину горючим, вертолет взял курс на север, через перевалы, к месту расположения второй и четвертой поисковых групп.

В тот же день он приземлился в ста метрах от палаток разведчиков на небольшой поляне, окруженной кустами черемухи и шиповника, начавших уже раскрывать свои липкие почки.

Люди встретили машину восторженными криками. Зато лошади, услышав гулкое ворчание моторов, бросились сломя голову в лес. А олени пригнули рогастые головы и умчались, забились в такую чащу, что их с большим трудом нашли.

— А здесь, представьте, нужен доктор, — прежде всего сказал новоприбывшим Шве́ц.

— Доктор? Что случилось?

— Понимаете, — начал Шве́ц, — мы нашли только одного из спутников Ускова, его племянника. И при крайне странных обстоятельствах. Он разут, раздет, ранен. И нашли мы его в момент схватки с бандитом. А что касается остальных, то никаких следов нет. На том месте, где мы с вами находимся, раньше была стоянка партии Ускова. Судя по остаткам палатки, они находились здесь почти год назад.

— Почему же вы не расспросите мальчика?

— Он болен и все время в бреду. У него рваная рана на боку. В распадке, где его нашли, лежал убитый медведь. Видимо, парень выдержал поединок со зверем. Там же две мертвые собаки из полевой партии. Вот и все. Мальчику нужен доктор. Мне кажется, тут дело даже не в ране. Похоже на глубокое нервное потрясение...

— Пойдемте к нему.

Петя, как упал майору на руки, так уже больше не

приходил в себя. Ко всему, что он пережил, ко всем страхам и потрясениям надо прибавить и то, что мальчик простыл: он плавал в холодной реке и почти сутки провел на ногах в мокрой одежде и без обуви. Такие вещи даром не проходят. Майор привез его в ту же ночь в лагерь и сдал с рук на руки Варваре Петровне и Вере.

Ни одна мать не ухаживала бы так за своим сыном, как эти две женщины ухаживали за Петей, и все же он четыре дня находился между жизнью и смертью. Он никого не узнавал, бормотал что-то бессвязное, порой выкрикивал какие-то странные слова, пытался вскочить, бежать, метался, плакал, кого-то звал, с кем-то дрался.

В таком состоянии был мальчик, когда к нему в палатку вошел Басюта.

Федор Павлович несколько минут слушал его бессвязную речь, потом встал и вышел. Он был явно встревожен.

— Вот что, — сказал он летчику вертолета. — Сейчас же вылетай в город. Передайте мою записку начальнику медицинской службы. Возьмите врача и медикаменты и немедленно возвращайтесь снова сюда. Мы ждем вас...

Вертолет улетел, увозя заодно майора и труп Криворотого Ангела.

Басюта еще некоторое время провел у постели больного, а потом позвал Веру и дал ей весьма странное, на первый взгляд, поручение:

— У мальчика прорываются слова, которые могут навести нас на след. Сделайте, пожалуйста, так... Возьмите карандаш, бумагу и попробуйте записать дословно все, что он прошепчет или выкрикнет. Не мешайте ему, не останавливайте, пусть говорит. А потом эту бумагу с записями покажите мне. Хорошо?

Вера всю ночь не смыкала глаз. Утром она отдала Басюте листки:

— Он так много говорит непонятного. Вы вряд ли что-нибудь разберете...

Басюта упрямо сдвинул брови, вчитываясь в записи бреда.

«Нет, нет, не надо... Тот, кто с песней по жизни шагает... Туй, вперед! Пусть они уходят в верхний кратер... Я пробью... Владимир Иванович!.. Он меня задушит! Газ, газ везде... Нет, Ангел, теперь ты!.. Страшно! Вода черная... Бей его!.. Мама все равно не знает...

И застрелю... Я имею право! Брось нож! В кратере все пропадет... Лас, ко мне! А он не кусается? Взять бы и подняться... Шар или самолет... Криворотый, ты трусишь, ага! Я не умру? Борис, Борис, ты не пролезешь, а то бы мы вместе... Ход из кратера пробит... Вперед!.. Какой вкусный хлеб... Я встану, пустите!.. Нам бы аммоналу... Где волки?... Николай Никанорович... Кратер не погибнет!.. Облака... Дик, подними хобот... Владимир Иванович! Дядя Вася! Ой! Душно как... Кава, рви его! А, Рыжий, попался!.. Музей!.. Нет, я пойду...»

Директор задумался.

— Кто такой Владимир Иванович? Он повторяет это имя не раз. В партии номер четырнадцать, насколько я помню, человека с таким именем нет.

— Может быть, его родственник?

— Среди родных у нас нет Владимира Ивановича, — вмешалась Ускова.

— Загадочно. Дальше. Еще одно слово. Повторяется четыре раза: «Кратер»... Гм... Это не случайно. Кратер. Кратер... Где тут может быть кратер? Слушайте, Андрей Иванович, в прошлый раз, когда вы организовывали поиск, вам не приходилось летать над этой горушкой? Вот та, что светится белой шапкой?

— Эршот? Нет, не приходилось. Над Эршотом вечные облака.

— А может быть, это дым?

— Возможно, и так. Во всяком случае самолеты вынуждены были постоянно обходить вершину горы.

— «Кратер»! Занятое слово. Ну хорошо, подумаем. Еще вот что... «Ход из кратера пробит». Тоже любопытная фраза. Кратер. Ход. Ущелье. «Борис не пролезет». А кто же пролезет? Только тот, кто меньше Бориса? Да? А меньше Бориса только Петя Одинцов... Вот где загадка! Что за Лас? Что за Дик?

— Так ведь это бред. Мало ли что человек скажет в бреду!

— А мне думается, что на Эршот надо обратить особое внимание. «Кратер»!.. Как только прилетит вертолет, мы с вами, Андрей Иванович, слетаем на Эршот и пощупаем у него макушку — не горячая ли она. Идет?

А по всей долине шел наземный поиск. Охотники обнаружили могилу Иванова. Дожди и метели наполовину

стерли надпись. Все же после больших трудов она была прочитана. «Никита Петрович Иванов... погребен 10 июня 1947 года. Геологическая поисковая партия 14-бис треста «Севстрой».

Кто такой Иванов?

Но кто бы он ни был, нужны ли еще какие-нибудь доказательства того, что партия Ускова была здесь! Куда же она девалась?

Тревога охватила всех с новой силой, точно сейчас пришло лишь первое известие об исчезновении шести разведчиков.

Глава тридцать третья

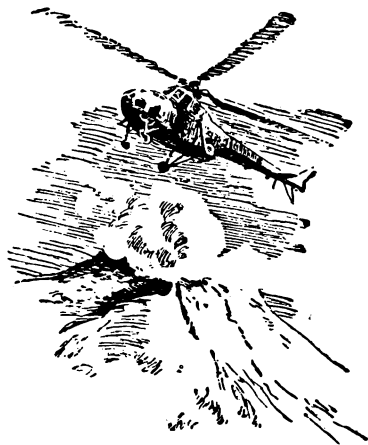
*Вертолет в кратере. — Гибель мамонтов. —
Но где же Усков и его люди?*

Вертолет, напоминающий большую, странно раскрашенную стрекозу, опять спустился на полянку, заросшую черемухой. Открылась кабина. Из нее вышел врач, пожилой человек с чемоданчиком.

Осмотрев больного, он объявил, что смерть ему не угрожает. Мальчик крепкий, вытянет. Все облегченно вздохнули и решили, что теперь можно более энергично взяться за спасение остальных.

В этот весенний день над всем миром, даже над далеким северным краем, небо было голубое и совершенно чистое. Без умолку трещали по кустам сороки; пуночки розовыми шариками перелетали с куста на куст. На озерах утки устроили базар: они оглушительно кричали, ныряли или, разомлев, сидели на берегу, чистили свои и без того чистые перышки. Что-то копошилось в траве: это играли бурундуки, изредка попискивая и становясь в положение «смирно», чтобы оглядеться кругом и моргнуть своими круглыми большими глазами. Неуклюже перелетали с дерева на дерево черные глухари. Они тоже что-то бормотали на своем глуховатом наречии лесовиков и время от времени атаковали кусты шиповника, где еще с прошлого года висели заманчивые переспевшие красные ягодки, или проворно обрывали полураскрывшиеся почки деревьев.

Резким контрастом просыпающейся природе и веселому дню выился угрюмый Эршот, окруженный, как владыка подданными, мелкими горами и сопками. Его мрачные склоны сейчас также покрыты девственно белым снегом, как и зимой, словно Эршот отвергал и теплоту солнца и веселье жизни. Над вершиной его клубился рваный серовато-пепельный туман; одинокое, неприкаянное облако про-

плыло по голубому океану, зацепилось за острые пики Эршота да так и застряло на вершине, вполне довольное своим мрачным пристанищем.

Вертолет поднялся чуть выше этого облачка и сделал круг. Басюта и его помощник Швеc внимательно осматривали угрюмый массив и фотографировали его.

— Какая высота?

— Тысяча триста пятьдесят метров. Мы выше вершины на сто пятьдесят метров. Высота горы, таким образом, тысяча двести метров...

— Попробуйте спуститься ниже и пройти на уровне облака.

Машина прошла рядом с облаком, опасливо отодвигаясь всякий раз, когда белая вата цеплялась за лопасти винтов.

— Ого! Солидно! Окружность вершины более пятнадцати километров. Занятный пик! Он значительно шире, чем Килиманджаро! — воскликнул Басюта.

— Африканский вулкан не имеет вершины. Вместо вершины у него огромный кратер, — напомнил Швеc.

— Кратер? А почему бы нам не предположить, что у Эршота нет вершины, а есть впадина и что эта впадина — кратер уснувшего вулкана? — сказал Басюта.

— Вы так думаете? — Швеc только сейчас начал понимать мысль своего начальника. — В таком случае не

попробовать ли нам окунуться в эту белую кашу? Или мы спокойно сядем на камни, или... или окажемся снова над впадиной. Начинайте спуск...

Летчик заметно помрачнел, но приказание выполнил. Вертолет вошел в облако и осторожно продвинулся к его предполагаемому центру. Машину окутал мокрый туман. Видимость ограничилась двумя—тремя метрами. Скоро в кабине стало сыро и холодно, как в ноябрьский пасмурный день. Пассажиры замолчали.

— Ах, черт! — выругался Швец. — Как красиво бывает издалека, и какая это гадость вблизи!

— А по-моему, это облако ненастоящее, — заметил Басюта. — Это скорее какие-то испарения, конденсирующиеся над вершиной.

— Но испарение происходит только при наличии источника тепла?

— Вот именно... Я все больше и больше прихожу к убеждению, что Эршот имеет кратер.

— Мы на уровне горы... — Летчик обернулся к пассажирам и недоуменно посмотрел на одного и на другого.

Недоумение вполне законное. Выпущенное из предосторожности шасси машины, опускающейся очень медленно, должно было бы уже коснуться камней. Все трое напряженно смотрели вниз. Где же она, эта вершина?

Вертолет замер на месте. Винты крутились с огромной быстротой, поддерживая тяжелый фюзеляж.

— А ну-ка, давайте еще ниже!

Вертолет опустился чуть ниже. Снова проклятый туман.

— Тысяча сто сорок!

— Еще ниже...

— Девятьсот тридцать!

— Пробьем ли мы это облако наконец!

— Девятьсот десять! На двести девяносто метров ниже вершины!

Швец оторвался от стекла и посмотрел на Басюту. Тот улыбался.

— Опускаемся в кратер. Понимаете?

— Очень хорошо. У каждого кратера где-нибудь есть дно. Как вы думаете? Поехали вниз...

Девятьсот... Восемьсот семьдесят... Восемьсот двадцать... Семьсот... Нет конца и края серовато-мокрой

массе, окутывающей их. Шестьсот десять... Вот что-то проглянуло внизу... Еще несколько метров. Пробили завесу тумана! Возглас удивления вырвался у всех трех одновременно: под вертолетом расстился живописный лес, блестели озера, ручьи оживляли летний пейзаж. А по сторонам, куда только хватал взгляд, черными бастиями возвышались отвесные стены загадочной впадины.

...Мамонты мирно паслись на опушке леса в восточной части кратера. Они протягивали хоботы к веткам деревьев, пригибали их, обламывали тонкие веточки и проворно запихивали себе в пасть. Продвигаясь вдоль опушки, Лас и Дик достигли озера, где когда-то агроном встретил медведя. Ноги гигантов зачавкали по болоту. Мамонты остановились. Они знали, как предательски обманчива мягкая земля у воды. Осторожный Дик уже выпростал передние ноги из трясины, но Лас решил все же сорвать пучок сладкого камыша и потянулся хоботом за добычей. Увлеченный своим делом, он позднее Дика услышал и увидел то, что вскорости должно было его погубить.

Когда невиданная птица с рокотом выскочила из-под облаков и закружилась над лесом, ища места для посадки, ужас обуял всех животных. Гул мотора усиливался в кратере во много раз благодаря эху, которое металось от стены к стене, ударялось о камни и сотрясало воздух.

Стадо баранов кинулось через камни и завалы к лесу, ища спасения от страшной птицы. Бурые медведи ревели от страха. Лисы и еноты, зайцы и рыси, даже флегматичные ежики и любопытные бурундуки — все обезумели и куда-то бежали, прыгали, уползали.

А птица спускалась все ниже и ниже и грохотала, нагоняя ужас на все живое.

Дик бросился в чашу. Он остановился в глубине леса, гулко фыркая и озираясь. Кожа на спине гиганта дрожала мелкой дрожью, в глазах сверкало безумие.

С минуту он потоптался на поляне, но именно в эту минуту красная птица пролетела совсем близко, и Дик опять сорвался с места. Ломая и сокрушая на своем пути деревья и кусты, он мчался, не ведая ни дорог, ни цели, — лишь бы уйти от ужаса, висевшего над его головой. Как буря пролетел он вниз, ворвался в западный

кратер, с ревом пробежал мимо дома Сперанского, влетел в высокий лес, прошел его, как пуля, насквозь и забился среди высоких скал у самой стены кратера. Здесь все было мертво. Но сюда почти не доходили ужасные звуки.

Гигант понемногу успокаивался. Шерсть его улеглась, прошла дрожь. Мамонт опустил голову, хобот безвольно поник до самой земли. Усталыми глазами осматривался Дик по сторонам. Он видел желтые, поникшие травы, высохшие деревья, мертвых животных. И внезапно он почувал где находится: недалеко от него темнел зев страшной трещины. Инстинкт самосохранения говорил ему: уходи, спеши! Но он уже не смог. Мамонт хотел поднять хобот. Увы! Не удалось и это. В последний раз пронесся над долиной трубный звук. Он был полон отчаяния и скорби. Никто ему не откликнулся. В глазах Дика еще теплилась жизнь, но большое тело уже не слушалось, оно стало тяжелым и чужим. Ноги подкосились. Мамонт упал на колени, как падали его предки на своем кладбище в россыпях щебня, там, откуда он бежал. Огромное тело зашаталось, и Дик свалился. Смертельная тоска заволокла глаза гиганта. И он закрыл их. Навсегда...

Судьба Ласа была еще ужасней. Появление неведомой птицы вызвало у него безотчетный ужас. Лас поднял вверх бивни и сделал скачок вперед, вложив в него всю невероятную силу своего большого тела, и тут же оказался в воде. Вода и грязь поднялись фонтаном. Это был последний скачок последнего мамонта на Земле. Лас очутился почти в центре озера. Тина податливо раступилась, и многотонная туша доисторического зверя медленно ушла в глубину. Еще минуту или две виднелась над водой огромная голова. Желание жить еще светилось в дико вытаращенных глазах; еще гремел над долиной трубный призыв о помощи, но жадное болото все больше и больше засасывало мамонта. Вот уже только бивни торчат над водой. Забулькала грязная лужа, пузыри показались на поверхности. И все стихло...

— Садимся вон там, около озера. Видите дом? На зеленую поляну.

Вертолет осторожно опустилсЯ около дома Сперанского. Три человека проворно выскочили из машины. Заметно волнуясь, они почти бегом бросились к дому, распахнули дверь. Никого!

— Что такое? Где же люди? Смотрите, совершенно очевидно, что здесь живут люди. Постели, оружие. Даже обед! О! Какой чудесный обед!

Басюта открыл один из глиняных горшков, стоявших около очага. Аромат русского борща, самого настоящего борща, наваристого, чуть-чуть кислого, густого, янтарно-масляного, аппетитно ударил в нос. Если бы Лука Лукич увидел в эту минуту восторженные лица пришельцев, он, несомненно, возгордился бы и немедленно усадил бы их за стол. Но этого совершеннейшего из кулинаров азиатского Севера нашей страны не было дома.

— Где же люди? Пойдем поищем!

Швец выстрелил из револьвера в воздух раз, другой, третий. Эхо громко и многократно повторило раскаты. И опять все стало тихо, как будто долина, лес и оба кратера, и дом, и аппетитный борщ были из заколдованного царства детской сказки.

Глава тридцать четвертая,

*в которой происходят такие неожиданные встречи,
что у Хватай-Мухи сгорает лук*

Жителей кратера трудно было бы найти, даже если бы обшарить каждый куст и каждый камень.

Вот уже два дня, как они не выходили из пещеры, добывая последний метр прохода. Лишь Лука Лукич забегал домой, чтобы заняться обедом, да и то не задерживался лишней минуты.

Дело в том, что газовое облако подползало к дому Сперанского все ближе и ближе. Возникла опасность быть отрезанными от пещеры, где проводились работы.

Наступил день, когда все, в том числе и Лука Лукич, переселились в пещеру и наглухо замуровали защитную стену, чтобы оградить место работ от проникновения газа.

— Подозрительное безлюдие! — раздумчиво сказал Басюта. — Давайте-ка облетим весь кратер. Или мы увидим людей, или они нас увидят.

— А вы уверены, что это именно те люди, которых мы ищем?

— Уверен вполне. Смотрите: вот спальный мешок с меткой «П-14-бис», вот планшетка и ружье с той же меткой. Хватай-Муха — аккуратнейший завхоз, он все пронумеровал. Единственное, чего я не понимаю, — это когда они успели разделить и засеять поле и построить этот дом. Похоже, что в кратере кто-то жил до прихода наших разведчиков. Загадочно!

Вертолет полетел вдоль стен, затем перерезал кратер в двух направлениях, но людей так и не было видно.

Солнце стало садиться. Ночевать? Но тогда в лагере подымется тревога.

— Полетим пока в лагерь, — предложил Басюта. — Завтра утром вернемся и основательно всё обследуем. Все-таки тайна понемногу проясняется. Усков и его товарищи, несомненно, здесь, в кратере. Но где? И как они сюда попали?

Последние лучи солнца скользнули по долине, проводили красную птицу до места посадки, задержались на несколько секунд на склонах сопки и погасли, утащив за собой прошедший день. Сразу стало темно.

Разведчики собрались у костра.

Петя проснулся среди ночи, открыл глаза и впервые за все эти мучительные дни посмотрел вокруг себя осмысленным взглядом. Низкие-брезентовые полотнища, фонарь «летучая мышь», столик с ножками, вбитыми прямо в землю, пузырьки с лекарствами! Но самым удивительным было присутствие Веры. Он долго тер глаза, раньше чем убедился, что это именно она спит около его кровати на ящиках, укрытых меховыми одеялами.

— Вера, а Вера! — шепотом позвал он.

Девушка не шелохнулась. Лицо ее лежало на ладони и казалось таким утомленным, что Пете стало жаль бу-

дить ее. Но любопытство разгоралось все больше и больше.

— Ку-зи-на!.. — чуть громче и раздельно произнес он, и девушка в ту же минуту открыла глаза, поморгала, вздохнула и, подумав, видно, что это ей почудилось во сне, снова зажмурилась. — Вера, проснись!..

— Ах, это ты, Петя? — Она вскочила. — Проснулся? Тебе что-нибудь дать? Я сейчас позову маму...

— Подожди. Где я?

— Дома... То есть не совсем дома, а в лагере, но это все равно. Здесь мама, и Андрей Иванович, и управляющий, и даже доктор. Только он ушел спать.

— А где дядя Вася? И все остальные?

Вера потупилась:

— Не знаю. Мы вас ищем. Тебя вот нашли, а других еще нет. Может, ты знаешь, где они?

— Знаю. Конечно, знаю! Зови всех, я расскажу. Да ты не плачь, чего ты плачешь?..

— А ты сможешь рассказать? Ой, нет, я сперва лучше доктора позову...

Она убежала, и вскоре до Пети донеслись приглушенные голоса, затем блеснул луч фонарика, и в палатку вошел заспанный доктор, на ходу надевая очки и халат.

— Проснулся наш молодой человек?.. Ну, здравствуй, здравствуй. Пульс?.. Так, великолепно! Температура? Прилично. Теперь надо питаться. Теперь ваше здоровье лежит на дне тарелки, молодой человек... Верочка, покормите его.

— Доктор, я хотел рассказать...

— Раньше покушаем.

Еще была глубокая ночь, когда у постели Пети собрались Басюта, Швец, обе Усковы, геологи и доктор. Тихим голосом, не торопясь и боясь упустить что-нибудь важное, Петя все рассказал: о судьбе партии 14-бис, об Иванове и Сперанском, о носороге, алмазах и золоте, о мамонтах и газе. Время от времени доктор ловил на себе взгляд Басюты, который глазами спрашивал его, не бредит ли больной снова. Но доктор отрицательно покачивал головой. Варвара Петровна тихо плакала от радости, а Вера шепотом ее успокаивала:

— Вот видишь, я говорила, все будет хорошо. Вот ви-

дишь! Завтра мы увидим папку. Воображаешь, как он оброс. Настоящий Робинзон...

А Петя говорил:

— Для них сейчас важнее всего, знаете что? Аммонит. Чтобы поскорее пробить выход из кратера. И нужны кислородные маски. Надо узнать, откуда течет газ, и закрыть трещины, а то в кратере все пропадет. Жалко! Там Дик и Лас... А дойти туда можно за несколько дней, если на лошадях. Это я почти две недели шел, потому что пешком...

Он продолжал после паузы:

— У Владимира Ивановича в кратере золота много! И алмазов целая куча! Потребуется грузовик.

— Мы завтра же там будем, Петя. Я уже сегодня был.

— Как? — Петя даже привстал от удивления.

— У нас тут вертолет. Мы летали и спустились. Только никого в кратере не застали.

— Они все в пещере. Ясно. А мамонтов видели?

— Представь себе, нет. Да ты поспи еще, Петя, отдохни. Тебе вредно много разговаривать...

Ранним утром лагерь почти целиком снимался и спешно уходил в верховье Бешеной реки, а оттуда к ущелью, к пещере Сперанского. Одна группа получила задание немедленно заняться поисками металла в Золотом ручье, который был открыт Сперанским и Ивановым. Но две палатки остались на месте: Петина и палатка Усковых. Теперь на берегу реки устраивалась перевалочная база: сюда должны были доставить всех освобожденных узников кратера и грузы.

Вертолет снова поднялся в воздух, полетел по знакомому маршруту к Эршоту и смело окунулся в туманное облако, которое так тщательно и долго охраняло тайну старого вулкана.

— Как ты думаешь, Андрей Иванович, рассказ мальчика о мамонтах и прочих диковинах — фантазия или похоже на правду?

— По-моему, все-таки бред. Мальчуган еще не совсем оправился после болезни. Какие тут живые мамонты, в наше-то время?

— Вчера мы, кажется, довольно подробно ознакомились с кратером. Не заметить таких гигантов было бы просто невозможно. Видно, парнишка еще заговаривается... А вот что касается алмазов и золота, то это похоже на правду. В подобных местах часто встречаются выходы рудных жил. И Сперанский молодец! Прожить столько лет в одиночестве и все годы трудиться в надежде, что придет освобождение! Человек! С большой буквы Человек!

Вертолет легко прошел сквозь туман. Через несколько минут красная машина садилась на засеянный участок.

Басюта и Швеc пошли прямо к пещере по пути, который указал им Петя. Пересекли редкий лес, вышли на тропинку, и... тут их поразила картина смерти. Луга с кустами жимолости, боярышника и калины представляли из себя серо-желтое, унылое пятно. Тлением и смертью веяло от поникших трав и высохших кустов.

— Так! — воскликнул управляющий. — Стало быть, Петя говорил правду. Газы! Надо скорее закрыть им доступ в кратер. Сегодня же ты, Андрей Иванович, полетишь на восьмую базу, оттуда самолетом в город и доставишь сюда кислород и все необходимое.

Они осторожно вступили на отравленный луг. Пламя спички показало, что газ стелется слоем почти в метр высотой. Человек мог пройти пока без опасности для жизни.

У входа в пещеру возвышалась стена, как бастион неведомого войска, сидящего в обороне.

— Подсади, — попросил Басюта и с помощью Швеца ухватился за верхние камни.

Во двореке трудился Лука Лукич. Перед ним горел костер, на треноге в котелке что-то булькало, а сам он держал над огнем какую-то посудину и поджаривал в ней сало с луком — этот неременный ингредиент борща, без которого жизнь разведчика недр земных становится скудной и пресной.

Поставив свою посудину на камень, повар стал помешивать в котле.

— Лука Лукич, смотри, не сгорел бы твой лук!..

Хватай-Муха машинально кинулся к посудине и ухватился было за нее. Но тут он сделал круглые глаза и, разинув рот, обернулся на голос. Увидев управляющего трестом, он от удивления и неожиданности сел прямо на землю.

— Чи це вы, чи це не вы? — вполголоса проговорил он.

— Принимай гостей, хозяин!

Басюта поднялся на стену, помог Швецу, и вот они оба — первые вестники освобождения — спрыгнули во дворик, и Лука Лукич очутился в их объятиях.

— Где все? Живы? Что делаете? Где Усков? — посыпались вопросы.

А Лука Лукич только смотрел то на одного гостя, то на другого и точно онемел. Глаза его повлажнели, и две слезинки покатались по щекам.

— Петра нашего нашли, чи как?

— Жив Петро. Он сейчас в долине. Каких-нибудь сорок — пятьдесят километров по прямой. Привет тебе шлет.

— А вы як? С неба?

— Точно! Прилетели. И машина наша около дома, на огороде. Ну, веди нас в свое подземелье.

Но тут Лука Лукич сорвался и, обжигаясь, выхватил посуду из огня. Поздно! Когда повар распыляет свое внимание — быть беде! Сало и лук уже горели синеватым, дымным огоньком, распространяя во дворике угар.

— Ой, ну пойдемте ж. товарищи! Ось будет радость!

...Последние дни в забое работали так: один человек лежал в проходе и долбил ломом. Второй вычищал осколки и ломиком срезал уже начисто все выступы в проходе. Каждый час люди в забое менялись. Три пары. Каждой паре — час работы, два часа отдыха. Долбили круглые сутки. Спали тут же, на сене. Лука Лукич готовил пищу в часы своего отдыха. Чем ближе становилась цель, тем упорнее и ожесточеннее работали. Все обросли бородами, все покрылись копотью и пылью, все похвдели, но ничто не ослабляло яростной энергии этих настоящих людей.

Когда пришли Басюта и Швец, в забое находились Борис и Орочко. Усков и Сперанский спали. Любимов мастерил свечи.

Басюта, Швец и завхоз вышли на освещенное место. Лука Лукич сиял от радости и счастья.

— Здравствуйте, товарищи, — громко произнес Басюта.

Любимов выронил фитили. Усков вскочил и спросонья ничего понять не мог. Сперанский сел и закрыл лицо руками. . .

— Вы! . . Федор Павлович, это ты? Отвечайте! — бормотал Усков.

— Я, представь себе, Василий Михайлович! Это я! Ну, иди же, иди, пропащая твоя душа, дай я обниму тебя! . .

Поднялась буря восторгов, пошли объятия.

— И вас мы уже знаем, дорогой Владимир Иванович. Петя нам все рассказал еще вчера! — сказал Швец Сперанскому.

— Значит, дошел все-таки? Молодец, Петя! Расскажите подробно.

— Это целая история! После! . . Где Орочко и Борис?

— Там. . . — Усков показал на черную щель. — Сейчас мы их вытащим.

Тут Лука Лукич проворно полез в забой, без слов ухватил Бориса за ноги и выволок, не обращая внимания на его протестующие крики:

— Я еще не голоден! Ты мне надоел со своим борщом! Пусти!

И тут Борис увидел новых людей.

— Здравствуйте, Борис Андреевич, — шагнул к нему Швец. — Вставайте, поцелуемся!

— Как же это так? А? — бессвязно залепетал Борис. — Как вы сюда попали? Здесь же кратер! Как вы сюда попали?

Потом он немножко освоился и спросил:

— А у вас что нового? Как Вера Васильевна? . .

— Ах, Вера Васильевна? — не без лукавства ответил Басюта. — Скоро вы ее увидите. Могу порадовать тебя, Василий Михайлович. Твоя жена и дочка ждут тебя недалеко отсюда. Но тащите последнего Робинзона. Где он там застрял? . .

— Александр Алексеевич, вылезай! — крикнул Любимов. — Дело есть!..

В ответ из забоя послышались глухие звуки и недовольное бурчание. Слов было не разобрать, но чувствовалось по тону, что человек не расположен выйти. Тогда за дело взялся Хватай-Муха. Непонятно, как это получилось, но сконфуженный Лука Лукич выволок из забоя сперва только одни сапоги агронома, а вторым заходом — брюки из брезентового мешка, которые Орочко надевал во время работы.

— Стойте, люди добрые! Як же оно так? — удивлялся Лука Лукич. — Зачипився! Аж из штанов вылез!

Наконец после пререканий и уговоров агроном вылез из забоя. Сперва показались босые пятки, затем ноги, затем туловище. Когда показалось лицо, оно было искажено злобой. Казалось, вот он хватит завхоза по голове. Но в какую-то невероятно малую долю секунды наш кандидат сельскохозяйственных наук сообразил, что произошло в кратере, и в первую очередь бросился обвинять именно того же Луку Лукича, а лишь затем Басюту, и Швеца, и всех своих товарищей.

Когда все чуть-чуть успокоились, Басюта объявил узникам, что они могут покинуть место своего заключения сегодня же.

— У дверей вашего дома стоит вертолет и ждет вас. Как такси, — сказал Федор Павлович.

Все стали выходить из пещеры, на ходу объясняя Сперанскому, что это за штука такая вертолет и что значит слово «такси».

Но кое-чем мог щегольнуть и Сперанский.

— А вы наших мамонтов видели? — спросил он Басюту.

Тот переглянулся со Швецом:

— Вы, собственно, о ком?

— Мамонты, мамонты! Неужели они вам не встретились? Странно!.. Разве Петя вам не говорил?

— Да, но...

— Ах, вы ему не поверили? Ну, так знайте: у Владимира Ивановича в кратере сохранились два мамонта.

— Живых?

— Как мы с вами. Их зовут Лас и Дик. Это наши закадычные друзья. Но где же они?..

Орочко забеспокоился. Владимир Иванович тоже с тревогой посматривал по сторонам.

Но тут его окликнул Усков:

— Владимир Иванович, покажите, пожалуйста, управляющему трестом ваши находки...

— Пожалуйста, — сказал Сперанский и раскрыл заветную яму.

Басюта и Швец были опытные геологи. Они многое повидали на своем веку, их трудно было бы удивить. Но и они положительно онемели, увидев эту груду золота и алмазов.

Глава тридцать пятая,

*рассказывающая о том, как просто иногда кончаются
самые удивительные приключения*

Людей иногда бывает трудно понять. Когда выхода из кратера не было, все только о том и думали, как бы поскорей вырваться. А когда пришло освобождение, начались совершенно неожиданные разговоры.

— Собственно, почему я должен вылететь именно сегодня? — сказал Орочко. — Я здесь начал очень интересную работу. Ведь сейчас полевой сезон!

— И я останусь, — заявил Любимов. — Если бы только нам привезли кислородные аппараты да взрывчатку... Надо перекрыть этот проклятый газ, пока он не задушил все живое.

Хватай-Муха, который молча упаковывал вещи, оставил свою работу и уселся на лавку с видом человека, который и в мыслях не имеет покинуть насиженное место.

Басюта посмотрел на одного, на другого и вдруг расхохотался:

— Ах, вот как? Тогда мы уезжаем и вернемся лет через десять. Хорошо? Усков, может быть, и ты останешься?

— Я полечу с вами. Надо повидать семью. А затем... А затем, Федор Павлович, партия номер 14-бис будет продолжать здесь свою работу. Временно, по

не зависящим от нас обстоятельствам, изыскания были прерваны. Теперь они возобновятся. Надо наверстать упущенное.

— А вы, Борис?..

— Я... В общем, я хотел бы съездить с Василием Михайловичем хотя бы на день... и вернуться.

— Ну что ж, мне возражать не приходится. Со своей стороны, мы с Андрей Ивановичем не покинем района кратера, пока не убедимся, что все здесь благополучно и безопасно. Сейчас мы вылетаем: Усков, Борис и я с Андрей Ивановичем. Из лагеря вертолет отправится за горючим на восьмую базу. Отвезет ценности. Андрей Иванович распорядится о присылке самолетов. Через три дня мы вернемся. К этому времени, надеюсь, кроме воздушного сообщения с кратером, наладится и наземное.

Может показаться особенно странным, что и Сперанский не торопился с вылетом. Он тоже остался. Но, говоря откровенно, ему было просто страшно вато вернуться в большой мир. В конце концов это так понятно, что и объяснять не надо.

Вместе с Орочко он направился в восточный кратер. Оба довольно долго шли молча, думая каждый о своем. Наконец агроном не выдержал:

— Что могло случиться с мамонтами? Куда они спрятались?

— Они животные разумные, но что-нибудь могло вывести их из равновесия. Например, шум вертолета. Мамонты весьма пугливы.

В восточном кратере стояла тишина. Звери попрятались по укромным местам. Орочко и Сперанский долго и тштно звали Ласа и Дика. На их зов иногда выходили медведи, бараны, но мамонты не откликались.

Но вот появились их следы. Следы вели к озеру, и тогда стало ясно все, что здесь недавно произошло: один из мамонтов вошел в трясину. Почувствовав под собой зыбкую почву, он испугался, кинулся вперед и утонул.

А на следующий день, осматривая место, пораженное газом, Орочко увидел второго мамонта. Дик лежал мертвый в самом центре газовой зоны.

Это был большой удар для Сперанского: он так сжился со своими гигантами... Но ничего не поделаешь.

Вера бросилась к отцу.

Надо было готовиться к отъезду, и Сперанский стал укладывать свои гербарии и свой палеонтологический музей.

На берегу Бешеной реки вертолет высадил Ускова, Бориса и Басюту и улетел со Швецом в сторону Золотого ущелья. Три человека остались на поляне. От палаток к ним бежали две женщины.

— Папа! — воскликнула Вера и повисла на шее у отца. Слезы катились у нее по щекам, девушка прижалась к отцу, повторяя без конца: — Папа ты мой! Папа!

Варвара Петровна подошла к мужу, держась рукой за сердце. Геолог обнял жену за плечи. Она ничего не сказала, только тихо заплакала и склонилась к нему на грудь.

Борис с Федором Павловичем стояли чуть в стороне. Борис закусил губы, чтобы не плакать. Басюта громко сморкался в платок и непрерывно вздыхал. Жизнь геолога полна невероятных и опасных приключений и всегда, до самого конца, состоит из грустных расставаний и радостных встреч. Басюта хорошо изучил эту жизнь.

Наконец Вера подошла к Борису. Трудно было бы сказать, кто из них был больше обрадован и больше смущен. Борис протянул Вере руку. Она пожала эту руку и, скользнув взглядом по лицу Бориса, сразу опустила глаза.

Борис покраснел. Он вдруг заинтересовался видом леса и гор и не знал, куда девать руки и глаза, но счастливая улыбка выдавала его с головой.

— Вы не сразу уедете отсюда, Вера?

— Нет. Я еще хочу побывать в вашем кратере. Ой, пойдемте же к Пете. Он прямо измучился без вас, ждет не дождется. Он так хочет видеть тебя, папа!..

Петя ожидал Ускова и нервничал. С напряжением вслушивался он в обрывки разговора, долетавшие до него со двора. Что они там стоят? Кто еще прилетел с Усковым? Доволен ли им дядя Вася? Как дела в кратере? Скоро ли пробьют ход?

Вот наконец вошел Василий Михайлович. Петя приподнялся, сияясь улыбнуться.

— Ну, Петя, ты вел себя как мужчина. Вот тебе моя рука! Спасибо за помощь и товарищескую выручку!

Он крепко пожал Пете руку и лишь потом обнял его и поцеловал. Но этого Петя уже не почувствовал — он ощутил крепкое мужское рукопожатие и слышал только похвалу своего строгого и несловоохотливого дяди.

— Обрадуй мать, напиши ей! Поправишься, поедешь домой...

Тень пробежала по лицу Пети.

— А вы? — спросил он дрожащим голосом.

— Мы? Мы будем продолжать изыскания. Скоро здесь закипит работа!

— Дядя Вася, знаете что?.. Я хочу остаться с вами... Все равно скоро каникулы. А потом мы вместе с Борисом уедем учиться. Можно так, а?

— Ты лежи пока, Петя, и поправляйся. После поговорим...

— Хорошо, дядя Вася, я буду лежать! Все равно, доктор сказал, еще пять дней — и он пустит меня на рыбалку.

В одном только остался непреклонен Усков. Он хотел, чтобы его жена и дочь выехали в город и ждали возвращения партии осенью. Как ни упрашивали его обе женщины, как ни уговаривал Борис, которому не хотелось так быстро расстаться с Верой, — ничего не помогло.

Пришлось подчиниться, и скоро обе женщины улетели сначала на восьмую базу, а оттуда домой. Впрочем, теперь они были спокойны за судьбу своих близких.

Глава тридцать шестая

В кратере гремят взрывы. — Последний штурм твердынь Эршота

Усков с Борисом вернулись в кратер. Вертолет спокойно опустил их на лужок около дома Сперанского.

Летчик с превеликой осторожностью вынул ящики со взрывчаткой, какие-то свертки и объемистые баллоны, без лишних слов попрощался и взмыл к туманному облаку. Только его и видели.

— У нас беда. Василий Михайлович, — сообщил Сперанский. — Мамонты погибли.

Сперанскому было тяжело. Для него погибшие мамонты были друзьями стольких лет одинокой жизни...

Видно, не суждено людям двадцатого столетия увидеть живых представителей древнейших эпох. Не сбылась мечта — привезти мамонтов в столицу...

Через час или два, опробовав маски, Любимов и Усков вошли в газовое облако, спокойно проследовали до самой газовой трещины и вступили в обитель смерти.

На дне впадины всё еще лежали погибшие медведи. Разложение их не коснулось: газ убил и гнилостные бактерии. В расселине царил таинственный и страшный полумрак. Она была неглубока — всего каких-нибудь сорок метров. Разведчики прошли до конца и вернулись обратно. Где же выходит газ?

В земле виднелись небольшие трещины. Несомненно, газ шел отсюда. Николай Никанорович подставил ладонь. Упругая теплая струя чувствительно ударила в руку. Замуровать? Если бы только одна трещина! Но весь пол изрезан ими!..

Возвращения Ускова и Любимова ждали с нетерпением и понятной тревогой: ведь они пошли к смерти в пасть. Увидев их, люди облегченно вздохнули.

— Выход есть, — сказал Усков. — Пещеру мы закроем. У нас есть три ящика аммонала. Кажется, этого будет достаточно.

— Достаточно для чего? — переспросил Борис.

— Для полного обвала. Если развалить стены, свод не выдержит и тогда все рухнет. Мы посадим на газовые трещины тысячи тонн камня — вот что мы сделаем.

Орочко задумчиво покачал головой.

— Газ все равно будет просачиваться, — сказал агроном. — Между камнями останутся трещины. Сумел же газ пробить себе путь из глубины...

Усков почесал затылок.

— Придется потрудиться, — вступил в разговор Любимов.

Два дня шла удивительная работа: Орочко, Борис, завхоз и Сперанский, засучив до колен брюки, ногами мести глину: они превратились в штукатуров.

В кратере в эти дни стояла теплая погода.

Роскошно цвели боярышник, черемуха и калина. На зеленых лапах секвойи желтели свернутые в чешуйки свежие ростки. Красноглазые глухари — большие любители свежих почек — с шумом перескакивали с ветки на

ветку. Душистые тополи испускали аромат весны. Сотни дятлов ожесточенно выстукивали на стволах деревьев свою рабочую песню; пели дрозды; орали несносные сойки; скрипели камышницы, и что-то по-стариковски бормотали лупоглазые рябчики. Весенний перезвон стоял в лесу. И только на самой земле было удивительно тихо и спокойно. Не пробежит шустрый русак, не проскользнет ловкая лисица, не пройдет вразвалочку по-хозяйски неторопливый медведь. Жизнь ушла выше, в восточный кратер.

Вооружившись масками, Усков и Любимов таскали мягкую глину в пещеру и мастерски замазывали трещины в полу, предварительно забив их камнями. К концу второго дня не осталось ни единой щели. Тогда геолог и проводник заложили аммонал, осторожно вышли из пещеры и дали контакт.

Оставим их на несколько минут и вернемся в Золотое ущелье. Здесь снова после долгого перерыва раздавались человеческие голоса, фыркали уставшие выючные лошади и лаяли собаки. Это новая, вспомогательная поисковая группа подошла наконец к наружному входу в пещеру Сперанского. Отказавшись от заслуженного отдыха, люди с ходу взялись за работу.

Теперь уже не слабые звуки геологического молоточка раздавались в пещере: опытный подрывник, беззаботно насвистывая песенку, пробил бурки, вставил в них заряды, наладил запальные шнуры.

— Готово?

— Готово.

— Из пещеры марш!

— Марш назад!

— Назад!..

Переключка все удалялась и удалялась. Когда последний рабочий был в безопасности, взрывник скомандовал самому себе:

— Даю контакт!

Где-то в глубине горы тяжело ухнуло, и спустя две—три секунды из пещеры вырвалось желтоватое облако пыли и расплылось по ущелью. Через час, когда развеялся дым, к перемычке пришли люди. Гранитная глыба

развалилась на сотни кусков. Из черной шелл, откуда в свое время вылез Петя, шла пыль. И снова дробно застучали буры, потом пришел веселый подрывник со шнурами, и снова прозвучало его «даю контакт!».

И так раз за разом все дальше и дальше отступала скала, все шире становился черный забой. Наконец подрывник опытным взглядом осмотрел стенку, пролез в щель и ощупал камни:

— Хватит. Мы ее теперь снизу возьмем.

Втащили пять ящиков аммонала, и ушелье вздрогнуло. Грохот прокатился далеко по распадкам. Лошади испуганно запрядали ушами, присели собаки, где-то далеко рванулись в испуге горные бараны и с быстротой ветра унеслись прочь от опасного места. Гром прогрехотал, эхо повторило его и стихло, поглощенное вечным молчанием северных гор. А когда люди снова вошли в пещеру и осветили фонарями поле битвы, стены уже не было. Валялись осколки, пахло кремнистой пылью, угаром, а впереди зияла черная пустота.

Чуть пригнувшись, поисковики смело пошли вперед, с удивлением осматривая черные своды, на которых висела лохматая копоть многочисленных костров. Они шли, всё ускоряя шаг, нетерпение и любопытство гнали их вперед.

И вот они вышли из пещеры, перелезли через стенку и остановились в изумлении. Новый мир открылся их глазам. Зелень деревьев, блеск озер, свежесть лугов... Но удивленное созерцание длилось недолго: невдалеке раздался новый мощный взрыв. Вечные стены кратера содрогнулись. Покатались камни, затрещали раздавленные деревья, облако пыли взметнулось и повисло как дымовая завеса. Это действовал Усков.

Внезапно где-то недалеко раздался винтовочный выстрел. Звук, впрочем, был настолько слабым после гулкого взрыва, что Усков не обратил бы внимания, если бы не Любимов. Обернувшись, проводник увидел группу незнакомых людей, чуть ли не бегом приближавшихся к ним прямо через зараженный луг.

— Назад! — крикнул им Любимов, забыв, что на нем маска.

Но слова не могли пробить резину.

Тогда Любимов и Усков бросились навстречу незна-

комцам. Те увидели двух человек в странных одеждах и насторожились. В тайге это обычно проявляется в том, что люди хватаются за винтовки и начинают щелкать затворами. Так было и на сей раз. К счастью, Усков вспомнил, что в этом месте газ уже ползет только низом, и сорвал маску. Его тотчас узнали:

— В чем дело, Василий Михайлович?

— Уходите назад! Здесь газы!

Люди быстро вышли на безопасное место.

— Как вы попали сюда? — спросил Усков.

— Через пещеру.

— Пробили?

— Пробили.

— Спасибо, друзья!

Прошло несколько дней, и облако смерти исчезло бесследно. Теперь мощное наступление начала жизнь. По-зеленели бурые луга, из земли быстро пробилась травка, на побегах проснулись почки. День, когда прогремели взрывы, явился поворотным в истории кратера.

На этом, собственно, можно было бы и закончить нашу повесть о мужественных людях, победивших природу.

Но как же сложилась дальнейшая судьба героев? Что стало со Сперанским? С Петей? С Борисом? Что происходит в кратере сегодня? Разрабатываются ли открытые там залежи золота и алмазов?

Пусть читатель наберется терпения и последует за нами по последним страницам нашей повести.

Э П И Л О Г

Прошло восемь долгих лет.

По бесконечному серому шоссе бежала блестящая легковая машина «ЗИМ». Резина легко шуршала по щебенистой дороге, и километр за километром проносились перед ветровым стеклом машины.

Где-то далеко позади остался Хамадан.

Город за эти годы значительно изменился. Он раздался вширь и ввысь, высокоэтажные дома заполнили все пространство между бухтой и рекой и теперь белели над старыми кварталами. Хамадан покрылся скверами и садами. Подрастали маленькие тополи и ветлы; даже березка — эта очень привередливая и чувствительная особа, и та согласилась наконец на постоянную прописку в городе. Теперь белые березовые стволы и узкие, точеные листочки уже не являлись редкостью в скверах и на обочинах тротуаров.

Восемь суровых зим прошло с тех памятных дней, когда северный город с триумфом встречал без вести пропавших членов знаменитой геологической партии Ускова. В те дни жители города впервые увидели и высокого седобородого человека, который прожил в затерянном кратере, в полном одиночестве, целых тридцать лет! С большой теплотой и сердечностью приняли его советские люди, окружили заботой и вниманием и сделали все, чтобы доктор Сперанский возможно скорее нашел свое место в новой жизни.

Накануне описываемого нами дня, когда большой дизель-электроход «Азия» с приветственным гудком подходил к пирсам гавани, Сперанский, ныне действительный член Академии наук СССР, удивленно поглядывал с борта парохода на город и спрашивал самого себя: «Неужели только восемь лет прошло? Сколько событий за это время: переезд в Москву, встреча с дочерью— единственным оставшимся в живых членом семьи, избрание в академию, большая научная работа...

Но изменился не только город.

Едва Сперанский ступил на пристань, как тут же попал в объятия солидного человека с лицом и улыбкой того самого Ускова, который когда-то первым пожал ему руку в кратере.

Владимир Иванович не удержался:

— Василий Михайлович! Нельзя так, дружище!.. Эх вас разнесло! Ведь вы уже в дальний поход теперь, пожалуй, и не годитесь. Отчислить из разведчиков пора!

— Увы, уже отчислили!..

— Неужели?

— Отчислен. Вот уже четыре года, как предводительствую в тресте. Помните Басюту, Федора Павловича? Сменил его. Он на пенсию ушел... Ну, а ваши дела каковы? Слышал о вас, дорогой наш академик. Читал и книги ваши. Выглядите молодцом. Годы не трогают вас, Владимир Иванович, обходят стороной...

Усков с деланной серьезностью сплюнул через плечо, чтобы своей похвалой не «сглазить» человека.

Сперанский, теперь уже почти восьмидесятилетний старик, действительно мало изменился. Разве только еще больше побелела его аккуратно подстриженная борода, да сутулость чуть опустила плечи. Опираясь на кизиловую палку, он шагал все же твердо, поблескивая живыми глазами из-под белых мохнатых бровей; густой бас академика не утратил бархатной свежести, которым всегда отличается человек доброго здоровья. Годы не помешали ему снова совершить далекое путешествие на Север.

Вскоре после доклада в Академии наук о своих исследованиях в кратере Эршота Сперанский был избран почетным членом Академии наук и в дальнейшем сво-

ними трудами завоевал заслуженное уважение всего научного мира. Но самым радостным событием у него отмечен 1949 год.

Весной сорок девятого года, в одном из залов величественного здания, купол которого увенчан алым бархатным флагом страны, седой президент Советского Союза вручил Сперанскому высшую награду Родины — Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина.

Сперанского ждала еще одна радость: Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза счел возможным не только подтвердить партийность Сперанского, но и полностью восстановил его партийный стаж с 1912 года.

Беспокойное сердце исследователя заставило Сперанского снова посетить Север. Хотелось увидеть места, где прошли столь многие годы его жизни, узнать, что произошло с кратером Эршота и со всем этим далеким краем, повидать друзей и поклониться могиле старого товарища.

И вот Сперанский снова на Севере.

Дорога, связывающая Хамадан с десятками приисков, предприятий и якутских колхозов, раскиданных по необъятному простору горной страны, приобрела солидность, необходимую каждой уважающей себя магистрали: гравийная лента шоссе остолблена по сторонам, всюду дорожные знаки с предупреждением о поворотах, спусках, подъемах; капитальные бетонные мосты и дорожные будки украшают ее. Через каждые сто—двести километров стоят заправочные колонки, столовые и дома для отдыха шоферов и пассажиров. Все сделано добротно, солидно и красиво. Дорога со своим хозяйством уже прочно вошла в местный пейзаж, и без серой ленты дороги его уже нельзя себе теперь представить.

Вот легковая машина управляющего «Севстроя» остановилась возле заправочной колонки на берегу небольшой речки. На обоих берегах стоял и смотрелся в воду угрюмый таинственный лес. Дорога пересекала речку и по узкой просеке уходила дальше в тайгу.

— Узнаете, Владимир Иванович, эти места? — спросил Усков.

Сперанский растерянно оглядывался и пожимал плечами.

— База номер восемь! В те времена здесь была концевая станция плохонького шоссе. Сюда мы летали в вертолете, вон на тот аэродром...

— Нет, не узнаю, — откровенно сознался академик. — Отсюда мы, что же... на лошадах или трактором поедем до Эршота?

— Ну вот! А «ЗИМ» у нас зачем? Восьмая база уже давно не конечная станция. Шоссе протянуто в долину Бешеной реки, к Золотому ущелью и... Впрочем, вы скоро увидите сами.

— Вы мне писали, Василий Михайлович, что-то по поводу Золотого ущелья. Там, если не ошибаюсь, у вас теперь работают промывочные приборы?

— Целый прииск. Организовали в том же году. Как он помог нам! Месторождение оказалось очень перспективным. В районе Эршота не только прииск, там теперь большое управление.

Машина проходила по хорошей дороге за один час такое расстояние, какое раньше изыскательские партии проходили за двое—трое суток, с трудом пробираясь по болотам и тайге. К вечеру запыленный «ЗИМ» выскочил на высокий перевал и остановился перед спуском.

Солнце уже зашло. Густые тени легли на лесные уголки, и долина внизу потемнела, словно до краев налилась лиловыми сумерками. Вокруг долины толпились черные горы. Кольцо их сжимало долину со всех сторон, оберегая ее ночной покоей.

Усков и Сперанский вышли из машины и стали на краю обрыва. Помолчали. Сперанский увидел на фоне закатного неба облачную шапку Эршота, и воспоминания нахлынули целым потоком. Именно здесь, на берегу реки, тускло мерцающей сейчас внизу, нашел свой последний приют Никита Петрович Иванов, его верный товарищ.

А дальше, за темными каменными стенами, скрывается кратер, чуть шепчутся гигантские секвойи, бродят стада горных баранов, сверкают озера, чернеют глубокие пещеры...

Владимир Иванович тяжело вздохнул.

В ту же минуту в лесу на берегу реки вспыхнули яркие огни: раньше в одном месте, потом в другом, скользнули цепочкой дальше, еще дальше, протянулись через лес на склоны гор, засияли где-то там, в распадах, и вся долина — темная, мрачная лесная долина — вдруг потеряла всю свою таинственность и предстала перед глазами людей обычным индустриальным пейзажем, каких теперь уже так много по северу страны.

Усков посмотрел на Сперанского. И оба засмеялись.
— Кое-что изменилось?..

В гостинице они немного отдохнули с дороги. Перед ужином Усков позвонил в управление.

— Попросите геолога Одинцова. Вот что, Петя... Приходи сейчас к нам в гостиницу, тут кто-то тобой интересуется... Сам увидишь... А Борис где? У себя? Ну ладно, к нему мы завтра заедем. Нам по пути.

Когда Усков и Сперанский уже сидели за столом, дверь стремительно открылась и в столовую вошел молодой человек. Высокая статная фигура в традиционном брезентовом плаще, полевые сапоги и фуражка с откинутым накомарником — все выдало в нем геолога-полевика, накрепко сжившегося с палаткой, костром и звездным небом над головой. Увидев сидящих в комнате, лицо его, загоревшее и широкое, осветилось радостью, глаза заблестели. Он широко раскинул руки и шагнул к столу:

— Владимир Иванович!

— Петя, дорогой мой мальчик!..

Утром гости продолжали свой путь.

Дорога пошла вверх по реке, то приближаясь к самому берегу, то отклоняясь в лес.

Вот и старое якутское стойбище. Берег Бешеной реки еще больше осыпался, отступил в глубь тайги, и мутные воды по-прежнему ожесточенно бьют в мерзлую гальку. Машина замедлила ход. Дорога сворачивала влево, огибая холм. От дороги на холмик шла усыпанная песком дорожка.

Пассажиры вышли из машины и, обнажив головы, поднялись на холмик. За железной оградой стоял камен-

ный обелиск. В серый гранит была вделана мраморная плита:

**НИКИТА ПЕТРОВИЧ
ИВАНОВ,**

верный сын большевистской партии и рабочего класса.

1876—1917

Постояли над могилой старого большевика, возложили к подножию обелиска венки...

На повороте дороги стоял указатель. На нем крупно написано: «До прииска имени Н. П. Иванова 29 километров».

Сперанский вопросительно посмотрел на Ускова.

— Ну да, прииск имени Иванова. Это тот, что в Золотом ущелье...

Скоро они подъехали к дому начальника прииска. У дверей их встретила молодая женщина. За ней виднелась чья-то кудрявая головка.

— Здравствуй, папа!.. — воскликнула она. — Ой, и Владимир Иванович! Вы меня узнаете?

— Теперь узнаю! Верочка? Неужели и это ваше? — он указал на кудряшки.

— Наше! Мое и Борино. А папка наш, таким образом, уже дедушка. Он, конечно, вам не признался?

...Но дальше, дальше... Наше повествование подходит к концу, и нам не терпится скорее провести читателя по знакомым местам, где много лет назад развернулись столь странные события...

Машина прошла мимо разрезов молодого прииска, где шумели промывочные приборы и грохотали бульдозеры, и быстро побежала в гору вдоль знакомой долины, где когда-то разыгралась драма с полярными волками. Скоро она спустилась в глубокое ущелье и остановилась возле маленького домика, к двери которого была прибита дощечка: «Регистратура курорта «Горячий ключ». Здесь нельзя было не остановиться.

Девушка в белом халате деловито покрутила ручку телефона и сняла трубку:

— Второй? Проход свободен? По туннелю пускаю машину...

Над полукруглым отверстием пещеры вспыхнул зеленый огонек. Проезд открыт. Где-то там, в конце туннеля, в эту же секунду загорелся красный огонек: по проезду идет машина, путь занят!

Машина въехала в знаменитую пещеру. Как много здесь потрудились люди! Стены выровнены и скреплены бетоном. Пещера во многих местах спрямлена и расширена так, что по ней свободно проходит трактор. Гирлянда лампочек освещает путь. При быстром ходе машины очень заметен подъем. «ЗИМ», легко пофыркивая, несется вперед. Пассажиры молчат, подавленные впечатлениями этого подземного путешествия.

Последний поворот. Зеленый огонек светофора. Белое пятно дневного света. И вот они снова в кратере Эршота...

С верхней площадки перед пещерой хорошо виден весь западный кратер. Нетронутые зеленые леса. Пестрое разнотравье лугов. Блестящее озеро и неширокая речка, на глади которой играют солнечные блики. Лес тянется до высокой северной стены и уходит через узкий проход в восточную часть кратера.

— Что это? — спрашивает Сперанский, показывая на веселые домики и башню шахтного подъемника, возвышающиеся на берегу озера, там, где в свое время стоял его деревянный домик и серели стены загона для мамонтов.

— Это? Алмазный рудник, обоганительная фабрика и здания опытной станции филиала Академии наук... Сейчас здесь заповедник. С того дня, как мы выбрались отсюда, в кратере не срублено ни одно дерево, не убито ни одно животное. Флора и фауна кратера находятся под охраной государства. Старшим егерем знаете кто? Наш уважаемый Николай Никанорович. Он так полюбил это место, что решил поселиться здесь навсегда. Его начальник... Да, кстати, вы ведь еще не знаете?...

— Чего я не знаю?

— Кто является руководителем заповедника. Ну-с,

таковым является доктор сельхознаук Александр Алексеевич Орочко...

Они подъехали к конторе заповедника. Двухэтажное здание стояло на самом берегу озера. Сперанский как будто что-то искал глазами. Усков понял его и повел за собой. Позади конторы, в зелени кустов орешника, все еще стоял его домик. Цел! Он был заботливо окружен изгородью и остался таким же, каким его построил в свое время невольный узник кратера.

Не будем говорить о восторженной встрече старых друзей. Кто из них был более счастлив — агроном, проводник или академик, — сказать трудно... Вечером, за стаканом вина, у каждого нашлось о чем рассказать и что вспомнить.

— Позвольте, — вдруг забеспокоился Сперанский, — перед входом в пещеру я видел на дощечке слова «Курорт «Горячий ключ». Так, кажется? Где же он?

— Как где? А помните вашу баню? Ручеек из скалы? Так вот, бальнеологи нашли, что эта вода очень целебна. Мы здесь построили курортное здание, установили ванны. Теперь все горняки нашего треста, местные жители, рыбаки и охотники привозят сюда свои недуги и, должен вам сказать, уезжают без них. Так, Николай Никанорович?

— На себе испытал, Владимир Иванович!

— Ну, значит, и я своим здоровьем обязан целебной воде. Посчитайте: тридцать лет. А в каждом году пятьдесят две недели... Вряд ли найдется еще другой, кто принял бы за свою жизнь столько минеральных ванн...

— Завтра осмотрим курортные здания. Они в лесу, поближе к тому месту, откуда когда-то сочился газ.

— А как посевы. Александр Алексеевич?..

— Что ж посевы?! Здесь у нас совхоз. Заповедник и опытная станция занимаются не только «чистой» наукой. Мы выращиваем овощи, ягоды и даже разбили фруктовый сад. Это первый в мире сад на таких высоких широтах. Построили теплицы и парники на горячей воде источников и снабжаем свой курорт свежей зеленью.

— Перепадает и приискам, — вставил Усков. — Не скромничайте, Александр Алексеевич. Ели мы с вами в городе спелые помидоры. Владимир Иванович? Это отсюда, из кратера.

— Что же получается, товарищи? — Сперанский веселыми глазами осмотрел друзей. — Выходит, наш кратер не просто интереснейшая находка для науки, но и нечто большее: он стал крупным промышленным и культурным центром: дает алмазы, лечит людей, снабжает овощами огромный район...

На другой день все направились в санаторий. После его осмотра гости уселись в столовой. Через минуту из кухни вышел улыбающийся шеф-повар. Как только он увидел своих старых друзей, его рыжеватые усы сами собой победно взвились вверх, а на полном лице разлилась такая радость, какую можно видеть только у очень добрых и веселых людей с открытым сердцем.

— Лука Лукич! И вы здесь?! Дайте же я вас обниму, лихой казак!

Академик с чувством поцеловал Хватай-Муху в его рыжие веселые усы.

Шеф-повар смахнул рукой слезинку и убежал на кухню, не будучи в силах справиться с волнением. Скоро он вернулся с солидной суповой миской в руках:

— Спробуйте борщу, Владимир Иванович! Не знаю, чи он вкусный, а шо горячий, то ручаюсь!

* * *

Ночью, когда тихое небо успокоенно замигало тысячами звезд и на всей нашей большой земле утихла дневная суета, Сперанский вышел на балкон и уселся в кресло.

Темная масса северной стены возвышалась перед ним. Ниже, в темноте, угадывались молчаливые леса, поблескивала вода в озере, покрытый бисером росы луг растянулся по берегам. Стояла полная тишина. Она так живо напомнила старику годы его трудного одиночества в кратере... Он прислушался. Ни звука кругом. Тени прошлого надвигались из леса. Тоскливо сжалось сердце. Так захотелось услышать низкий и мощный, как подземный гул, голос милого Ласа — верного друга на протяжении многих-многих лет. Увы! Доверчивые гиганты Ласковый и Дикий волею случая пришли в наш век из далекого прошлого и так же ушли. Их короткая жизнь тесно переплелась с жизнью человеческой, и па-

мать о верных друзьях осталась навсегда в сердце Сперанского.

Владимир Иванович закрыл глаза. Что-то соленое капнуло на его седые усы. Он встал, посмотрел еще раз на темный молчаливый лес и медленно пошел в комнату. Ночь неслышно шествовала по необъятным просторам Севера.

Кратер спал.

1955—1957.

*Станица Динская,
Краснодарского края.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая БЕЛОЕ ПЯТНО НА КАРТЕ

Глава первая, <i>без которой читателю многое было бы неясно в дальнейшем</i>	5
Глава вторая, <i>в которой читатель знакомится с героями повести и отправляется вместе с ними в путь</i>	13
Глава третья <i>повествует о первых приключениях экспедиции. — Странные озера. — Рысь готовится к прыжку</i>	22
Глава четвертая, <i>в которой даются кое-какие сведения о вечной мерзлоте, а также описывается загадочная находка Пети</i>	36
Глава пятая, <i>в которой читатель ознакомится с содержанием найденной тетради</i>	44
Глава шестая <i>Экспедиция идет по новому маршруту</i>	51
Глава седьмая, <i>из которой видно, что дерево может иногда служить источником важной информации</i>	59
Глава восьмая <i>Золотое ущелье найдено. — Пещера Сперанского</i>	62
Глава девятая, <i>с которой начинаются главные события этой повести. — Табун исчез. — Волки. — Начало катастрофы</i>	68
Глава десятая <i>Ураган. — Партию 14-бис уносит в бездну</i>	72
Глава одиннадцатая <i>переносит читателя в город Хамадан. — Партия 14-бис исчезла бесследно. — Поиски начаты</i>	78

Часть вторая

КРАТЕР ЭРШОТА

Глава двенадцатая, <i>в которой начинается правдивое описание того, что случилось с разведчиками, когда они свалились в пропасть</i>	92
Глава тринадцатая <i>Каменная западня. — У пленников Эршота один путь — на дно кратера!</i>	90
Глава четырнадцатая <i>Удивительные открытия. — Гостеприимный медведь. — Доисторический лес — Таинственный трубный глас</i>	97
Глава пятнадцатая, <i>посвященная достоверной встрече, которую сам автор считает почти фантастической</i>	106
Глава шестнадцатая <i>Первое знакомство. — Урок политеграмоты. — Дик и Лас</i>	115
Глава семнадцатая, <i>которая возвращает читателя к событиям тридцатилетней давности</i>	119
Глава восемнадцатая, <i>в которой Сперанский продолжает свой удивительный рассказ</i>	128
Глава девятнадцатая, <i>в которой сообщаются краткие сведения о Сперанском и его хозяйстве</i>	136
Глава двадцатая, <i>из которой видно, что положение не столь безвыходное, как считал Сперанский</i>	143
Глава двадцать первая <i>Огонь и вода — против каменных скал. — Сокровища деревянного ларя. — Удивительная рыбацкая артель Луки Лукича. — Пещера смерти</i>	153
Глава двадцать вторая <i>Петя Одинцов пробивается вперед — Один в каменной клетке — Отчего плачет старый проводник</i>	166
Глава двадцать третья <i>Газ наступает. — Ночной побег. — Героическая битва с каменной твердью</i>	171
Глава двадцать четвертая, <i>в которой обстоятельства складываются так, что участ-</i>	

Часть третья

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Глава двадцать пятая, в которой кратко описываются новые поиски, предпринятые трестом	184
Глава двадцать шестая о первых днях, проведенных Петей в пути, и о встрече, которой не удалось избежать	189
Глава двадцать седьмая Великое переселение муравьев. — Мертвая зона расширяется. — Планы спасения ценностей	197
Глава двадцать восьмая о том, как начались поиски и куда направились основные поисковые отряды треста	202
Глава двадцать девятая, в которой на сцене появляется Криворотый Ангел	207
Глава тридцатая В плену у бандитов. — Допрос. — На плоту по Бешеной реке.	211
Глава тридцать первая Погоня. — Встреча с волками. — Снова Криворотый Ангел. — Ночная схватка	221
Глава тридцать вторая Вертолет в воздухе. — Станный бред Пети Одинцова	224
Глава тридцать третья Вертолет в кратере — Гибель мамонтов — Но где же Усков и его люди?	228
Глава тридцать четвертая, в которой происходят такие неожиданные встречи, что у Хватай-Мухи сгорает лук.	233
Глава тридцать пятая, рассказывающая о том, как просто иногда кончаются самые удивительные приключения	241
Глава тридцать шестая В кратере гремят взрывы — Последний штурм твердынь Эршота	245
Эпilogue	250

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге направляйте по
адресу. Москва, Д-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для среднего и старшего возраста

Пальман Вячеслав Иванович

КРАТЕР ЭРШОТА

Ответственный редактор
И. М. Кассель

Художественный редактор
Г. С. Вебер

Технический редактор
З. В. Тишина

Корректоры:
А. Б. Стрельник и М. Б. Шварц

Сдано в набор 13/VIII-1958 г. Подписано к
печати 20/XI-1958 г. Формат 84×108 ¹/₃₂ —
16,5 печ. л = 13,55 усл. печ. л. (13,34 уч.-
изд. л.). Тираж 90 000 экз. А09855.
Цена 6 руб. 50 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.
Типография «Пунане Тяхт» Таллин,
ул. Пикк, 54/58. Заказ № 1401.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Книги, вышедшие и в ближайшее время выходящие в Детгизе

**«Мир
приключений».**

Альманах. Книга четвертая. Сборник научно-фантастических и приключенческих повестей, рассказов и очерков

**Штильмарк Р. и
Василевский В.**

Наследник из Калькутты. Историко-приключенческий роман о борьбе свободолюбивых корсаров с работорговцами в XVIII веке

Волков А.

Звезда утренняя. Научно-фантастический роман о приключениях советской экспедиции на Венере

Фидлер А.

Маленький Бизон. Повесть о приключениях индейского мальчика племени Черных Стол.

Майский И.

Близко-далеко. Приключенческая повесть.

Томан Н.

Что происходит в тишине. Приключенческие повести о подвигах советских разведчиков.

Немцов Вл.

Огненный шар. Фантастические и научно-художественные повести и рассказы

Брянцев Г.

Голубой пакет. Военно-приключенческая повесть о подвигах советской разведчицы и патриотов-подпольщиков в тылу гитлеровских армий.

